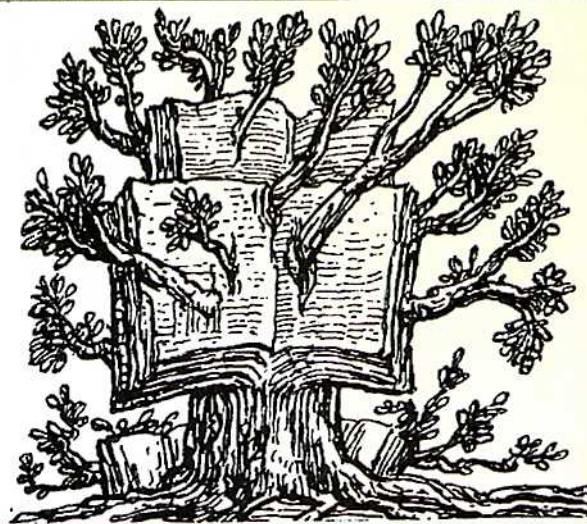

Часть вторая
Учебник-хрестоматия

ЛИТЕРАТУРА

5

класс

ДРОФА

ЛИТЕРАТУРА

5

КЛАСС

Учебник-хрестоматия
для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

Часть 2

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

13-е издание, стереотипное

Москва

ДРОФА

2011

УДК 373.167.1:821(082)

ББК 83(3)я72

Л64

**Автор-составитель
Т. Ф. Курдюмова**

Художник А. Антонов

**В книге использованы иллюстрации:
Г. Доре («Приключения барона Мюнхгаузена»),
Ж. Гранвиля («Робинзон Крузо»)**

Л64 Литература. 5 кл. В 2 ч. Ч. 2 : учеб.-хрестоматия для общеобразова-
ват. учреждений / авт.-сост. Т. Ф. Курдюмова. — 13-е изд., стерео-
тип. — М. : Дрофа, 2011. — 253, [3] с. : ил., 8 л. цв. вкл.

ISBN 978-5-358-09736-0 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-09737-7

Учебник-хрестоматия для учащихся 5 класса входит в серию учебных пособий, созданных по единой программе литературного образования (5-11 классы), составленной Т. Ф. Курдюмовой. Для каждого класса выпущены учебник-хрестоматия для учащихся и методическое пособие для учителя.

Программа и учебные книги направлены на воспитание ученика как образованного и вдумчивого читателя, способного понять художественную ценность произведений, определить их место в историко-литературном процессе.

Учебник-хрестоматия «Литература. 5 класс» открывает процесс литературного образования школьников. Автор обращает внимание учащихся на истоки литературного процесса — мифологию, фольклор, а также знакомит пятиклассников с основами литературоведческих знаний.

УДК 373.167.1:821(082)

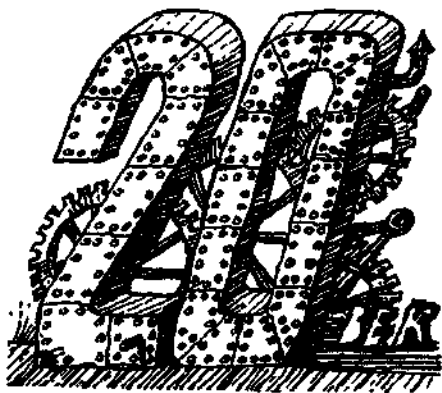
ББК 83(3)я72

ISBN 978-5-358-09736-0 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-09737-7

© ООО «Дрофа», 1999

© ООО «Дрофа», 2009, с изменениями

Литература XX века

Связь веков

Литературные произведения, созданные в XX веке в России, неразрывно связаны с творениями писателей и поэтов прошлых столетий. Среди множества шедевров XIX века особое место занимают произведения А. С. Пушкина. Не случайно его образ возникает в поэзии XX века, а также в лирике и прозе современных авторов.

Иван Алексеевич Бунин

1870—1953

26-е мая

Поэт нам дорог тем, что он
О счастье нам напоминает
И сумрак жизни озаряет,
Как солнце хмурый небосклон.
Дни славы Пушкина — желанный
И светлый праздник. Сколько раз
Его мечты во тьме туманной,
Как солнце, радовали нас!

И этот миг, когда венчает
Его вся Русь, — еще тесней
С его душою нас сближает
И в жизнь, и в счастье, и в людей
Нам веру гордую вселяет.

Вопросы и задания

- 1. Стихотворение напечатано в 1899 году. С каким событием связано его создание?
- 2. Как вы объясните, почему стихотворение названо «26-е мая»?
- 3. Найдите в стихотворении сравнение, которое характеризует Пушкина.
- 1. Стихотворение написано любимым стихотворным размером Пушкина. Какой это размер?
- 2. Обратите внимание на лексику стихотворения. Какие слова и словосочетания переносят нас в XIX век?

Анна Андреевна Ахматова

1889—1966

В Царском Селе

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни¹.

¹ *Парни* — французский поэт, стихи которого любили читать лицеисты пушкинского выпуска.

Вопросы и задания

- Каким вы представили себе Царское Село, прочитав это стихотворение? При ответе на вопрос вам помогут иллюстрации, помещенные на цветной вклейке.
- Прислушайтесь к звукописи в строках:

И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов...

Какие звуки повторяются? Что они передают?

Всеволод Александрович Рождественский

1895—1977

Памятник юноше Пушкину¹

Распахнув сюртук свой, на рассвете
Он вдыхал все запахи земли.
А вокруг играли наши дети,
Липы торжествующе цвели.

Бабочки весенние порхали
Над его курчавой головой.
Светлая задумчивость печали
Шла к нему — и был он как живой.

Вот таким с собою унесли мы
И хранили в фронтовой семье
Образ светлый и неповторимый —
Юношу на бронзовой скамье.

¹ В Царском Селе недалеко от Лицея, в котором учился Пушкин, есть памятник, созданный скульптором Р. Бахом, изображающий юного Пушкина. В годы Великой Отечественной войны памятник был спасен от захватчиков — его зарыли в землю.

И когда в дыму врага, в неволе
Задышался мирный городок,
Ни один боец без горькой боли
Вспомнить об оставшемся не мог.

Но светлей легенд иные были...
Словно клад бесценный в глубь земли,
Руки друга памятник зарыли
И от поруганья сберегли.

.....

Мы копали бережно, нескоро —
Только грудь дышала горячо.
Вот он! Под лопатою сапера
Показалось смуглое плечо,

Голова с веселыми кудрями,
Светлый лоб — и по сердцам людским
Пробежало солнечное пламя, —
Пушкин встал — и жив, и невредим.

Вопросы и задания

- 1. Расскажите о судьбе памятника поэта в Царском Селе, используя текст стихотворения.
- 2. Сколько лет охватывают события, о которых сказано в стихотворении?
- 3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.
- 1. От чьего лица ведется повествование?
- 2. Какие чувства и переживания переданы поэтом в стихотворении?

Итоговые вопросы и задания к теме «Связь веков»

- 1. Что вы знаете о Пушкине? Какие стихи о поэте и его творчестве выучили наизусть?
- 2. Как вы думаете, почему личность Пушкина и его произведения привлекают внимание читателей XX—XXI веков?

- 1. Какому из представленных в учебнике-хрестоматии поэтов удалось наиболее точно, с вашей точки зрения, показать отношение потомков к великому поэту?
2. Подготовьте литературную композицию «Поэты XX века о А. С. Пушкине».

*Литературные сказки
XIX—XX веков*

Ханс Кристиан Андерсен

1805—1875

Родился он в 1805 году... в старом датском городе Одензе в семье сапожника...

Андерсен вырос в бедности. Единственной гордостью семьи Андерсенов была необыкновенная чистота в их доме, ящик с землей, где густо разрастался лук, и несколько вазонов на окнах.

В них цвели тюльпаны. Их запах сливался с перезвоном колоколов, стуком отцовского сапожного молотка, лихой дробью барабанщиков около казармы, свистом флейты бродячего музыканта и хриплыми песнями матросов, выводивших по каналу неуклюжие барки¹ в соседний залив.

Во всем этом разнообразии людей, небольших событий, красок и звуков, окружавших тихого мальчика, он находил повод для того, чтобы радоваться и выдумывать всякие истории.

¹ *Барка* — деревянное плоскодонное речное судно без палубы.

Андерсен считал свою жизнь прекрасной и почти безоблачной, но, конечно, лишь в силу детской своей жизнерадостности...

Из рассказа К. Паустовского «Сказочник»

Сказки и истории Х. К. Андерсена (обратите внимание на то, что перед нами истории, а не только сказки!) обошли весь мир и до сих пор радуют юных и взрослых читателей. Все, на что падает взгляд писателя, помогает ему создать новое произведение. В сказке «В детской» Андерсен рассказывает о том, как рождается сказка. Маленькая Анна со своим крестным отцом делают из ящика театр, актерами которого становятся те предметы, которые им попались под руку: обломок трубки становится отцом семейства, перчатка — его капризной дочерью... Перед маленькой Анной разыгрывается забавная история, и мы, читатели, видим, как фантазия помогает случайному предмету стать действующим лицом пьесы.

Андерсен не раз говорил: «Материала у меня бездна, больше, чем для любого другого рода поэзии; часто мне кажется, будто каждый плетень, каждый самый маленький цветочек говорят мне: «Только взгляни на меня, и тебе откроется история всей моей жизни». И действительно, стоит мне сделать так, как они велят, и рассказ о любом из них готов».

О себе Андерсен рассказал в «Сказке моей жизни». Он утверждал, что сказка — это не обязательно история со счастливым концом. Радость и счастье не в удаче, а в стремлении к добру, в сопротивлении человека мрачным силам, в стойкости и самоотверженности, в бескорыстной борьбе за правду. Поэтому сказки и истории писателя одинаково важны и детям и взрослым.

Андерсен рассказывает нам о самых разных событиях и героях. Так, знакомая вам сказка «Гадкий утенок» — это почти автобиография Андерсена. Немецкий писатель Фриц Майхнер так и назвал свою книгу о сказочнике — «Гадкий утенок».

Вы, наверное, читали «Стойкого оловянного солдатика», «Огниво», «Русалочку», «Ледяную деву», «Свинопаса», «Новое платье короля», «Оле-Лукойе»...

«Снежная королева» — одна из самых известных сказок Андерсена. Эта сказка состоит из семи историй, и каждая из них имеет свое название.

Названия историй представляют собой план всей сказки, который вы можете использовать, когда захотите ее рассказать.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Какие сказки Андерсена вы читали и хорошо запомнили?
- 2. Какую из прочитанных сказок датского писателя вы могли бы без подготовки рассказать одноклассникам?
- » 1. Что, как вам кажется, отличает сказки Андерсена от сказок народных?
- 2. Что в сказках писателя напоминает фольклорные произведения? Приведите примеры.

Снежная королева

Сказка в семи историях

В сокращении

История первая

Зеркало и его осколки

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь.

Так вот, жил-был тролль¹, злощий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами, или казалось, что они стоят кверху ногами, а животов у них вовсе нет!.. Все ученики тролля, — а у него была своя школа, — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим Творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись еще, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги.

Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, еще больше бед, чем самое зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начал видеть все наизуот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны, — ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце,

¹ Тролль — волшебное существо из древних легенд северных народов.

и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик, так приятно щекотал его успех этой выдумки. Но по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же про них.

Вопросы и задания

- 1. Зачем злобный тролль создал волшебное зеркало?
- 2. Кто поддержал тролля?
- 3. Как получилось, что зеркало разбилось?
- 4. Что произошло с осколками зеркала? Почему «злой тролль хохотал до колик», глядя на судьбу осколков зеркала?
- 1. Как в этой главе Андерсен познакомил нас с силами зла?
- 2. Как писатель доказывает нам коварство и изобретательность сил зла?
- 3. Как автору удастся уже в этой главе доказать, что зло не всесильно?

История вторая

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удастся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шел

водосточный желоб, приходившийся как раз под окош-ком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шаг-нуть из какого-нибудь окошка на желоб, и можно было очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли коренья и небольшие кусты роз — в каж-дом по одному, — осыпанные чудными цветами. Роди-телям пришло в голову поставить эти ящики на дно желобов; таким образом, от одного окна к другому тя-нулись словно две цветочные грядки. Горох спускался из ящиков зелеными гирляндами, розовые кусты за-глядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твердо зна-ли, что им нельзя карабкаться на них, то родители час-то позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за веселые игры устраивали они тут!

Зимой это удовольствие прекращалось, окна зачас-тую покрывались ледяными узорами. Но дети нагрева-ли на печке медные монеты и прикладывали их к за-мерзшим стеклам — сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок, — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они од-ним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старушка бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал маль-чик; он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Снежинки окружа-ют ее густым роем, но она больше их всех и никогда не

остаётся на земле — вечно носится на черном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это сушая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, укутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна, так нежна, вся из ослепительно белого льда и все же живая! Глаза ее сверкали, как звезды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своем маленьком садике на крыше.

Розы цвели все лето восхитительно. Девочка выучила псалом¹, в котором тоже говорилось о розах; девочка

пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут...
Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним, — им чудилось, что с него глядел на них сам младенец Христос. Что за чудное было лето, и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Мне кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал, но в глазу ничего как будто не было.

— Должно быть, выскочило! — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось еще ярче, дурные стороны каждой вещи выступали еще резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но самые осколки в них остались.

— О чем же ты плачешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь! А та

¹ *Псалом* — религиозное песнопение, входящее в Псалтырь (часть Библии).

совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя ее испуг, вырвал еще одну и убежал от миленькой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь старушка бабушка, он придирался к словам. Да если бы еще только это! А то он дошел до того, что стал передразнивать ее походку, надевать ее очки и подражать ее голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик научился передразнивать и всех соседей — он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, — и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда шел снежок, он явился с большим зажигательным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда! — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо:

— Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саниам и уезжали таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь укутанный в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали кругом площади два раза; Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешно отпустил веревку, которую зацепил за большие сани, но санки его точно приросли к большим саниам и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз! Полезай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но нет, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя! — сказала она. — А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее; она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда она сидела за окном и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил свой взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на темное свинцовое облако, и они понеслись вперед. Буря выла и стонала, словно распевая старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю дорогу — долгую зимнюю ночь, — днем он спал у ног Снежной королевы.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Расскажите о Кае и Герде.
- 2. Что вы узнали о жизни семей Кая и Герды?
- 3. Какие занятия и игры детей описал автор?
- 4. Когда Кай впервые увидел Снежную королеву?
- 5. В какой момент и почему изменилось поведение Кая?
- 6. Когда Кай вновь встретился со Снежной королевой?
- 7. Как Кай попал в царство Снежной королевы?
- ▶ 1. Как вы оценили перемену в поведении Кая?
- 2. Заметил ли сам Кай эту перемену? Почему, как вы думаете, он не мог ее заметить?
- 3. Как отнеслась Герда к необычному поведению Кая?
- 4. Создайте словесный портрет Снежной королевы или нарисуйте ее.

История третья

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто не знал этого, никто не мог о нем ничего сообщить. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Никто не знал, куда он девался. Много было пролито о нем слез; горько и долго плакала Герда. Наконец, порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнышко.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки — Кай ни разу еще не видал их, — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано; она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки, первую свою драгоценность, и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу, — река как будто не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на целый аршин и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее криков; воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега да щебетали, словно желая ее утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило все дальше; Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее. Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чудеснейшие цветы, высокие, раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, но нигде не было видно ни одной человеческой души.

«Может быть, река несет меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на нос и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вот она приплыла к большому вишневому саду, в котором уютился домик с цветными стеклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдем, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала? — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чем горевать — пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки! Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все из разноцветных — красных, голубых и желтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились, и кудри окружали свеженькое, круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобою!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая, — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде ее роз вспомнит о своих, а там и о Кае, да и убежит...

Раз Герда сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; среди них краше всех была как раз роза, — старушка забыла ее стереть. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказал Герда и сейчас же побежала искать их по всему саду — нет ни одной!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю — куст мгновенно вырос из нее, такой же свежий, цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками,

принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землею, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказал Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; их наслушалась Герда много, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае...

И она побежала из сада...

Вопросы и задания

- ▶ 1. Как Герда попала в волшебный сад старушки?
- 2. Чем девочка была занята в волшебном саду и почему не вспоминала о Кае? Используйте цветную вклейку.
- 3. Как Герде удалось вспомнить о Кае и продолжить свое путешествие?
- 4. Почему именно соломенная шляпа старушки помогла Герде вспомнить о Кае?
- ▶ 1. Опишите поведение и состояние Герды, когда она поняла, что потеряла много времени. Используйте текст сказки.

История четвертая

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго-долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька? Слова «одна-одинешенька» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все их значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Может быть, может быть!

— Как? Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихе! Потихе! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай! Но теперь он, верно, забыл тебя со своей принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай! — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему! Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили! — сказала Герда. — Бабушка — та понимает! Хорошо бы и мне уметь!

— Ну, ничего! — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всем, что только сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и уж позабыла все, что прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне, — а веселья-то в этом ведь немного, как говорят люди, — и напевала песенку: «Отчего ж бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот созвали бара-

банным боем всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста, она ручная, разгуливает по дворцу, — от нее-то я и знаю все это.

Невестою его была ворона — каждый ведь ищет жену себе под стать.

— На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберет себе в мужья! Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою!..

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Так я нашла его! — и она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка! — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушел из дома с санками!

— Очень возможно! — сказал ворон... — Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так по крайней мере сказала мне моя невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься,

а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже!

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — ответил ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моею невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!..

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, усыпанным пожелтевшими осенними листьями, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверь.

О, как билось сердечко Герды от страха и радостного нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, улыбку... Как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз! А как обрадуется он теперь, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они на площадке лестницы; на шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, фрекен! — сказала ручная ворона. — Ваша *vita*¹ — как это принято выражаться — также очень трогатель-

¹ Жизнь (лат.).

на! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим!

— А мне кажется, кто-то идет за нами! — сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются сюда, чтобы мысли высоких особ унеслись на охоту. Тем лучше для нас — удобнее будет рассмотреть спящих! Надеюсь, однако, что, войдя в честь, вы покажете, что у вас благодарное сердце!

— Есть о чем тут и говорить! Само собою разумеется! — сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу, всю обтянутую розовым атласом, затканным цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников.

Одна зала была великолепнее другой — просто оторопь брала. Наконец они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай! Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны...

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадыю и пару башмаков, — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала золотая карета с сияющими, как звезды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореиторов — ей дали и фореиторов — красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею, — он не мог ехать к лошадям спиною. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

Вопросы и задания

- 1. Опишите встречу Герды с вороном.
- 2. Как ворон и его невеста помогли Герде?
- 3. Как приняли Герду принцесса с принцем?

4. Какие сны видели обитатели замка? А какие сны видела Герда?
 5. Почему Герда продолжила свои поиски? Докажите твердость Герды в выполнении своих решений.
- » 1. Расскажите историю выбора жениха принцессой. В каких сказках вы читали о выборе жениха или невесты?
2. Нарисуйте (можно нарисовать и словами!) спальню принца и принцессы.

История пятая

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в темный лес, но карета блестела, как солнце, и сразу бросилась в глаза разбойникам. Они не выдержали и налетели на нее с криками: «Золото! Золото!» Схватили лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славненькая, жирненькая. Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый, сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

— Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной! — сказал маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

— Ишь, как скачет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своем — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя! Ты, верно, принцесса?

— Нет! — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Он был весь в огромных трещинах; из них вылетали вóроны и ворóбы; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрели так свирепо, точно хотели всех съесть, но лаять не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы, с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом, пылал огонь; дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца! — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей;

все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки! — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решеткой. — Эти двое — лесные плутишки! Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина башка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он смерть этого боится!

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но Расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одною рукою шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было глядеть на это бедной девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих! Курр! Курр!

— Что вы говорите? — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева?

— Она полетела, наверно, в Лапландию, — там ведь вечный снег и лед! Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи!

— Да, там вечный снег и лед, чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по бескрайним сверкающим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген!

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирно! — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!..

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго-долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом! Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку, — там ее названный братец. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее, ради осторожности, и подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказал она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша! Но мерзнуть я тебе не дам; вот огромные матушкины рукавицы, они дойдут тебе до самых локтей! Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей безобразной матушки!

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказал маленькая разбойница. — Теперь тебе надо смотреть весело! Вот тебе еще два хлеба и окорок! Что? Небось не будешь голодать!

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которой был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девчонку!..

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот Герда очутилась в Лапландии.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Как Герда попала в руки разбойников?
- 2. Что спасло Герду от смерти?
- 3. Почему маленькая разбойница решила помочь Герде?
- 4. Как было организовано бегство Герды на поиски Кая?
- ▶ 1. Опишите внешность и поведение маленькой разбойницы.
- 2. Нарисуйте развалины замка, в котором обитали разбойники.

История шестая

Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четверень-

ках. Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее. Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто миль с лишком, пока доберетесь до Финмарка, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу пару слов на сушеной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесете ее финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала пару слов на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. Небо опять фукало и выбрасывало столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финмарка и постучался в дымовую трубу финки — у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги — иначе девочке было бы чересчур жарко, — положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котел — рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина! — сказал олень. — Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой все четы-

ре ветра; когда шкипер развяжет один узел — подует попутный ветер, развяжет другой — погода разыграется, а развяжет третий и четвертый — подымется такая буря, что поломает в щепки деревья. Не изготовишь ли ты для девочки такого питья, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письмена; финка принялась читать их и читала до того, что ее пот прошиб.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе он никогда не будет человеком, и Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— Но не сможешь ли ты Герде как-нибудь уничтожить эту власть?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу! Сила — в ее миллом, невинном детском сердечке. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого кус-

та, покрытого красными ягодами, и не мешкая возвращаясь обратно!

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел останавливаться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и из глаз его покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна-одинешенька, на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи; навстречу ей неся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и, по мере приближения, становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда начала читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие, светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все прибывало, и когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Ангелы пронзали снежные страшилища

копьями, и те рассыпались на тысячи снежинок. Герда могла теперь смело идти вперед; ангелы гладили ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что делал в это время Кай. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она стоит перед замком.

Вопросы и задания

- 1. Чем лапландка помогла Герде?
- 2. Что сделала для Герды финка?
- 3. Как Герде удалось добраться до дворца Снежной королевы?
- » 1. Какие приметы жизни северных народов заметили вы в описании жизни лапландки и финки?
- 2. В чем финка увидела силу Герды? Права ли она?

История седьмая

Что происходило в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов Снежной королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры. Сотни огромных, освещенных северным сиянием зал тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда! Хоть бы редкий раз устроилась бы здесь медвежья вечеринка с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи, или составила партия в карты с ссорами и дракой, или, наконец, сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички — нет, никогда этого не случалось! Холодно, пустынно, мертво! Северное сияние вспыхивало и горе-

ло так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабевает. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, ровных и правильных на диво. Посреди озера стоял трон Снежной королевы; на нем она восседала, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало в мире.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого, — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его стало куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется «китайскою головоломкою». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первой важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слова «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить...

В это-то время в огромные ворота, сделанные буйными ветрами, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут...
Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так долго и так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и очень обрадовался.

— Герда! Милая моя Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

Он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином, да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблистали, как ее глаза; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно, — его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из пустынных ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о своих розах, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнышко...

Они шли, и на их дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон,

и они узнали колокольни своего родного городка. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: так же тикали часы, так же двигалась часовая стрелка. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели за это время сделаться взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут...

Красота, красота!

Скоро узрим мы младенца Христа.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!

Вопросы и задания

- ▶ 1. Что происходило в чертогах Снежной королевы? Как Кай проводил там время?
- 2. Как встретились Герда и Кай? Что вернуло Герде прежнего Кая?
- 3. Почему Каю и Герде удалось спокойно удалиться из морозных чертогов Снежной королевы?
- ▶ 1. Опишите игры Кая в чертогах Снежной королевы.
- 2. Андерсен пишет: «Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма». Как вы понимаете смысл слов из псалма?

Вопросы и задания к сказке «Снежная королева»

- 1. Расскажите сказку, пользуясь названиями семи историй как планом.
- 2. Что, по-вашему, было главным в дружбе Кая и Герды?
- 3. Расскажите о том, как Кай встретился со Снежной королевой.
- 4. Кратко перечислите этапы пути Герды в поисках Кая.
- 5. Почему Герде удалось найти и спасти Кая?
- 1. Каких сказочных героев встретили вы на страницах этой сказки? Перечислите тех, кто помогает Герде и кто ей враждебен.
- 2. Расскажите об одном из персонажей сказки.
- 3. Сказочник Андерсен верит, что добро всегда справится со злом. Как ему удалось доказать это в сказке «Снежная королева»?

Двадцатый век — век космоса и науки — не сумел обойтись без вымысла. И сейчас рождаются фольклорные произведения, писатели создают новые литературные сказки.

Среди авторов сказочных произведений XX века есть и ученые. Это свидетельствует о том, что, приобретая знания, человек не убивает в себе способность фантазировать, мечтать о несбыточном.

Во все века, начиная с зарождения фольклора, человек выражал в сказках свои лучшие устремления: потребность в добре, красоте, счастье, любви. Об этом же думают люди XXI века, и потому сказки рождаются вновь и вновь.

Константин Георгиевич Паустовский 1892—1968

Рождение сказки

Мы живем в мире сбывшихся сказок... Сказки не только не умирают — они рождаются непрерывно. Рождаются они и сейчас. И вот даже сегодня, когда вы

читаете эту книгу, где-нибудь или в таежной сибирской глуши, или в сторожке паромщика на Оке, или в кубрике парохода на Черном море, быть может, создается новая сказка. Как это происходит — трудно сказать. По-разному.

Мне приходилось присутствовать при рождении сказки. Дело было летом на берегу лесной реки. Только что прошел шумный короткий дождь, над рекой стояла радуга. Сильно пахло сосной, и капли дождя на отдельных хвоинках наливались, крупнели, и в каждой из них играло свое маленькое солнце. Перевозчик раздувал костер, а рядом сидел мальчик, его сын. Мальчик прислушался и спросил отца:

— Чего это шумит, папа?

Перевозчик подумал, догадался, что шумит дождевая влага, просачиваясь через палую рыжую хвою, устилавшую землю у подножия мачтовых сосен, но, подумав, усмехнулся и сказал:

— Это жуки-мужики пилят пилами сухие сосновые иглы. Пилят с натугой.

— Зачем? — спросил мальчик, и глаза его заблестели.

— Они, жучки, — хозяйственные, запасливые. На зиму дровишки готовят. Ты, небось, видел: как земля весной оттает, от нее идет дым. Это из жучиных нор.

Так начиналась сказка.

Вопросы и задания

- 1. Опишите тот летний день, когда «начиналась сказка».
- 2. Почему отец решил дать сыну сказочное объяснение шума, который издавала вода, просачиваясь через хвою?
- 3. Как отнесся к этому рассказу перевозчика Паустовский?
- 1. Как вы понимаете последнюю фразу этого короткого рассказа: «Так начиналась сказка»?
- 2. В чем, как вам кажется, хотел убедить автор читателей?

Волшебное кольцо

Жила в деревне крестьянка. При ней жил сын ее Семен, не женатый еще. Жили они бедно: спали на соломе, одежонка у них старая, латаная, и в рот им положить нечего. Жили они давно: тогда земли у крестьян было мало, а что и была, так неродящая была земля: что и посеет крестьянин, то вымерзнет, а не вымерзнет, так от засухи посохнет, а не посохнет, так вымокнет, а не вымокнет, так саранча пожрет.

Получал Семен в городе пенсию за отца — копейку в месяц.

Вот идет Семен однажды с деньгами, с копеейкой, и видит: один человек надел собаке веревку на шею и удавливает ее. А собака-то всего маленькая, беленькая, щенок.

Семен к тому человеку:

— Ты пошто щенка мучаешь?

А тот ему:

— А какое тебе дело? Хошь убью, хошь нет — не твое дело.

— А ты продай мне его за копейку!

— Бери!

Отдал Семен последнюю копейку, взял щенка на руки и пошел домой.

— Нет у меня коровы, нет лошади, зато щенок есть.

Принес он щенка домой, а мать бранится:

— Глупый ты у меня! Нам самим есть нечего, а он собак покупает!

— Ничего, мама, — отвечает ей сын, — и щенок скотина: не мычит, так брешет.

Через месяц Семен снова пошел в город за пенсией. Вышла копейка прибавки, получил он две копейки.

Идет он домой, а на дороге тот же человек кошку мучает. Подбежал Семен к нему:

— Пошто ты живую тварь уродуешь?

— А тебе-то что? Чай, кошка-то моя!

— Продай ее мне!

— Купи, да кошка-то, гляди, дороже собаки.

Сторговались за две копейки.

Понес Семен кошку домой. Мать пуще прежнего забранилась на сына — и в тот день до вечера бранилась, и на другой день с утра начала браниться.

Прошел месяц. Пошел Семен опять в город за пенсией. Опять вприбавку вышла копейка: получил Семен три копейки.

Идет Семен из города, а на дороге стоит тот же человек и змею давит. Семен сразу же к нему:

— Не убивай ее, эта змея вишь какая, я и не видал такую — должно, она неядовитая. Лучше продай ее мне.

Купил он змею за все деньги, сколько было у него, за три копейки, положил ее за пазуху и пошел домой.

Змея отогрелась и говорит:

— Не жалей, Семен, что последние деньги на меня потратил. Я не простая змея, а я змея Скарапея. Без тебя пришла бы мне смерть, а теперь я жива, и мой отец тебя отблагодарит.

Пришел Семен домой и выпустил змею из-за пазухи. А мать как увидела змею, так на печку залезла и даже побранить сына не может: у нее язык отнялся с испуга. Змея же Скарапея заползла под печку, свернулась там и уснула.

Вот и стали жить — собака белая да кошка серая, Семен с матерью да змея Скарапея, а всего пятеро.

Невзлюбила мать Семена Скарапею-змею: то есть ей не даст и воды не поставит, то на хвост наступит.

Говорит тогда Скарапея Семену:

— Твоя мать обижает меня. Проводи меня к моему отцу.

Поползла змея по дороге, а Семен следом пошел. Долго шел он за змеею — день и ночь. Обступили их темные дебри. Подумал Семен: куда он идет и как назад вернется?

А змея утешает его:

— Не бойся ничего, сейчас доползем, это уж змеиное царство началось, видишь? А я змеиною царя дочь, и сейчас мы увидим моего отца. А теперь слушай. Вот когда я скажу ему, как ты меня спас, он поблагодарит тебя и даст тебе много золота, а ты золота не бери, а попроси одно золотое кольцо, что у отца на пальце.

Кольцо это волшебное. Отец для меня его бережет, а я хочу тебе его подарить.

Пришел Семен со змеиной царевной к Змею-царю. Змей обрадовался дочери.

Говорит он Семену:

— Спасибо тебе, Семен, спас ты мне любимую дочь! Выдал бы я ее замуж за тебя, не пожалел бы, да есть у нее сговоренный жених. Бери у меня золота сколько хочешь!

Семен золото не берет, а говорит змеиному царю:

— Дай мне кольцо с твоей руки, оно мне будет в память о твоей дочери. На нем, видишь, на твоём кольце, змеиная головка выдавлена и два зеленых камня, как глаза, горят.

Задумался змеиный царь, а потом снял кольцо с руки и отдал Семену и сказал ему потихоньку на ухо, как надо действовать кольцом, чтобы вызывать волшебную силу.

Попрощался Семен со змеиным царем и с дочерью его Скарапеей, а невдалеке тут стоял еще приемный сын змеиного царя — Аспид; так Семен и с ним попрощался.

Пришел Семен домой, к матери. А ночью, как мать легла на покой, Семен переменял змеиное кольцо с пальца на палец, и в тот же момент явились перед ним двенадцать молодых.

— Здравствуй, новый хозяин, — говорят. — Чего тебе надобно?

Семен им в ответ:

— А насыпать, братцы, муки амбар, да сахару, да масла немного.

— Ин ладно, — молодцы говорят.

И пропали.

Проснулся Семен наутро, видит — мать корки сухие мочит да жуёт их старыми зубами.

— Чего же ты, мать, теста не поставила и не охаживаешь его? Поставила бы тесто и пирогов бы напекла.

— Очнись, сынок! У нас второе лето муки и горсти нету.

— А ты наведайся, мама, в амбар — гляди, и найдешь.

— Да там и мыши с голоду подохли! Чего глядеть в пустое место? Нешто дверь пойти наглухо припереть.

Пошла мать к амбару, тронула дверь, а дверь распахнулась, и мать Семена головой в муку так и упала.

С тех пор они стали жить сытно. Половину муки Семен продал и купил на все деньги говядины, так у них и кошка с собакой каждый день котлеты ели, шерсть у них лосниться стала.

И увидел однажды Семен видение во сне. Только он задремал, видит, как живую, прекрасную девуцу, а проснулся — нету ее. Затосковал Семен по ней, а где она, и сам не знает.

Передел он змеинное кольцо с пальца на палец. И двенадцать молодцев — вот они.

— Чего прикажешь, хозяин? — спрашивают.

Семен им: так и так, говорит, видел я прекрасную девуцу, а где она, не знаю, а туда-то мне и надобно.

Глядь — и очутился Семен в другом царстве, где жила та самая прекрасная девица.

Спросил он у тамошнего жителя о прекрасной девице.

— Это которая? — спросил у Семена житель.

Семен рассказал, какая была девица.

— Так она царская дочь! — сказал ему житель.

Переместил Семен кольцо и велел молодцам доставить его во дворец к царевне. Очутился он во дворце, видит он молодую царевну, и тут она еще лучше была, чем почудилась ему во сне.

Вздыхнул Семен — чего будешь делать? — и опять за кольцо: вызвал молодцев и велел возвратить его домой.

Вот живет он дома, да грустно ему без царевны: и пища не естся, и брага не пьется.

Смотрит на него мать:

— Заболел ты, что ли, либо скучаешь о ком?

— Скучаю, мама, — сказал Семен и рассказал, что с ним случилось.

А мать, как услышала, испугалась:

— И что ты удумал? Да разве можно крестьянскому сыну царевну любить? Цари-то — люди ложные и лукавые, они и насмеются, и надругаются над тобой, и жизни тебя лишат, а уж дочь за тебя не выдадут! Женись-ка ты на бедной крестьянской девушке, глядишь — и счастливым будешь!

А Семен одно говорит: иди, мать, да иди — сватай за меня царевну. А мать не идет, не хочет.

Подумал тогда Семен, что ему делать, и выдумал. Взялся он за свой змеиный перстень, вызвал молодцев. Те — вот они:

— Чего надобно, хозяин?

— А надобны мне хоромы, и чтоб к утру были готовы. А для матери устройте в хоромашах богатые покои и в постель ей положите пуховую перину.

Молодцы ему в ответ:

— Построим хоромы, хозяин, и перину пухом набьем!

Проснувшись наутро Семенова мать, а подняться сразу не может: угрузла она в пуховой перине. Смотрит вокруг по горнице — узнать ничего не может: во сне, что ли, это или вразуму?

Тут Семен к ней подошел и говорит:

— Здравствуй, мама!

Значит, все вразуму.

Спрашивает она:

— Откуда же у нас добро такое явилось?

А сын ей в ответ:

— Добро, мама, из добра явилось. Теперь и тебе жить покойнее будет, и мне за кого хочешь свататься можно — всем я ровня.

Подумала мать: «Ишь, сын у меня какой умелый да удалый!»

А сын ей опять за свое:

— Ступай, матушка, к царю и царице, посватай за меня царевну.

Огляделась мать, прошла по хоромам.

«Эко дивно стало у нас! — видит она и решила: — А схожу-ка я и вправду к царю, посватаю его дочку! Хоть и не ровня мы ему, да уж теперь нам до него недалече».

И пошла.

Приходит она в царскую избу, в столовую горницу. Царь с царицей в тот час чай пили и на блюдца дули, а молодая царевна в своей девичьей горенке приданое перебирала в сундуках.

Вот царь с царицей в блюдца дуют, на Семенову мать не глядят. Из блюдец брызги летят, чай проливается на скатерть, а чай с сахаром. Царь, а чай пить не умеет!

Семенова мать и говорит:

— Чай — не вода. Чего брызгаете?

Царь глянул на нее:

— А тебе чего надоть?

Вышла мать на середину горницы, под матицу¹.

— Здравствуйте, — говорит, — царь-государь-император. У вас товар, у нас купец. А не отдадите ли вашу дочь замуж за нашего сына?

— А кто такой твой жених? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

¹ *Матица* — потолочная балка в избе, на которой настлан накат, потолок.

Мать в ответ:

— Роду он крестьянского, деревни нездешней, а по отчеству Семен Егорович. Не слышал такого?

Тут царица так и ахнула:

— Да что ты, сватья, с ума, что ль, сошла? Мы в женихах-то как в сору каком роемся — выбираем. Разве пойдет наша дочка за мужика?

Обиделась Семенова мать за сына:

— Это какой мужик, матушка, случится! Другой мужик — против него и десять царских сыновей ничего не стоят, а уж про девок-дочерей и говорить нечего! Таков вот и мой!

Царь придумал здесь хитрость.

— Пусть, — говорит, — твой жених от нашего избяного дворца да до вашего крыльца мост хрустальный построит. Тогда мы по такому мосту приедем женихово житье смотреть.

Вернулась Семенова мать к родному двору. В сенях ей попались навстречу собака с кошкой, гладкие стали.

Мать в сердцах прогнала их прочь. «Ишь, — подумала, — только спят да едят! Какая от них польза!»

Сказала она сыну:

— Понапрасну ходила, не согласны они.

Семен удивился:

— Неужели не согласны? За меня-то?

— А ты думал — обрадуются! А царь еще и посмеялся над нами: «Пусть, говорит, от нас до вас жених мост хрустальный построит, а мы к вам по хрусталу приедем в гости».

— Это, мама, ничто для нас!

Ночью Семен переметнул кольцо с одной руки на другую, вызвал молодцев и велел им построить к утру хрустальный мост и чтоб мост от ихнего крыльца до царского избяного дворца поверх прошел, через все ре-

ки и овраги, и чтобы по мосту самосильная машина ходила.

С полуночи до зари повсюду окрест молотки стучали и пилы пилили.

Семен вышел утром на крыльцо, глядит — а мост уже готов, и по хрустальному мосту ходит самосильная машина.

Семен к матери:

— Ступай, мама, к царю теперь. Пусть они в гости к нам собираются, а я на самосильной машине туда подкачу!

Пошла мать к царю. Только ступила она на мост, на хрусталь на самый, а хрусталь скользкий, тут ветер подул на нее сзади, она присела от страху да так и покатила до самого царского крыльца.

Приходит она к царю:

— Вчерась была я у вас, так вы мост построить велели жениху. Поглядите в окошко — вот тебе и мост готов.

Глянул царь в окошко:

— Ишь ты! Ан правда — мост! Знать, жених-то умелец!

Надел царь золотые парчовые штаны, надел корону, кликнул царицу и вышел на крыльцо. Пошатал он перила — прочно ли стоят? Похлопал ладонями по хрустальным кирпичам — не подделка ли? Нет, мост построен по доброте.

Тут Семен на чудной самосильной машине подъехал. Отворяет он дверку в машине и говорит:

— Садитесь, царь-государь с женою-супругой, пожалуйте к нам в гости.

— Я-то с охотой, — царь говорит, — а вот жена моя как бы не оробела.

Семен к царице, а она руками машет:

— Не поеду! Страсть какая! Сронят в реку, так что тут хорошего!

Здесь явились вельможи к царю. Старший вельможа совет подает:

— Надобно, государь, проехать, пример показать. Пусть не подумают, что ты оробел.

Делать нечего. Влез царь с царицей в машину, а вельможи на запятках, на штырях повисли, за крючья уцепились.

Засвистела, зашумела, загудела, задрожала машина, в звонок зазвонила, жаром-паром запыхтела, скакнула и поехала. Ехали, всю дорогу качались — спасибо, недалеко было, всего один мост переехать.

Доехали до Семеновых хором; Семен из машины вышел, хотел царю дверку открыть, а уж вельможи вперед него поспели — волокут они из машины царя и царицу, поддувалами на них машут, в чувство их приводят, чтоб они опомнились.

Царица серчает-кричит, а царь хоть и молчит, да, видно, ей поддакивает.

— Ох, тошно! — шумит царица. — Ох, укачало, потрясло и растрепало! Ой, шут с тобой, где ты есть, жених-то? Бери девку, а мы-то обратно пешком пойдем!

А далее вышло все по желанию Семена. Выдали за него девку-царевну, и стал он жить с женою. Сперва они хорошо жили, нечего сказать.

Да случилось вот что. Пошел Семен с женою в лес гулять. Зашли они далеко, утомились, легли под дерево и задремали.

В то время проходил по лесу Аспид, приемный сын Змея-царя. Аспид увидел кольцо на пальце Семена и от зависти превратился в гадюку. Он давно хотел, чтоб это кольцо было у него, он знал его волшебную силу и просил его у Змея. Однако Змей-царь не отдал Аспиду волшебного кольца и не сказал, как им надо орудовать. Обратился Аспид в прекрасную девушку, прекраснее мо-

лодой жены Семена, разбудил Семена и позвал за собой. «Тогда и кольцо мое будет», — подумал Аспид.

А Семен поглядел на незнакомую прекрасную деву, что манила его, и сказал ей:

— Ступай, куда шла. Хотя ты и хороша, даже лучше моей жены, да жена мне милее, за тобой я не пойду.

Сказал так Семен и опять заснул.

Обратился тогда Аспид в прекрасного юношу, в молодца из молодцев. Вот разбудил он царевну, жену Семена, и красуется перед ней.

«Ой, ктой-то! — подумала царевна. — Да он лучше Семена! Вот бы мне в женихи такого, когда я девкой была!»

Приблизился Аспид к Семеновой жене и протянул ей руку. Царевна поднялась с земли, поглядела на Семена, а у него сор на лице, ноздрями он пыль раздувает.

— Ты чей? — спросила царевна у Аспида.

— А я царский сын, по прозванью Молодец из Молодцев.

— А я царская дочь!

— Пойдем со мной, я тебя не обижу!

— Пойдем, Молодец! — сказала Семенова жена и подала Аспиду руку.

Аспид нашептал на ухо царевне, научил ее, что надо сделать, а царевна на все согласилась. Тогда Аспид ушел. А он научил ее вызнать у Семена действие волшебного кольца и принести ему то самое кольцо.

Вот пошла она с Семеном домой, взяла его за руку и спросила его, правда ли, что у него на пальце кольцо волшебное. И если он любит ее, пусть скажет, как это кольцо действует.

Семен, по доброте, рассказал жене про свое кольцо. «Раз жена меня любит, — подумал Семен, — пусть и о кольце моем знает, она мне зла не сделает».

И надел Семен волшебное кольцо на палец жены. Когда кольцо понадобится, его всегда можно взять обратно.

А ночью царевна переместила кольцо с одного пальца на другой, и немедля явились двенадцать молодцев:

— Мы — вот они! Чем служить тебе, новая хозяйка?

Царевна дает им наказ:

— Служите мне вот чем. Возьмите эти хоромы да и мост хрустальный и перенесите их туда, где живет Молодец из Молодцев.

Только и был женат Семен Егоров сын.

Проснулся он с матерью — ничего у них нету, одна худая изба и амбар пустой, как прежде было. И остался Семен с одной матерью, да еще кошка и собака при них, всего четверо, а есть им, считай, нечего.

Семен не вздохнул, не пожаловался. Вспомнил он, что мать ему говорила: не женись на царевне — не будет счастья. Не послушался он матери!

Поглядел Семен с горя в окошко, видит — карета едет, а в ней царь. Вышел царь из кареты как раз напротив Семенова окошка; смотрит — куда что делось: ни хором нету, ни хрустального моста, ни блеску — одна худая изба, а в окошко на царя Семен глядит.

Царь как закричит:

— А что тут такое? А где моя дочь-царевна? Ах ты, обманщик!

Семен вышел к царю, сказал ему правду, как было: что царская дочь взяла у него волшебное кольцо и обманула его.

Царь правде не поверил, а разгневался и велел посадить Семена в тюрьму, покуда он не скажет, где царская дочь.

Увели от матери сына, не стало у нее кормильца. Оголодала старуха. Кликнула она кошку и собаку и пошла побираться. Под одним окошком хлеба попро-

сит, под другим съест. А тут заглодало, потемнело, лето состарилось, к зиме пошло.

Кошка и говорит собаке:

— Пропадем мы все. Пойдем царевну сыщем и возьмем от нее волшебное кольцо. Нас хозяин от смерти спас, теперь мы его спасем.

Собака была согласна. Она понюхала землю и побежала, а кошка за нею.

Далеко им пришлось бежать. Сказывать скоро, а идти далеко.

Бежали они, бежали, покуда не увидели хрустальный мост и Семеновы хоромы, в которых и они прежде жили.

Собака осталась снаружи, а кошка пошла в хоромы. Забралась она в спальню, где спала царевна, Семенова обманщица. Увидела кошка: царевна во рту держит волшебное кольцо, меж зубов у нее оно блестит. Боится, знать, как бы не украли.

Поймала кошка мышку, надкусила ей ухо и научила ее уму-разуму, что мышка должна сделать. Влезла мышка на кровать, неслышно прошла по царевне и стала своим хвостиком свербить у нее в носу. Царевна чихнула, ртом дыхнула, кольцо на пол упало и покатилось.

А кошка хватить кольцо — и в окно. Пока царевна проснулась, покуда она туда-сюда — кольца уж нету, а та мышка, что хвостиком у царевны в носу свербила, уж на кухне корочку грызет: она-де ни при чем.

А кошка и собака домой бегут. Они не спят, не едят — им некогда, они торопятся. Бегут они через горы, через лесные дебри, плывут через реки и чистыми полями бегут. Кошка волшебное кольцо держит под языком, рта не разевает.

Вот уже перед ними последняя река, а за рекою видна ихняя деревня, там и Семенова изба.

Собака и говорит кошке:

— Садись ко мне на спину, а я поплыву. Да смотри кольцо держи крепче в зубах, не оброни.

Поплыли они по реке, доплыли до середины. Собака говорит:

— Смотри, кошка, не говори: кольцо утопишь.

Кошка молчит. Проплыли еще немного, собака опять:

— Молчи, кошка!

А кошка и так рта не открывает. Собака снова к ней:

— Не вырони кольца-то! Молчи лучше!

Кошка и сказала:

— Да я молчу! — и уронила кольцо в реку.

Выбрались они на берег и давай драться и ругаться.

Собака визжит:

— Это ты виновата; кошка-болтушка!

А кошка в ответ:

— Нет, это ты брехунья! Зачем ты говорила, когда я молчала?

А тут рыбаки вытащили сетью рыбу на берег и стали ее потрошить. Увидели они — кошка с собакой не ладят, подумали, что голодные, и бросили им рыбы внутренности.

Схватили кошка с собакой рыбы внутренности, стали есть, съели немного, вдруг — хряп! — твердое попало. Глядят — кольцо!

Оставили они еду и побежали в деревню. Пробежали мимо своей избы — нет ли там хозяина? Глядят — нету его, а мать побирается. Побежали в город, в тюрьму, где Семен был.

Взобралась кошка на тюремную ограду, ходит поверху, глядит, где Семен там, а не знает. Хочется ей помаякать, помурлыкать, да кольцо у нее под языком, боится обронить.

К вечеру выглянул Семен в тюремное окно, хотел поглядеть на белый свет. Кошка увидела Семена и по дождевой трубе, а потом по стене забралась к Семену в каземат.

Семен взял кошку на руки. «Вот, — думает, — хоть и кошка, а сердце у нее верное, помнит она меня!»

Кошка мяукнула и обронила на пол волшебное кольцо.

Поднял Семен кольцо и вызвал двенадцать молодцев. Те явились тут как тут.

— Здравствуй, дорогой старый хозяин, — говорят, — прикажи, чего тебе надобно, а мы живо исполним!

Семен им говорит:

— Перенесите откуда ни на есть мои хоромы сюда; и кто там живет, пусть в горницах будет, — я погляжу. И мост хрустальный приподнимите да сюда его уставьте, а только другим концом отверните его от царской избы и опустите в соседнюю деревню.

Все было исполнено, как приказано Семеном. Хоромы его стали на место, а в них оказалась молодая царевна с Аспидом своим. Ну, ушли они из Семеновых хором, пошли жить к отцу царевны, — куда же еще?

Аспид же как узнал, что царевна кольцо потеряла, так от злости превратился в змею-гадюку.

И не мог уже он обратиться в молодца, потому что не проходила в нем злоба на царевну. Так и остался Аспид гадюкой; он только и делал, что шипел на царевну и бранил ее. Тут отец царевны вспомнил про Семена.

— Эх, — говорит, — а ведь Семен-то хоть и простой, да добрый малый был, а вот Аспид хоть и не простого рода, да ведь гадюка!

А Семен с матерью опять в хоромашах жили, и собака с кошкой при них.

Семен на самосильной машине каждый день наведывается в соседнюю деревню; по хрустальному мосту дорога туда близко стала.

Слышно еще, Семен из той деревни жену себе берет; живет там одна девушка-сирота, прекраснее той царевны, вот ее и сватает Семен.

Должно, так и будет — женится Семен на сироте, пойдут у них дети, и новая сказка начнется.

Вопросы и задания

- 1. Опишите, как жили Семен и его мать до приобретения кольца.
- 2. Как появились друзья у Семена? Какую роль в этой сказке играет волшебное число три?
- 3. Расскажите, когда в сказке впервые появляется волшебное кольцо.
- 1. Что изменило жизнь Семена: богатство или волшебная сила кольца?
- 2. Что приносит герою сказки победу?

Джанни Родари

1920—1980

Итальянский писатель Джанни Родари прежде чем стать писателем, сотрудничал в газетах и журналах. Он любил беседы с юными читателями, которые часто возникали у него на страницах периодических изданий. Вот, например, читатель спрашивает: «Для чего к письмам приклеивают марки?» Посмотрите, как ему отвечает Родари: «Письма и почтовые открытки — это маленькие путешественники. Из города в город они едут на поезде, плывут на пароходе или летят на самолете. И, как всякому путешественнику, письмам нужны проездные билеты. Поэтому каждый, кто посылает

письмо, должен купить ему билет — почтовую марку. Почтовые марки придуманы в Англии сто пятьдесят лет тому назад. Одно вот только плохо: лизать обратную сторону марки не доставляет никакого удовольствия. Ну, неужели нельзя придумать для марок клей повкуснее!

...Скорее придумайте
Марку отличную,
Которую клеит
Варенье клубничное!..»

Джанни Родари был великим выдумщиком. Вы, наверное, читали его произведения — «Приключения Чипполино», «Чем пахнут ремесла?», «Книгу городов»... Теперь мы предлагаем вам «Сказки по телефону», но только три, а остальные вы прочитаете самостоятельно.

Сказки по телефону

Жил в городе Варезе синьор Бьянки. Он служил в одной торговой фирме, которая продавала лекарства, и шесть дней из семи он разъезжал по всей Италии. Ездил он на восток и на запад, на юг и на север, ездил и в глубь страны, везде показывал образцы лекарств и заключал сделки. В воскресенье он возвращался домой, а в понедельник снова пускался странствовать. Прощаясь с ним перед отъездом, дочка каждый раз говорила ему:

— Пожалуйста, папа, рассказывай мне каждый вечер по сказке.

Надо вам сказать, что эта девочка не могла заснуть без сказки, а мама уже рассказала ей все истории, ка-

кие только знала, и даже по три раза. И вот синьор Бьянки, где бы он ни находился, стал каждый вечер звонить по телефону домой и рассказывать дочери сказку. В этой книге как раз и собраны сказки синьора Бьянки. Вы, конечно, заметите, что все они не слишком длинные. Но иначе и быть не могло...

Мне рассказывали, что, как только синьор Бьянки вызывал город Варезе, телефонистки на центральной станции переставали отвечать на звонки, так как слушали его сказки. И я смело могу сказать, что некоторые из них и в самом деле получились занятыми.

Вопросы и задания

- 1. Расскажите, с какой целью Дж. Родари сделал вступление к «Сказкам по телефону».
- 2. Как автор объяснил, почему его сказки такие короткие?
- 1. Расскажите, каким вы себе представляете синьора Бьянки из города Варезе.
- 2. Придумайте свое вступление к «Сказкам по телефону».

Про мышь, которая ела кошек

Одна старая библиотечная мышь зашла как-то проведать своих племянников, которые совсем не знали жизни.

— Вы же совсем не знаете жизни, — говорила она своим застенчивым племянникам. — По-моему, вы даже читать толком не умеете.

— О, ты у нас голова! — вздыхали те.

— Например, вы когда-нибудь ели кошек?

— О, ты у нас голова! А насчет этого у нас наоборот. У нас кошки едят мышей.

— Это потому, что вы неучи. А вот я их едала, кошек-то, и не одну. Как возьмешься — раз — и готова!

А она даже пикнуть не смеет. Вот хотите — верьте, хотите — нет.

— А какие они на вкус, кошки?

— Как бумага. И немного чернилами отдают. Но это что, пустяки! А вот собаку вы когда-нибудь ели?

— Что ты!..

— А я вот только вчера одну прикончила. Овчарку. Клыки у нее — с меня ростом! А мне хоть бы хны! Я ее спокойненько так — раз! — и съела. А она даже не пикнула.

— А какая она на вкус, собака?

— Тоже как бумага. Ну а носорога вы не пробовали?

— О, ты у нас голова! А мы что? Мы этого самого носорога и в глаза-то никогда не видали. На что он хоть похож — на рокфор или на голландский сыр?

— Вот темнота! На кого похож! Понятно, на кого, на носорога, конечно. А слона вы ели? А монаха? А принцессу? А рождественскую елку со всеми игрушками?

И вот в тот миг, когда мышь дошла до елки, кот, который сидел за старым сундуком и слушал мышиную болтовню, не выдержал, мяукнул страшным голосом да как прыгнет! А надо сказать, что это был не какой-нибудь, а самый настоящий кот, с шерстью, с усами и преострыми когтями.

Услышали мыши кошачий голос — и врассыпную. А библиотечная мышь от неожиданности замерла и стоит как истукан. Кот, не долго думая, — цап ее! Сцапал, но есть не стал, а решил прежде немножко поиграть ею.

— Так это ты та самая мышь, которая кошек ест? — спрашивает кот.

— Так точно, ваша милость, я самая. Но ведь... ваше сиятельство, должны понять... Осмелюсь доложить вашей светлости, я ведь всю жизнь прожила в библиотеке...

— Понимаю, понимаю. Жила в библиотеке и занималась тем, что портила картинки в книгах!

— О, ваше высочество, всего несколько раз. И уверяю вас, ваше величество, исключительно ради самообразования.

— Ну, конечно! Между прочим, я тоже очень ценю литературу. Но не кажется ли тебе, что, кроме книжной премудрости, есть еще и другая мудрость, житейская? В твои годы пора бы знать, что на свете есть не только кошки, нарисованные на бумаге, и не всякий носорог согласится, чтобы его грызли мыши.

К счастью для несчастной пленницы, кот на самую маленькую секундочку отвел глаза, чтобы взглянуть на паучка, который полз по полу.

Не будь глупа, библиотечная мышь кинулась в сторону и забилась между книгами. А коту на этот раз пришлось довольствоваться паучком.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Когда вы наконец догадались, что старая мышь ела всего-навсего картинки с изображением кошек в книгах библиотеки? Какие строчки сказки вам это подсказали?
- 2. Почему кот не выдержал мышинной болтовни? Найдите поучение кота, с которым он обратился к мыши.
- 3. Как удалось мыши спастись от когтей кота?
- » 1. Как вы объяснили себе название сказки?
- 2. Почему племянники старой библиотечной мышки все время приговаривали: «О, ты у нас голова!»?

Вопросы наизнанку

Жил-был один мальчик, который целые дни только и делал, что приставал ко всем с вопросами. В этом, конечно, нет ничего плохого, напротив, любознательность — дело похвальное. Но беда в том, что на вопросы

этого мальчика никому не удавалось ответить. Например, приходит он однажды и спрашивает:

— Почему у ящиков есть стол?

Конечно, люди только удивленно открывали глаза или на всякий случай отвечали:

— Ящики служат для того, чтобы в них что-нибудь класть. Ну, скажем, обеденные приборы.

— Я знаю, зачем ящики. А вот почему у ящиков есть столы?

Люди качали головами и спешили уйти.

В другой раз он спрашивал:

— Почему у хвоста есть рыба?

Или еще:

— Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти, потому что у всех были свои дела.

Мальчик подрастал, но по-прежнему оставался почемушкой, и не простым, а почемушкой наизнанку. Даже став взрослым, он ходил и приставал ко всем с вопросами. Само собой понятно, что никто, ни один человек, не мог на них ответить. Совсем отчаявшись, почемушка наизнанку удалился на вершину горы, построил себе хижину и придумывал там на свободе все новые и новые вопросы. Придумывал, записывал их в тетрадку, а потом ломал голову, стараясь найти ответ. Однако ни разу в жизни он не ответил ни на один из своих вопросов. Да и как было ответить, если в тетрадке у него было написано: «Почему у тени есть сосна?», «Почему облака не пишут писем?», «Почему почтовые марки не пьют пива?».

От напряжения у него начались головные боли, но он не обращал на это внимания и все придумывал и придумывал свои бесконечные вопросы. Мало-помалу у него отросла длинная борода, но он даже не думал ее

подстригать. Вместо этого он придумал новый вопрос: «Почему у бороды есть лицо?»

Одним словом, это был чудака, каких мало. Когда он умер, один ученый стал исследовать его жизнь и сделал удивительное научное открытие. Оказалось, что этот почемучка с детства привык надевать чулки наизнанку и надевал их так всю жизнь. Ни разу ему не удалось надеть их как полагается. Поэтому-то он до самой смерти не мог научиться задавать правильные вопросы.

А посмотри-ка на свои чулки, верно ли ты их надел?

Вопросы и задания

- ▶ 1. Почему герой сказки был назван «почемучкой наизнанку»?
- 2. В чем причина, что никто не мог ответить на вопросы мальчика? Зачем, как вам кажется, он их задавал?
- » 1. Как объяснил автор причину бесконечных и неудачных вопросов почемучки? Как вы думаете, автор шутит или говорит всерьез?
- 2. Почему судьба «почемучки наизнанку» была горестной и лишенной смысла?

Старые Пословицы

— Ночью, — поучала Старая Пословица, — все кошки серы.

— А я черная, — сказала черная кошка, которая как раз в этот момент перебегала через дорогу.

— Не может этого быть. Старая Пословица всегда права.

— А я все-таки черная, — повторила кошка.

От удивления и обиды Старая Пословица свалилась с крыши и сломала себе ногу.

Другая Старая Пословица отправилась как-то на футбол. Выбрала она одного игрока, отозвала его в сторону и шепнула:

— Своя работа — верный выигрыш.

Футболист поверил ей и стал гонять мяч в одиночку. Но из этого ничего не вышло, кроме смертельной скуки, и, уж конечно, он не мог выиграть — ведь он был один. Волей-неволей пришлось футболисту вернуться в команду. А Старая Пословица с досады заболела, и ей пришлось удалять гланды.

А однажды повстречались три Старые Пословицы. Остановились они поболтать, но, как только открыли рот, сразу же начали ссориться.

— Доброе начало полдела откачало, — сказала одна.

— Нет дороже золотой середины, — ехидно возразила другая.

— Конец — всему делу венец! — крикнула третья.

Вцепились они друг другу в волосы — и пошла потеха! До сих пор дерутся.

А вот что случилось со Старой Пословицей, которой захотелось яблока. Села она под яблоню и бормочет про себя:

— Не трясина яблоко, покуда зелено: созреет — само упадет.

И что вы думаете, действительно упало. Только когда? Когда насквозь прогнило.

Расстроилась Пословица и с горя подала в отставку.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Что мы называем пословицами? Верно ли, что пословицы всегда создавались и всегда будут создаваться?
- 2. Как сказка учит пользоваться пословицами?
- ▶ 1. Как появляются новые пословицы? Почему некоторые пословицы стареют, а другие живут очень долго?
- 2. Приведите пример новой пословицы и докажете, что она новая.

Вопросы и задания к сборнику «Сказки по телефону»

- ▶ 1. Какая из сказок более всего подходит к общему названию сборника «Сказки по телефону»?
- 2. Вы заметили в «Сказках по телефону» приметы фольклорных произведений? Назовите их.
- » 1. Попробуйте создать свою «сказку по телефону».
- 2. Объедините придуманные вами сказки в сборник. Сделайте иллюстрации.

Владимир Владимирович Набоков

1899—1977

Владимир Владимирович Набоков был не только известным писателем XX века, но и талантливым шахматистом, человеком, увлеченным миром насекомых (особый интерес вызывали у него бабочки). Он эмигрировал из России еще в юношеском возрасте и стал всемирно известным писателем уже за границей. Набоков, создав много произведений как на русском, так и на английском языке, не раз размышлял о том, почему он стал писателем. «Зачем я вообще пишу? Чтобы получить удовольствие, чтобы преодолевать трудности... Я просто люблю сочинять загадки и сопровождать их изящными решениями». Не случайно именно Набоков создал один из лучших переводов на русский язык знаменитого произведения Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Профессор математики одного из колледжей Оксфордского университета в Англии Льюис Кэрролл был человеком разносторонним. Он хорошо рисовал, был замечательным фотографом, мог сделать из бумаги пистолет, который стрелял, придумывал головоломки, загадки, игры, в которые играют до сих пор. Напри-

мер, игра «Как сделать из мухи слона» («Цепочка»), в которой можно превратить *ночь* в *день*, *море* в *гору*. Делается это так: *море* — *горе* — *гора* (последовательно заменяется одна буква). Ученый очень любил играть словами. Даже собственное имя Чарлз Лютвидж Доджсон он превратил в Льюис Кэрролл. И все же главным его делом, как выяснилось позже, было создание книг про девочку Алису. Эти книги не похожи на все те сказки, которые вы знаете. И читают их не только дети, но и взрослые люди и даже серьезные ученые. Один из переводчиков «Алисы в Стране чудес» Борис Заходер считал, «чтобы читать эту книжку по-настоящему — а читать ее по-настоящему — это значит читать и смеяться! — надо знать многое множество самых разных разностей».

Какой же представлял Кэрролл свою героиню? Он сам писал об этом: «Какой же я видел тебя, Алиса, в своем воображении? Какая ты? Любящая — это прежде всего: любящая и нежная; нежная, как лань, и любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней); и еще — учтивая: вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с королями и червяками, словно ты сама — королевская дочь в шитом золотом наряде. И еще — доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять ее с безграничным доверием мечтательницы; и, наконец, — любопытная, отчаянно любопытная и жизнерадостная той жизнерадостностью, какая дается лишь в детстве, когда весь мир нов и прекрасен и когда горе и грех — всего лишь слова, пустые звуки, не означающие ничего!»

Прочитайте сказку и познакомьтесь с чудесной девочкой, которая умела видеть замечательные сны.

Аня в Стране чудес

Глава 1

Нырок в кроличью норку

Ане становилось скучно сидеть без дела рядом с сестрой на травяном скате; раза два она заглянула в книжку, но в ней не было ни разговоров, ни картинок. «Что проку в книжке без картинок и без разговоров?» — подумала Аня.

Она чувствовала себя глупой и сонной — такой был жаркий день. Только что принялась она рассуждать про себя, стоит ли встать, чтобы набрать ромашек и свить из них цепь, как вдруг, откуда ни возьмись, пробежал мимо нее Белый Кролик с розовыми глазами.

В этом, конечно, ничего особенно замечательного не было; не удивилась Аня и тогда, когда услышала, что Кролик бормочет себе под нос: «Боже мой, Боже мой, я наверняка опоздаю». (Только потом, вспоминая, она заключила, что говорящий зверек — диковина, но в то время ей почему-то казалось это очень естественным.) Когда же Кролик так-таки и вытащил часы из жилетного кармана и, взглянув на них, поспешил дальше, тогда только у Ани блеснула мысль, что ей никогда не приходилось видеть, чтобы у кролика были часы и карман, куда бы их совать. Она вскочила, стораая от любопытства, побежала за ним через поле и как раз успела заметить, как юркнул он в большую нору под шиповником.

Аня мгновенно нырнула вслед за ним, не задумываясь над тем, как ей удастся вылезти опять на свет Божий.

Нора сперва шла прямо в виде туннеля, а потом внезапно оборвалась вниз — так внезапно, что Аня не ус-

пела и ахнуть, как уже стоймя падала куда-то, словно попала в бездонный колодец.

Да, колодец, должно быть, был очень глубокий, или же падала она очень медленно: у нее по пути вполне хватало времени осмотреться и подумать о том, что может дальше случиться. Сперва она взглянула вниз, чтоб узнать, что ее ожидает, но глубина была беспросветная; тогда она посмотрела на стены колодца и заметила, что на них множество полок и полочек; тут и там висели на крючках географические карты и картинки. Она падала вниз так плавно, что успела мимоходом достать с одной из полок банку, на которой значилось: «К л у б н и ч н о е в а р е н ь е». Но, к великому ее сожалению, банка оказалась пустой. Ей не хотелось бросать ее, из боязни убить кого-нибудь внизу, и потому она ухитрилась поставить ее в один из открытых шкафчиков, мимо которых она падала.

«Однако, — подумала Аня, — после такого испытания мне ни чуточки не покажется страшным полететь кувырком с лестницы! Как дома будут дивиться моей храбрости! Что лестница! Если бы я даже с крыши грохнулась, и тогда б я не пикнула! Это уже, конечно».

Вниз, вниз, вниз... Вечно ли будет падение?

— Хотела бы я знать, сколько верст сделала я за это время, — сказала она громко. — Должно быть, я уже приближаюсь к центру Земли. Это, значит, будет приблизительно шесть тысяч верст. Да, кажется, так... (Аня, видите ли, выучила несколько таких вещей в классной комнате, и хотя сейчас не очень кстати было высказывать свое знание, все же такого рода упражнения ей казались полезным.)

— ...Да, кажется, это верное расстояние, но вопрос в том, на какой широте или долготе я нахожусь? (Аня не имела ни малейшего представления, что такое долгота и широта, но ей нравился пышный звук этих двух слов.)

Немного погодя она опять принялась думать вслух:

— А вдруг я провалюсь сквозь землю? Как забавно будет выйти на той стороне и очутиться среди людей, ходящих вниз головой! Антипатии, кажется. (На этот раз она была рада, что некому слышать ее: последнее слово как-то не совсем верно звучало.)

— Но мне придется спросить у них название их страны. Будьте добры, сударыня, сказать мне, куда я попала: в Австралию или в Новую Зеландию? (Тут она попробовала присесть — на воздухе-то!) Ах, за какую дурачку примут меня! Нет, лучше не спрашивать: может быть, я увижу это где-нибудь написанным.

Вниз, вниз, вниз... От нечего делать Аня вскоре опять заговорила. «Сегодня вечером Дина, верно, будет скучать без меня». (Дина была кошка.) «Надеюсь, что

во время чая не забудут налить ей молока в блюдце. Дина, милая, ах, если бы ты была здесь, со мной! Мышей в воздухе, пожалуй, нет, но зато ты могла бы поймать летучую мышь! Да вот едят ли кошки летучих мышей? Если нет, почему же они по крышам бродят?» Тут Аня стала впадать в дремоту и продолжала повторять сонно и смутно: «Кошки на крыше, летучие мыши»... А потом слова путались и выходило что-то несуразное: летучие кошки, мыши на крыше... Она чувствовала, что одолел ее сон, но только стало ей сниться, что гуляет она под руку с Диной и очень настойчиво спрашивает у нее: «Скажи мне, Дина, правду: ела ли ты когда-нибудь летучих мышей?»... — как вдруг...

Бух! Бух!

Аня оказалась сидящей на куче хвороста и сухих листьев. Паденье было окончено. Она ничуть не ушиблась и сразу же вскочила на ноги. Посмотрела вверх — там было все темно. Перед ней же был другой длинный проход, и в глубине его виднелась спина торопливо семенящего Кролика. Аня, вихрем сорвавшись, кинулась за ним и успела услышать, как он воскликнул на повороте: «Ох, мои ушки и усики, как поздно становится!» Она была совсем близко от него, но, обогнув угол, потеряла его из виду. Очутилась она в низкой зале, освещенной рядом ламп, висящих на потолке.

Вокруг всей залы были многочисленные двери, но все оказались запертыми! И после того как Аня прошла вдоль одной стороны и вернулась вдоль другой, пробуя каждую дверь, она вышла на середину залы, с грустью спрашивая себя, как же ей выбраться наружу.

Внезапно она заметила перед собой столик на трех ножках, весь сделанный из толстого стекла. На нем ничего не было, кроме крошечного золотого ключика,

и первой мыслью Ани было, что ключик этот подходит к одной из дверей, только что испробованных ею. Не тут-то было! Замки были слишком велики, ключик не отпирал. Но, обойдя залу во второй раз, она нашла низкую занавеску, которой не заметила раньше, а за этой занавеской оказалась крошечная дверь. Она всунула золотой ключик в замок — он как раз подходил!

Аня отворила дверцу и увидела, что она ведет в узкий проход величиной с крысиную норку. Она встала на колени и, взглянув в глубину прохода, увидела в круглом просвете уголок чудеснейшего сада. Как потянуло ее туда из сумрачной залы, как захотелось ей там побродить среди высоких нежных цветов и прохладных светлых фонтанов! — но и головы она не могла просунуть в дверь. «А если б и могла, — подумала бедная Аня, — то все равно без плеч далеко не уйдешь. Ах, как я бы хотела быть в состоянии складываться, как подзорная труба! Если бы я только знала, как начать, мне, пожалуй, удалось бы это». Видите ли, случилось столько необычайного за последнее время, что Ане уже казалось, что на свете очень мало действительно невозможных вещей.

Постояла она у дверцы, потопталась, да и вернулась к столику, смутно надеясь, что найдет на нем какой-нибудь другой ключ или по крайней мере книжку правил для людей, желающих складываться по примеру подзорной трубы; на этот раз она увидела на нем скляночку (которой раньше, конечно, не было, — подумала Аня), и на бумажном ярлычке, привязанном к горлышку, были напечатаны красиво и крупно два слова: «ВЫПЕЙ МЕНЯ».

Очень легко сказать: «Выпей меня», но умная Аня не собиралась действовать опрометчиво. «Посмотрю сперва, — сказала она, — есть ли на ней пометка «яд». Она помнила, что читала некоторые милые рассказы

о детях, которые пожирались дикими зверями и с которыми случались всякие другие неприятности — все только потому, что они не слушались дружеских советов и не соблюдали самых простых правил, как, например: если будешь держать слишком долго кочергу за раскаленный докрасна кончик, то обожжешь руку; если слишком глубоко воткнешь в палец нож, то может пойти кровь; и, наконец, если глотнешь из бутылочки, помеченной «яд», то рано или поздно почувствуешь себя неважно.

Но в данном случае на склянке никакого предостережения не было, и Аня решилась испробовать содержимое. И так как оно весьма ей понравилось (еще бы! это был какой-то смешанный вкус вишневого торта, сливочного мороженого, ананаса, жареной индейки, тянучек и горячих гренок с маслом), то склянка вскоре оказалась пуста

— Вот странное чувство! — воскликнула Аня. — Должно быть, я захопываюсь, как телескоп.

Действительно: она теперь была не выше десяти дюймов¹ росту и вся она просияла при мысли, что при такой величине ей легко можно пройти в дверцу, ведущую в дивный сад. Но сперва нужно было посмотреть, перестала ли она уменьшаться: этот вопрос очень ее волновал. «Ведь это может кончиться тем, что я вовсе погасну, как свеча, — сказала Аня. — На что же я тогда буду похожа?» И она попробовала вообразить себе, как выглядит пламя после того, как задует свечу. Никогда раньше она не обращала на это внимания.

Через некоторое время, убедившись в том, что ничего больше с ней не происходит, она решила немедленно отправиться в сад. Но, увы! Когда бедная Аня подо-

¹ Дюйм — мера длины, соответствует 2,54 см.

шла к двери, она спохватилась, что забыла взять золотой ключик, а когда пошла за ним к стеклянному столику, то оказалось, что нет никакой возможности до него дотянуться: она видела его совершенно ясно, снизу, сквозь стекло и попыталась даже вскарабкаться вверх по одной из ножек, но слишком было скользко; и уставшая от тщетных попыток, бедняжка свернулась в клубочек и заплакала.

— Будет тебе плакать. Что толку в слезах? — довольно резко сказала Аня себе самой. — Советую тебе тотчас же перестать.

Советы, которые она себе давала, обычно были весьма добрые, хотя она редко следовала им. Иногда она бранила себя так строго, что слезы выступали на глазах, а раз, помнится, она попробовала выдрать себя за уши за то, что сплутовала, играя сама с собой в крокет. Странный этот ребенок очень любил представлять из себя двух людей. «Но это теперь ни к чему, — подумала бедная Аня. — Ведь от меня осталось так мало! На что я гожусь?..»

Тут взгляд ее упал на какую-то стеклянную коробочку, лежащую под столом: она открыла ее и нашла в ней малюсенький пирожок, на котором изящный узор изюминок образовал два слова: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Ну что же, и съем! — сказала Аня. — И если от этого я вырасту, то мне удастся достать ключ; если же я стану еще меньше, то смогу подлезть под дверь. Так или иначе, я буду в состоянии войти в сад. Будь что будет!

Она съела кусочек и стала спрашивать себя: «В какую сторону, в какую?» — и при этом ладонь прижимала к темени, чтобы почувствовать, по какому направлению будет расти голова; однако, к ее великому удивлению, ничего не случилось: она оставалась все того же роста. Впрочем, так обыкновенно и бывает, когда

ешь пирожок, но она так привыкла на каждом шагу ждать одних только чудес, что жизнь уже казалась ей глупой и скучной, когда все шло своим порядком.

Поэтому она принялась за пирожок, и вскоре он был уничтожен

Вопросы и задания

- 1. Догадались ли вы, что Аня заснула рядом со своей сестрой? Найдите строки в первой главе, которые помогли вам это заметить.
- 2. Какого Кролика увидела Аня? Опишите его внешность и поведение. Используйте цветную наклейку.
- 3. Расскажите о полете Ани в глубоком колодце. Что ей удалось увидеть и что ее удивило? Какие мысли пришли ей в голову?
- 4. Расскажите о событиях в таинственной низкой зале со множеством запертых дверей и о неожиданных превращениях Ани.
- 1. Какие поступки Ани вас удивили? Как вы их объяснили?
- 2. Что привлекло вас в поведении девочки?
- 3. Какие сказки вы вспомнили, когда Аня пила чудесную жидкость и ела такой же странный пирожок?

Глава третья

Игра в куролеса и повесть в виде хвоста

Поистине странное общество собралось на берегу: у птиц волочились перья, у зверей слипалась шкура — все промокли насквозь, вид имели обиженный и чувствовали себя весьма неудобно.

Первым делом, конечно, нужно было найти способ высохнуть. Они устроили совещание по этому вопросу, и через несколько минут Аня заметила — без всякого удивления, — что беседует с ними так свободно, словно

знала их всю жизнь. Она даже имела долгий спор с Лори, который под конец надулся и только повторял: «Я старше вас и поэтому знаю лучше», — а это Аня не могла допустить, но на вопрос, сколько же ему лет, Лори упорно отказался ответить, и тем разговор был исчерпан.

Наконец, Мышь, которая, по-видимому, пользовалась общим почетом, крикнула:

— Садитесь все и слушайте меня. Я вас живо высушу!

Все они тотчас же сели, образуя круг с Мышью посередине, и Аня не спускала с нее глаз, так как чувствовала, что получит сильный насморк, если сейчас не согреется.

Мышь деловито прокашлялась:

— Вот самая сухая вещь, которую я знаю. Прошу внимания¹!.. Как вы себя чувствуете, моя милая? — обратилась она к Ане.

— Насквозь промокшей, — уныло сказала Аня. — Ваши слова на меня, видно, не действуют.

— В таком случае, — изрек Дронт, торжественно привстав, — я предлагаю объявить заседание закрытым, дабы принять более энергические меры.

— Говорите по-русски, — крикнул Орленок. — Я не знаю и половины всех этих длинных слов, а главное, я убежден, что и вы их не понимаете!

И Орленок нагнул голову, скрывая улыбку. Слышно было, как некоторые другие птицы захихикали.

— Я хотел сказать следующее, — проговорил Дронт обиженным голосом. — Лучший способ, чтобы высохнуть, — это игра в куролесы.

¹ Мышь ведет рассказ о событиях в Древней Руси. У Льюиса Кэрролла это были эпизоды из древней истории Англии. (Авт.)

— Что такое куролесы? — спросила Аня — не потому, что ей хотелось это узнать, но потому, что Дронт остановился, как будто думая, что кто-нибудь должен заговорить, а между тем слушатели молчали.

— Неужели вы никогда не вертелись на куролесах? — спросил Дронт. — Впрочем, лучше всего показать игру эту на примере. (И так как вы, читатели, может быть, в зимний день пожелали бы сами в нее сыграть, я расскажу вам, что Дронт устроил.)

Сперва он наметил путь для бега в виде круга («Форма не имеет значения», — сказал он при этом), а потом участники были расставлены тут и там на круговой черте. Все пускались бежать, когда хотели, и останавливались по своему усмотрению, так что нелегко было знать, когда кончается состязание.

Однако после получаса бега, вполне осушившего всех, Дронт вдруг воскликнул:

— Гонки окончены!

И все столпились вокруг него, дыша и спрашивая:

— Кто же выиграл?

На такой вопрос Дронт не мог ответить, предварительно не подумав хорошенько. Он долго стоял неподвижно, приложив палец ко лбу (как великие писатели на портретах), пока другие безмолвно ждали. Наконец Дронт сказал:

— Все выиграла, и все должны получить призы.

— Но кто будет призы раздавать? — спросил целый хор голосов.

— Она, конечно, — сказал Дронт, ткнув пальцем на Аню.

И все тесно ее обступили, смутно гудя и выкрикивая:

— Призы, призы!

Аня не знала, как ей быть. Она в отчаянии сунула руку в карман и вытащила коробку конфет, до которых

соленая вода, к счастью, не добралась. Конфеты она и раздала в виде призов всем участникам. На долю каждого пришлось как раз по одной штучке.

— Но она и сама, знаете, должна получить награду, — заметила Мышь.

— Конечно, — ответил Дронт очень торжественно.

— Что еще есть у вас в карманах? — продолжал он, обернувшись к Ане.

— Только наперсток, — сказала она с грустью.

— Давайте-ка его сюда! — воскликнул Дронт.

Тогда они все опять столпились вокруг нее, и напыщенный Дронт представил ее к награде.

— Мы имеем честь просить вас принять сей изящный наперсток, — сказал он, и по окончании его короткой речи все стали рукоплескать.

Это преподношение казалось Ане ужасной чепухой, но у всех был такой важный, сосредоточенный вид, что она не посмела рассмеяться. И так как она ничего не могла придумать, что сказать, она просто поклонилась и взяла из рук Дронта наперсток, стараясь выглядеть как можно торжественнее.

Теперь надлежало съесть конфеты, что вызвало немало шума и волнения.

Крупные птицы жаловались, что не могли разобрать вкуса конфеты, а те, которые были поменьше, давились, и приходилось хлопать их по спине.

Наконец все было кончено, и они опять сели в кружок и попросили Мышь рассказать им еще что-нибудь.

— Помните, вы рассказ обещали, — сказала Аня. — Вы хотели объяснить, почему так ненавидите С. и К., — добавила она шепотом, полубоясь, что опять Мышь обидится.

— Мой рассказ прост, печален и длинен, — со вздохом сказала Мышь, обращаясь к Ане.

— Да, он, несомненно, очень длинный, — заметила Аня, которой послышалось не «прост», а «хвост». — Но почему вы его называете печальным?

Она стала ломать себе голову, с недоумением глядя на хвост Мыши, и потому все, что стала та говорить, представлялось ей в таком виде:

В темной комнате,
с мышью остав-
шись вдвоем, хит-
рый пес объявил:
«Мы судиться пой-
дем! Я скучаю
сегодня: чем вре-
мя занять? Так
пойдем же: я
буду тебя об-
винять!» — «Без
присяжных, — вос-
кликнула мышь, —
без судьи! Кто же
взвесит тогда
оправданья мои?» —
«И судью, и при-
сяжных я сам за-
меню, — хитрый
пес объявил. —
И тебя
я каз-
ню!»

— Вы не слушаете, — грозно сказала Мышь, взглянув на Аню. — О чем вы сейчас думаете?

— Простите, — кротко пролепетала Аня. — Вы, кажется, дошли до пятого погиба?

— Ничего подобного, никто не погиб! — не на шутку рассердилась Мышь. — Никто. Вот вы теперь меня спутали.

— Ах, дайте я распутаю... Где узел? — воскликнула услужливо Аня, глядя на хвост Мыши.

— Ничего вам не дам, — сказала та и, встав, стала уходить. — Вы меня оскорбляете тем, что говорите такую чушь!

— Я не хотела! Простите меня, — жалобно протянула Аня. — Но вы так легко обижаетесь!

Мышь только зарычала в ответ.

— Ну, пожалуйста, вернитесь и доскажите ваш рассказ, — вслед ей крикнула Аня.

И все остальные присоединились хором:

— Да, пожалуйста!

Но Мышь только покачала головой нетерпеливо и прибавила шагу.

— Как жаль, что она не захотела остаться! — вздохнул Лори, как только Мышь скрылась из виду; и старая Рачиха воспользовалась случаем, чтобы сказать своей дочери:

— Вот, милая, учись! Видишь, как дурно сердиться!

— Закуси язык, мать, — отгрызнулась та. — С тобой и устрица из себя выйдет.

— Ах, если бы Дина была здесь, — громко воскликнула Аня, ни к кому, в частности, не обращаясь. — Дина живо притащила бы ее обратно!

— Простите за нескромный вопрос, — сказал Лори, — но скажите, кто это — Дина?

На это Аня ответила с радостью, так как всегда готова была говорить о своей любимице.

— Дина — наша кошка. Как она чудно ловит мышей — я просто сказать вам не могу! Или вот еще — птичек. Птичка только сядет, а она ее мигом цап-царап!

Эти слова произвели совершенно исключительное впечатление на окружающих. Некоторые из них тотчас же поспешили прочь. Дряхлая Сорока принялась очень тщательно закутываться, говоря:

— Я, правда, должна бежать домой: ночной воздух очень вреден для моего горла.

А Канарейка дрожащим голосом стала скликать своих детей:

— Пойдемте, родные! Вам уже давно пора быть в постельках!

Так все они под разными предлогами удалились, и Аня вскоре осталась одна.

«Напрасно, напрасно я упомянула про Дину! — уныло сказала она про себя. — Никто, по-видимому, ее здесь не любит, я же убеждена, что она лучшая кошка на свете. Бедная моя Дина! Неужели я тебя никогда больше не увижу!» И тут Аня снова заплакала, чувствуя себя очень угнетенной и одинокой. Через несколько минут, однако, она услышала шуршанье легких шагов и быстро подняла голову, смутно надеясь, что Мышь решила все-таки вернуться, чтобы закончить свой рассказ.

Вопросы и задания

- 1. Как удалось всем промокшим быстро высохнуть и согреться?
- 2. Из какого слова получилось название игры «куролесы»? Как вы объясните это слово?
- 3. Как в сказке оказалась «повесть в виде хвоста»?
- 4. Чем удалось Ане так испугать окружающих?
- 1. Попробуйте сделать фигурную запись какой-нибудь части этого рассказа.
- 2. Создайте короткий рассказ о девочке Ане, которой приснился такой причудливый сон. При этом расскажите о том, почему она многого не понимала.

Следом за этой главой идут еще девять глав (вплоть до двенадцатой, которая завершает сказку). В последней главе Аня рассказала сестре все, что ей приснилось, и та представила себе события этого чудесного сна. «Длинная трава шелестела под торопливыми шажками Белого Кролика; испуганная Мышь барахталась в соседнем пруду; звякали чашки — это Мартовский Заяц со своими друзьями пили нескончаемый чай; раздавался резкий окрик Королевы, приказывающей казнить несчастных гостей своих; снова поросенок-ребенок чихал на коленях у Герцогини, пока тарелки и блюда с грохотом разбивались кругом; снова вопль Грифа, поскрипыванье карандаша в руках Ящерицы и кряхтенье подавляемых Морских Свинок наполняли воздух, мешаясь с отдаленными всхлипываниями горемычной Черепахи». Дочитав сказку до конца, вы тоже узнаете обо всем, что увидела Аня в своем причудливом сне.

Вопросы и задания к сказке «Аня в Стране чудес»

- ▶ 1. Вспомните всех героев этой сказки, которых вы запомнили. Как вы объясните их появление?
- 2. Что особенно удивляет вас в событиях этой сказки? Необычность превращений героев или их поведение?
- 3. Расскажите, какой вы представляете девочку Аню. Создайте ее устный портрет.
- ▶ 1. Аня в сказке то уменьшается, то увеличивается. Как при изображении этих превращений автор использует гиперболу и литоту? (Можно уточнить значение этих терминов в словаре в конце учебника.) Приведите примеры.
- 2. Взрослые читатели этой сказки часто говорят, что ее автор любит парадоксы, то есть так изображает события или явления, что это противоречит нашему представлению о них. Найдите примеры парадоксов на страницах сказки.
- 3. Создайте словарик художественных приемов, которые автор особенно часто использовал в этой сказке.

4. Какие знакомые вам сказки напоминают события и герои прочитанного вами произведения?
5. Кэрролл любил играть со словами. Приведите примеры из текста.

Джон Роналд Руэл Толкиен

1892—1973

В семь лет Дж. Р. Р. Толкин сочинил свою первую историю «про драконов». Еще в школе он заинтересовался и стал осваивать валлийский язык — язык жителей Уэльса, затем заинтересовался староанглийским языком. Так, уже в двенадцать лет определяется его дальнейший путь — занятия лингвистикой, историей старинной средневековой английской литературы.

Будучи профессором одного из университетских колледжей Оксфорда, Толкин не раз начинал писать сказки. Но все это были лишь «пробы пера». Однажды в один из обычных дней, как вспоминает писатель, «взяв чистый лист бумаги, я написал своим неподражаемым почерком одну-единственную фразу: «В норе под горой жил-был хоббит». Почему именно ее, я не отдавал себе отчета и по сию пору это для меня загадка. В течение нескольких лет я не продвинулся ни на шаг вперед, только вот карту нарисовал... Но в начале тридцатых годов, это совершенно точно, из одной написанной фразы возник «Хоббит».

Через многие годы возникла и трилогия «Властелин Колец», в которую вошли романы «Братство Кольца», «Две крепости» и «Возвращение короля».

Повесть «Хоббит, или Туда и обратно» повествует о том, как забавный маленький хоббит (Бильбо Беггинс) отправился в далекое странствие и что с ним приключалось во время путешествия. Справляться с трудностями ему помогало волшебное кольцо, которое делало его невидимым.

Хоббит, или Туда и обратно

Глава шестая

Из огня да в полымя

Бильбо удрал от гоблинов, но понятия не имел, где находится. Он потерял капюшон, плащ, еду, пони, пуговицы и друзей. Он брел и брел куда глаза глядят. Наконец тени гор упали на тропу перед Бильбо. Он оглянулся: солнце садилось за горы позади него! Тогда он посмотрел вперед и увидел уходящие вниз склоны. Внизу сквозь деревья кое-где проглядывали поляны.

— Боже милосердный! — воскликнул Бильбо. — Кажется, я вышел по другую сторону Туманных Гор! Где же, о где же Гэндальф и гномы? Только бы они не остались во власти гоблинов!

Он шел да шел, поднялся из впадинки, перевалил через ее край и опять стал спускаться. Но все время его терзала одна крайне неприятная мысль: а не должен ли он теперь, когда на пальце у него волшебное кольцо, вернуться в кошмарные туннели и разыскать своих друзей? Только он пришел к решению, что это его долг, и почувствовал себя вконец несчастным — как вдруг услышал голоса.

Он остановился и прислушался: на гоблинов, кажется, непохоже. Он тихонько подкрался поближе. Каменистая тропка, по которой он шел, вилась вниз, слева возвышалась скала, справа спускался склон с лощинами, заросшими кустарником и невысокими деревьями. В одной из лощин в кустах кто-то разговаривал.

Бильбо подполз еще ближе — и вдруг между двух валунов мелькнул красный капюшон: оттуда выглядывал Балин, как всегда, стоящий в дозоре. Бильбо чуть не захлопал в ладоши и не закричал от радости. Но

сдержался. Он еще не снял кольца, боясь какой-нибудь неожиданной и неприятной встречи, и теперь Балин смотрел прямо сквозь него.

«Устрою-ка я им сюрприз», — подумал Бильбо, пробираясь сквозь кусты, росшие по краю лощины.

Гэндальф спорил с гномами. Они обсуждали события, происшедшие с ними в туннелях, и решали, что делать дальше. Гэндальф убеждал гномов, что нельзя продолжать путь, оставив мистера Бэггинса в руках гоблинов и даже не выяснив, жив он или нет, и не попытавшись его спасти. А гномы выражали недовольство.

— В конце концов, он мой друг, — говорил волшебник, — и вовсе не так уж плох. Я за него отвечаю. Все-таки безобразие, что вы его потеряли.

Гномы же утверждали, что вообще не надо было брать его с собой, и возмущались, почему он потерялся, а не держался около них, и зачем Гэндальф не выбрал кого-нибудь посообразительнее.

— Пока от него больше хлопот, чем пользы, — сказал кто-то. — Коли еще идти обратно искать его в темных туннелях, так плевать я на него хотел!

— Да, я взял его с собой, а я ничего бесполезного не беру. Или вы мне помогаете искать его, или я уйду — и расхлебывайте неприятности сами. А вот если мы найдем его, вы еще не раз поблагодарите меня. Почему ты сам убежал, Дори, а его бросил?

— Вы бы тоже его бросили, — огрызнулся Дори, — если бы вас схватили в темноте за ноги, дернули и поддали в спину ножицей!

— Так чего же ты не подобрал его после?

— Господи помилуй! Вы еще спрашиваете! Гоблины в темноте дерутся, кусаются, валяются друг на друга, бьют кого попало... Вы мне чуть голову не отхватили Глемдрингом, а Торин тычет во все стороны Оркри-

стом. Тут вы вдруг ослепляете всех вашей вспышкой, гоблины с визгом отступают, вы кричите: «Все за мной!» — и все вам повинуются. То есть мы думали, что все. Вы прекрасно понимаете, что нам некогда было себя пересчитывать. Мы проскочили мимо часовых, за дверь и скатились сюда. И вот мы здесь, а Взломщика нет, чтоб ему пусто было!

— А Взломщик тут как тут! — заявил Бильбо, выходя вперед и снимая кольцо.

Бог ты мой, как они подскочили от неожиданности! Как завопили от удивления и радости! Гэндальф был изумлен не меньше других, но, пожалуй, доволен больше. Он подозвал Балина и сделал ему выговор, высказав все, что думает о дозорных, у которых посторонний может свалиться как снег на голову. Надо сказать, после этого случая Бильбо сильно вырос в глазах гномов. Если раньше, несмотря на уверения Гэндальфа, они сомневались в том, что он взломщик первой категории, то теперь их сомнения рассеялись. Балин был ошарашен больше других. И все гномы признали Бильбо ловкачом.

Бильбо до того был доволен похвалами, что, посмеявшись в душе, ничего не сказал про кольцо, а когда его стали расспрашивать, ответил:

— Ну, просто подкрался потихоньку, по-хоббитовски.

— Даже мыши не удавалось прокрасться у меня под носом и остаться незамеченной, — проговорил Балин. — Снимаю перед вами капюшон. — Что он и сделал, добавив: — Балин, к вашим услугам.

— Мистер Бэггинс, ваш слуга, — ответил Бильбо.

Потом они потребовали у него отчета о приключениях с той минуты, как он потерялся. И он рассказал им все... кроме того, что нашел кольцо. («Подожду пока», — решил он.) Особенно их заинтересовало состяза-

ние в загадках, а когда он описал Голлума, они, сочувствуя, пришли в ужас.

— И тут, когда он уселся рядом со мной, я не смог ничего придумать, — закончил Бильбо, — и просто спросил: «Что у меня в кармане?» И он не отгадал с трех раз. Тогда я сказал: «Ты обещал? Обещал! Теперь выводи меня!» Но он бросился на меня и хотел убить, я побежал и упал, и он не заметил меня в темноте. Тогда я пошел за ним следом и услышал, как он бормочет что-то себе под нос. Он думал, что я сам знаю, как выбраться из-под горы, и побежал к задней двери. А потом вдруг взял и уселся при выходе из туннеля, так что я не мог пройти. Тогда я перепрыгнул через него и пустился наутек.

— А как же стража? — спросили гномы. — Разве стражников не было?

— Были! И еще сколько! Но я от них увернулся и удрал. Дверь была еле приотворена, я застрял и потерял кучу пуговиц... — Он с сожалением поглядел на порванную одежду. — Но я все равно протиснулся — и вот я здесь!

Гномы глядели на него по-новому, с уважением: он так запросто рассказывал про то, как увернулся от стражников, перепрыгнул через Голлума и протиснулся в дверь, словно все это не доставило ему никакого труда и волнений.

— Что я вам говорил? — засмеялся Гэндальф. — Мистер Бэггинс далеко не так прост, как вы думаете.

При этом он бросил на Бильбо странный взгляд из-под косматых бровей, и у хоббита мелькнуло подозрение, что волшебник догадывается о той части истории, которую он опустил.

У него тоже накопилось много вопросов. Может быть, Гэндальф объяснил все гномам раньше, но Биль-

бо-то этого не слышал. Он хотел знать, каким образом волшебник вывел гномов и что это за лощина.

Чародей, не скроем, всегда был не прочь лишний разок похвастать своей мудростью. Поэтому он с удовольствием рассказал Бильбо, что они с Элрондом прекрасно знали о злых гоблинах, живущих в этой части гор. Но раньше главные ворота выходили на другую тропу, более легкую и доступную, где гоблины часто ловили путников, которых ночь застигала вблизи ворот. По-видимому, люди забросили ту дорогу и гоблины устроили новые ворота в конце тропы, по которой шли гномы. Произошло это, видно, совсем недавно, ибо до сих пор дорога считалась вполне безопасной.

Так вот, едва Гэндальф услышал вопль Бильбо, он мигом сообразил, что произошло. Он убил вспышкой гоблинов, кинувшихся на него, и успел скользнуть в щель как раз в тот момент, когда она захлопывалась. Он шел по пятам за погонщиками и пленниками, дошел до тронного зала, а там сел в уголке и сотворил самый удачный из своих колдовских трюков.

— Очень деликатное было дело, — сказал он, — все висело на волоске!

Но Гэндальф недаром столько практиковался в колдовстве с помощью огня и света (даже хоббит, если помните, всю жизнь не мог забыть чудесные фейерверки на праздниках Старого Тука). Что было дальше, мы знаем. Гэндальфу было известно о задней двери, как гоблины называли нижние ворота, где Бильбо потерял пуговицы.

— Гоблины устроили там ворота давным-давно, — сказал Гэндальф, — отчасти как лазейку, если понадобится бежать, отчасти как средство попасть на ту сторону гор; по ночам они делают туда вылазки и набеги и всячески разбойничают. Они строго охраняют эту

дверь, и до сих пор никому не удавалось в нее проскочить. Теперь они будут стеречь ее еще строже.

Гэндальф засмеялся, остальные тоже. Что говорить, убытки их были велики, но зато они прикончили Верховного Гоблина и множество простых гоблинов в придачу и сами спаслись, так что пока, можно считать, находились в выгодном положении.

Но волшебник быстро вернул их к действительности.

— Мы уже отдохнули, — сказал он, — пора двигаться дальше. Ночью сотни гоблинов пустятся за нами в погоню, а смотрите — тени уже удлиннились. До сумерек нам надо уйти на несколько миль вперед. Если хорошая погода сохранится, то взойдет луна, и это нам на руку. Гоблины, правда, не очень-то боятся луны, но мы, по крайней мере, увидим, куда идти. Да, да! — ответил он на новые расспросы хоббита. — Ты потерял счет времени, пока блуждал в туннелях. Сегодня четверг, гоблины поймали нас в понедельник ночью, вернее, во вторник утром. Мы проделали много миль, прошли через самое сердце гор и теперь очутились на другой стороне — словом, порядочно спрямили. Но вышли не туда, куда привела бы нас первоначальная тропа. Мы взяли слишком к северу, впереди нам предстоит малоприятная местность. И пока мы чересчур высоко. Итак, в путь!

— Я страшно хочу есть, — простонал Бильбо, только сейчас осознавший, что ничего в рот не брал с позапрошлого вечера. Каково это для хоббита, только представьте! Теперь, когда возбуждение прошло, он ощутил, что пустой животик обвис и ноги дрожат.

— Ничем не могу помочь, — ответил Гэндальф. — Разве что ты вернешься и вежливо попросишь гоблинов отдать тебе твоего пони и поклажу.

— Нет уж, благодарю покорно! — воскликнул Бильбо.

— В таком случае затянем потуже кушаки и зашагаем дальше. Лучше остаться без ужина, чем самим превратиться в ужин.

По дороге Бильбо посматривал по сторонам, чем бы закусить: черная смородина только цвела, орехи еще не созрели, ягоды боярышника не поспели. Бильбо пожевал щавеля, зачерпнул воды из горного ручейка, пересекавшего тропинку, и даже проглотил три ягодки земляники, но голода не утолил.

Они шли и шли. Неровная каменистая тропка пропала. Исчезли кусты, высокая трава между валунами, участки дерна, обглоданного кроликами, исчезли чебрец и шалфей, мята и желтые горные розочки. Путники очутились на широком крутом склоне, усеянном камнями, — остатками оползня. Когда они начали спускаться, камни и щебень посыпались у них из-под ног. Следующими заскакали обломки камней покрупнее, приведя в движение осыпь, потом стали срываться большие глыбы. Вскоре весь склон выше и ниже их тронулся с места, и они поехали вниз, среди пыли, треска и грохота скачущих камней.

Спасли их деревья. Путники докатились до границы сосновой рощи, переходившей внизу, в долине, в густой темный лес. Одни задержались, уцепившись за нижние ветви деревьев, другие (в том числе маленький хоббит) спрятались за стволы, чтобы укрыться от грозного наступления валунов. Вскоре опасность миновала, осыпь остановилась, лишь далеко внизу, среди папоротника и корней деревьев, еще слышался отдаленный грохот сорвавшихся камней.

— Так! Это нас сильно продвинуло вперед, — заметил Гэндальф. — Если гоблины сюда сунутся, обойтись без шума им будет нелегко.

— Неужели? — иронически пробормотал Бомбур. — Зато легко будет сбрасывать нам камни на голову.

Гномы и Бильбо чувствовали себя неважно и, морщась, потирали ободранные и ушибленные места.

— Пустяки! Сейчас мы свернем и окажемся в стороне от осыпи. Надо торопиться! Оглянитесь вокруг!

Солнце давно село за горы, сумерки сгущались, путники быстро ковыляли по дорожке, которая полого спускалась прямо на юг. Лесной мрак становился все гуще и беззвучнее. Ветер совсем стих, и даже шепота ветвей не было слышно в лесу.

— Неужели мы пойдем дальше? — спросил Бильбо, когда стемнело настолько, что он смутно видел лишь колыхание бороды Торина рядом с собой, и стало так тихо, что дыхание гномов казалось громким шумом. — Пальцы на ногах у меня разбиты, ноги ноют, живот болтается, как пустой мешок.

— Еще немного, — сказал Гэндальф.

Прошла, как им показалось, целая вечность, и вдруг они вышли на поляну, ярко освещенную луной. Чем-то место это им всем не понравилось, хотя ничего определенно плохого они сказать не могли.

Внезапно у подножия горы послышался вой — жуткий, заунывный. Он раздавался справа и слева, все ближе и ближе. То были волки, воющие на луну, волки, собирающиеся в стаю.

Хотя поблизости от родной норки мистера Бэггинса волков не водилось, он узнал вой сразу. Его достаточно часто описывали в сказках, а один из старших кузенов Бильбо по туковской линии, большой любитель путешествовать, не раз был по-волчьи, чтобы напугать Бильбо. Но слышать волков вот так, в лесу, ночью, при луне — это было слишком! Даже волшебное кольцо — слабое средство против волков, особенно против страшной стаи, жившей под сенью гоблинской горы в Диком

Краю. Такие волки обладают еще более тонким нюхом, чем гоблины, им не обязательно видеть свою жертву.

— Что делать, как быть?! — кричал Бильбо. — Спасись от гоблинов, попались волкам!

Слова его стали пословицей, хотя теперь в подобной неприятной ситуации мы говорим «из огня да в полымя».

— На деревья, быстро! — приказал Гэндальф. Они кинулись к деревьям, окружавшим поляну, и мигом взобрались на самые верхние ветки, которые только могли их выдержать. Вы бы животики надорвали, если бы увидели (естественно, с безопасного расстояния), как гномы сидят на ветвях и бороды у них свисают вниз — точь-в-точь спятившие старички вздумали поиграть в мальчишек. Фили и Кили взгромоздились на верхушку высокой лиственницы, которая стала теперь похожа на рождественскую елку. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн устроились с большим удобством на высоченной сосне с солидными ветвями. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин сидели на другой сосне. Двалин и Балин вскарабкались на высокую стройную ель с редкими ветками и пытались отыскать себе местечко в гуще верхушки. Гэндальф, который был значительно выше прочих, подобрал себе такую высокую сосну, куда остальные не могли бы взобраться. Гэндальфа совершенно скрыли ветки, только глаза его сверкали в лунном свете.

А Бильбо? Бильбо никуда не мог залезть и бегал от ствола к стволу, словно потерявший норку кролик, за которым гонится собака.

— Опять ты бросил Взломщика! — заметил Нори, заглядывая вниз.

— Не могу же я вечно таскать его на спине, — возразил Дори, — то по туннелям, то по деревьям! Кто я, потвоему? Носильщик?

— Его съедят, если мы не предпримем никаких мер, — проговорил Торин. Вой слышался все ближе и ближе, окружая их кольцом. — Дори! — окликнул он, ибо Дори сидел ниже всех на самом удобном дереве. — Скорее подай руку мистеру Бэггинсу!

Дори, несмотря на свое ворчанье, был гном очень порядочный; он спустился пониже и протянул руку, но и тут бедняга Бильбо не смог достать до нее. Дори пришлось слезть на землю и нагнуться, чтобы Бильбо забрался к нему на спину. В эту минуту волки с воем выбежали на поляну. Сотни волчьих глаз уставились на Дори и Бильбо. И все-таки Дори не бросил хоббита в беде: он дождался, пока тот перелез с его плеч на дерево, и только тогда подпрыгнул и ухватился за нижнюю ветку. Как раз вовремя! Волк щелкнул зубами и чуть не сдернул Дори за плащ. В одно мгновение вся стая сгрудилась вокруг дерева, волки с воем

запрыгали у ствола, глаза их горели, языки свисали наружу.

Но даже дикие-предикие варги (так назывались злые волки по ту сторону Туманных Гор) не умеют лазать по деревьям. На какое-то время путешественники оказались в безопасности. На их счастье, ночь была теплая и безветренная. На деревьях и вообще-то долго не просидишь, а уж когда холод да ветер и внизу караулят волки, то и подавно.

Эта поляна, окруженная кольцом деревьев, очевидно, была местом сборища волков. Они все прибывали и прибывали. Волки, приняхиваясь, обошли поляну кругом и скоро определили каждое дерево, где кто-нибудь да прятался. Всюду они поставили часовых, остальные (насколько можно судить, не одна сотня) уселись большим кружком. В центре сидел громадный серый волк и говорил на ужасном языке варгов. Гэндальф понимал язык варгов, Бильбо нет, но и так можно было догадаться, что речь идет только о жестоких и злых делах. Время от времени варги хором отвечали серому вожаку, и каждый раз, слыша их жуткое рывканье, хоббит чуть не падал от страха с сосны.

Сейчас я вам расскажу, что услышал Гэндальф и чего не понял Бильбо. Варги и гоблины нередко действовали сообща, совершая свои черные дела. В ту пору гоблины частенько устраивали набеги, чтобы добыть пищу или рабов. В таких случаях они призывали на помощь варгов и потом делились с ними добычей. Иногда гоблины ехали на варгах верхом, как на конях. На эту самую ночь был как раз намечен большой набег. Варги явились сюда на свидание с гоблинами, а те опаздывали. Причиной, как мы знаем, послужила смерть Верховного Гоблина и вообще суматоха, вызванная гномами, Бильбо и волшебником, которых, вероятно, разыскивали в туннелях до сих пор.

Несмотря на все опасности, подстерегающие людей в этой отдаленной стране, некоторые храбрецы в последнее время начали возвращаться сюда с юга, рубить деревья и строить себе дома в более светлых лесах — в долинах и по берегам рек. Их постепенно набралось много, все они были отважные, хорошо вооруженные люди, даже варги не смели нападать на них при ярком солнечном свете. Вот варги и сговорились с гоблинами напасть ночью на деревню, ближнюю к горам. Если бы их план удался, на следующий день в деревне никого не осталось бы в живых: никого, кроме тех, кого гоблины взяли бы в плен.

Жуткие это были речи; опасность угрожала не только храбрым лесорубам, их женам и детям, но и самому Гэндальфу с его друзьями. Варги разозлились и удивились, обнаружив их на месте сбора. Они заподозрили, что друзья лесорубов явились шпионить за ними и отнесут новость в деревню, и тогда гоблинам и волкам придется драться не на жизнь, а на смерть, вместо того чтобы с легкостью разделаться со спящими — сожрать или утащить их. Поэтому варги решили караулить пленников по крайней мере до утра, чтобы эти существа не удрали. К тому времени с гор придут гоблины, а гоблины умеют лазать по деревьям или валить их.

Теперь вам понятно, почему Гэндальф, прислушавшийся к рычанию и тьяканью варгов, отчаянно испугался, даром что был волшебник. Он понял, что они попались, и еще неизвестно, удастся ли им спастись. Но он решил, что так просто не сдастся, хотя, сидя на верхушке дерева в окружении волков, много сделать не сможет. Сперва он обобрал со своей сосны крупные шишки, потом поджег одну из них посохом и швырнул в волков. Шишка с шипением упала волку на спину, его лохматая шкура сразу же загорелась, он с жутким воем заметался по поляне. За первой полетела вторая,

третья; одна горела голубым пламенем, другая — красным, третья — зеленым. Они взрывались, ударяясь о землю, и разлетались цветными искрами, пуская густой дым. Самая большая шишка стукнула вожака по носу, он подпрыгнул на три метра в воздух, а потом принялся носиться кругом, кусая с испуга и злости своих подданных.

Гномы и Бильбо ликовали и кричали от радости. Страшно было смотреть, в какую ярость пришли волки. Они перебудоражили весь лес. Волки вообще боятся огня, а этот огонь был особенный, сверхъестественный. Искра, попадая на шкуру, впивалась в нее, прожигала волка насквозь, и, если он не начинал кататься по земле, его быстро охватывало пламя. Скоро по всей поляне катались волки, пытаясь загасить искры; те, которые уже пылали, с громким воем носились вокруг, поджигая других.

— Что за шум сегодня ночью в лесу? — удивился Повелитель орлов. Он сидел на вершине утеса, и черный силуэт его вырисовывался в лунном свете. — Я слышу голоса волков! Уж не гоблины ли там безобразничают?

Несколькими взмахами крыльев он поднялся в воздух, и немедленно двое орлов снялись со скал по обе стороны от него и последовали за ним. Описывая круги, они внимательно смотрели вниз и наконец заметили кольцо варгов — маленькую точку далеко-далеко под собой. У орлов острое зрение, они видят мельчайшие предметы с большого расстояния. Глаза Повелителя орлов Туманных Гор могли смотреть прямо на солнце, не мигая, или с высоты в милю видеть ночью кролика, бегущего в траве. Он не мог разглядеть сидевших в ветвях, но видел мечущихся волков и вспышки огня, слышал вой и тьяканье. А еще он увидел отблеск лунного света на копьях и шлемах гоблинов: длинные це-

пи этих злых существ, извиваясь, двигались по склонам гор от ворот в лес.

Орлов не назовешь добрыми. Бывают они трусливыми и жестокими. Но орлы древней породы северных гор были гордые, могучие и благородные — самые замечательные из птиц. Они не любили гоблинов и не боялись их. Когда орлы удостаивали гоблинов своим вниманием (что бывало редко, ибо орлы их не едят), то налетали на гоблинов сверху и гнали к пещерам, не давая им вершить разбой. Гоблины ненавидели и боялись орлов, но не могли добраться до их гнезд на вершинах скал и прогнать с гор.

Этой ночью Повелителем орлов овладело любопытство, он захотел узнать, что творится в лесу. По его приказу множество орлов покинули вершины и, медленно кружа над лесом, стали постепенно снижаться туда, где кольцом сидели волки и ждали гоблинов.

Они хорошо сделали, что спустились! Там, внизу, творилось что-то страшное и невообразимое. Загоревшиеся волки, убежав в лес, подожгли его в нескольких местах. Стояло лето, на восточных склонах давно не выпадало дождей. Пожелтый папоротник, хворост, густой ковер из сосновых иголок, кое-где сухие деревья охватило пламенем. Вокруг прогалины бушевал огонь. Но караульные волки не оставили деревьев, на которых прятались гномы. Они бесновались и с воем прыгали на стволы, ругали гномов на своем ужасном наречии, языки их вываливались из пасти, глаза горели свирепым красным огнем.

Внезапно на поляну с криками выскочили гоблины. Они думали, что там идет бой с лесорубами. Но узнав, в чем дело, одни сели на землю от хохота, другие замаха-ли копьями и застучали древками о щиты. Гоблинам огонь не страшен.

Скоро они придумали план, показавшийся им самым замечательно остроумным. Они собрали волков в стаю и накидали вокруг стволов папоротника и валежника. Они до тех пор бегали вокруг, топая и хлопая, хлопая и топая, пока не потушили пожар, но гасить огонь возле деревьев, где сидели гномы, не стали. Наоборот, они подбросили туда еще листьев, сучьев и папоротника. Вокруг гномов образовалось кольцо дыма и пламени. Распространиться наружу гоблины ему не давали, зато оно стягивалось все теснее, и вскоре ползучее пламя перекинулось на кучи валежника и листьев, нагроможденных под деревьями гномов. Дым ел Бильбо глаза, он уже ощущал жар костра, сквозь дымовую завесу он видел, как гоблины пляшут вокруг их деревьев. Позади кольца воинов, танцующих с копьями и топорами, стояли на почтительном расстоянии волки, наблюдали и выжидали.

И тут гоблины затянули страшную песню:

Пятнадцать птиц на ветвях качались,
Под ветром перья у них трепыхались.
Но крыльев — увы! — не досталось пташкам.
Как же снова вспорхнуть бедняжкам?
Покончим с ними каким путем?
Зажарим? Сварим? Съедем сырым?

Потом они перестали плясать и закричали:

— Летите, птички! Летите, коли можете! Слезайте оттуда, птички, а то зажаритесь прямо в гнездышках! Пойте, птички, пойте! Чего молчите?

— Убирайтесь прочь, негодники! — прокричал в ответ Гэндальф. — Еще не время для гнезд. Кто озорничает с огнем, тех наказывают!

Гэндальф хотел их подразнить и показать, что не боится. Но на самом деле он боялся, а ведь он был вол-

шебник! Как будто не слыша его, гоблины продолжали петь:

Жги лес! Огонь до небес!
Пламя, играй! Факел, пылай!
Ночь, посветлей! Нам веселей,
Э-гей!
Жарь их, пеки! Добавь-ка муки!
Ну-ка, ну-ка — перца и лука!
Петрушки и соли — жалко нам, что ли?
Ночь, посветлей! Нам веселей!
Э-гей!
Э-ге-ге-гей!
Э-гей!

При возгласе «э-гей!» пламя лизнуло ствол дерева под Гэндальфом, потом перескочило на соседние деревья. Кора загорелась, нижние ветки затрепали.

Тогда Гэндальф забрался на самую верхушку. Из его посоха вырвалось невиданное ослепительное сверкание. Волшебник приготовился спрыгнуть с высоты прямо на копья гоблинов. Тут бы ему и конец, но зато он, наверное, убил бы немало врагов, свалившись им на головы. Но он не успел прыгнуть.

В этот миг с неба на него упал Повелитель орлов, схватил в когти — и взмыл ввысь.

Вопль гнева и изумления вырвался у гоблинов. Гэндальф что-то сказал Повелителю орлов, тот громко крикнул, и тотчас сопровождавшие его черные птицы ринулись вниз как огромные черные тени. Волки завывали и заскрежетали зубами. Гоблины завопили и затопали от ярости, напрасно бросая в воздух свои тяжелые копья. Орлы кидались на них, сильными взмахами черных крыльев сбивали гоблинов с ног или гнали прочь, в лес. Орлиные когти царапали их. Другие орлы

хватали гномов, которые вскарабкались теперь на самые верхушки и покачивались там, замирая от страха.

Бедняжку Бильбо чуть опять не бросили одного! Он еле успел уцепиться за ноги Дори, когда того последним подхватил орел. Они взвились вверх над суматохой и пожаром, Бильбо болтался в воздухе, руки у него буквально вырывались из плеч.

Гоблины и волки разбежались теперь по всему лесу. Несколько орлов еще кружили над полем битвы. Внезапно пламя охватило деревья до самых вершин, они с треском запылали. Вся поляна обратилась в шквал искр и дыма. Бильбо вовремя оказался в воздухе, еще минута, — и он бы погиб.

Вскоре зарево пожара осталось далеко внизу — красное мерцание на черном фоне. Орлы подымались все выше широкими плавными кругами. Никогда Бильбо не забыть этого полета. Он крепко вцепился в щиколотки Дори и стонал: «Руки, мои руки!», а Дори кричал: «Ноги, мои ноги!»

У Бильбо всегда кружилась от высоты голова. Ему делалось дурно, если он заглядывал вниз с края небольшого обрыва: он недолюбливал приставные лестницы, не говоря уже о деревьях (до сих пор ему не приходилось спасаться от волков). Можете вообразить, как кружилась у него голова теперь, когда он взглядывал вниз и видел под собой темную землю да кое-где поблескивание лунного света на горной породе или на поверхности ручья, пересекавшего равнину.

Вершины гор все приближались — каменные острия, торчащие вверх из черноты. Может, там внизу и стояло лето, но тут было очень холодно. Бильбо закрыл глаза и прикинул — долго ли еще продержится. Он представил себе, что произойдет, если он отпустит руки. Его замутило.

Как раз, когда силы покидали его, полет закончился. Бильбо разжал пальцы и со стоном упал на твердую площадку. Он лежал и радовался, что не сгорел в пожаре, и боялся свалиться с узкого выступа в черный провал. В голове у него все путалось после ужасных событий последних трех дней, а также от голода. Неожиданно он услышал собственный голос:

— Теперь я знаю, каково куску бекона, когда вилка снимет его со сковородки и положит назад на полку.

— Нет, не знаешь! — возразил ему голос Дори. — Сало все равно рано или поздно опять попадет на сковородку, и ему это известно. А мы, смею надеяться, не попадем. И потом, орлы не вилки!

— И скалы не опилки! Ой! — произнес Бильбо, садясь, и с беспокойством посмотрел на орла, который примостился неподалеку. Интересно, какую еще он болтал чепуху и не обиделся ли орел. Не следует обижать орлов, если ты всего лишь маленький хоббит и лежишь ночью в горном орлином гнезде.

Но орел точил клюв о камень, отряхивал перья и не обратил на его слова никакого внимания. Вскоре полетел другой орел.

— Повелитель приказал тебе перенести пленников на Большой Уступ! — прокричал он и улетел.

Первый орел взял Дори в когти и исчез в ночном мраке, оставив Бильбо одного. Бильбо начал было размышлять, что означает слово «пленники» и скоро ли он попадет вместо кролика орлам на ужин, но тут орел вернулся за ним, схватил за куртку на спине и взмыл вверх. На этот раз лететь пришлось недалеко. Бильбо очутился на широком уступе. Он лежал, замерев от страха. Сюда не вела ни одна тропа, сюда можно было только прилететь, а отсюда — улететь или спрыгнуть в пропасть. Остальные путешественники уже сидели там, прислонившись спинами к скале.

Повелитель орлов тоже был там и беседовал с Гэндальфом. Выходило, что Бильбо никто не собирался есть. Волшебник и главный орел, судя по всему, были знакомы и находились даже в дружеских отношениях. Дело в том, что Гэндальф, частенько бывавший по роду своих занятий в горах, однажды оказал услугу орлам, вылечив их повелителя от раны, нанесенной стрелой. Так что «пленники» означало лишь «пленники гоблинов» и ничего более. Прислушиваясь к их беседе, Бильбо понял, что теперь-то они окончательно покинут ужасные горы. Гэндальф просил Великого орла, чтобы орлы перенесли его самого, гномов и Бильбо как можно дальше, это сократило бы им путь через равнину. Однако Повелитель орлов не соглашался относить их туда, где поблизости живут люди.

— Они станут стрелять в нас из больших тисовых луков, — пояснил он, — подумают, что мы прилетели за их овцами. И у них есть для этого основания. Нет! Мы рады были вырвать у гоблинов из рук игрушку и рады отблагодарить лично вас, но рисковать жизнью ради гномов не согласны.

— Хорошо, — сказал Гэндальф, — тогда отнесите нас просто как можно дальше к югу, по вашему усмотрению. Мы вам и так многим обязаны. А сейчас мы умираем с голода.

— Я уже умер, — пропищал Бильбо слабым голосом, но его никто не услышал.

— Этому горю помочь нетрудно, — сказал Повелитель орлов.

Немного погодя вы могли бы увидеть яркий веселый огонь костра на уступе скалы и темные фигурки около него — это гномы готовили ужин. От костра шел дивный аромат жаркого. Орлы принесли на скалу хвоста, кролика, зайцев и барашка. Гномы ловко справились со всеми приготовлениями. Бильбо так ослаб, что

не мог помогать, да и в любом случае толку от него было бы мало: он не умел свежевать кроликов и разделывать мясо, так как мясник всегда доставлял ему мясо разделанным — только жарь. Гэндальф тоже прилег отдохнуть.

Так закончились приключения в Туманных Горах.

Вскоре желудок Бильбо приятно отяжелел, хотя в душе он и предпочел бы хлеб с маслом, а не куски мяса, зажаренного на палочках. Он почувствовал, что готов заснуть. Свернувшись на жестких камнях, он уснул и спал крепче, чем когда-либо на перине у себя дома.

Вопросы и задания

- 1. Какая из глав книги кажется вам самой интересной, если судить только по ее названию? Внимательно прочтите оглавление книги:

Глава 1. Нежданные гости

Глава 2. Баранье жаркое

Глава 3. Передышка

Глава 4. Через гору и под горой

Глава 5. Загадки в темноте

Глава 6. Из огня да в полымя

Глава 7. Небывалое пристанище

Глава 8. Пауки и мухи

Глава 9. В бочках — на волю

Глава 10. Радужный прием

Глава 11. На пороге

Глава 12. Что ждало их внутри

Глава 13. Пока хозяина не было дома

Глава 14. Огонь и вода

Глава 15. Тучи собираются

Глава 16. Ночной вор

Глава 17. Гроза разразилась

Глава 18. Обратный путь

Глава 19. Последняя глава

2. Название шестой главы — популярная поговорка. Что она означает в разговорной речи? Приведите синонимы этого выражения.
 3. Было ли в этой главе настоящее пламя? Из какого огня и в какое пламя попал наш герой и его спутники?
 4. Почему Бильбо скрыл, что многое в событиях прошедших дней было определено волшебным кольцом? Догадался ли Гэндальф о его скрытности? Как он отнесся к этому?
 5. Почему, как вам кажется, спутников Гэндальфа особенно заинтересовало состязание в загадках?
- 1. Попробуйте дать описание всех темных сил, которые появляются в этой главе: гоблинов, волков и суровых орлов.
2. Как в событиях главы оправдывается характеристика орлов: «...орлы древней породы северных гор были гордые, могучие и благородные — самые замечательные из птиц»?
 3. Подготовьте рассказ о волшебнике Гэндольфе. Решите, что в его облике взято из волшебных сказок.

Вопросы и задания к повести «Хоббит, или Туда и обратно»

- 1. Как вы объясняете двойное название повести: «Хоббит, или Туда и обратно»?
2. Назовите и кратко расскажите о спутниках Бильбо Бэггинса.
 3. Попробуйте создать перечень друзей и врагов героя. Как вы сами относитесь к каждому из них? Попробуйте выбрать и кратко описать самого лучшего друга и самого ненавистного врага.
 4. Большую роль в истории путешествия Хоббита играет Кольцо Всевластья. Расскажите, как оно было найдено и какую роль сыграло в дальнейших событиях.
 5. Подготовьте краткий пересказ сюжета всей книги.
- 1. Повесть «Хоббит, или Туда и обратно» относят к фэнтези. Каковы отличительные черты этого вида литературы? Обратитесь к словарю литературоведческих терминов.
2. Расскажите о Бильбо Бэггинсе. Сначала составьте план своего повествования.
 3. Гэндальф — мудрый волшебник. Что вас привлекает в нем — огромные возможности волшебника или то, что он умеет видеть свои слабости и недостатки?

Вопросы и задания к теме «Литературные сказки XX века»

- ▶ 1. Какая из прочитанных сказок произвела на вас наибольшее впечатление? Приведите убедительные объяснения.
- 2. Какие из изученных вами литературных сказок имеют общие черты с фольклорными? Назовите эти черты.
- 3. В народных сказках встречаются произведения малых жанров фольклора. Есть ли такие примеры в литературных сказках?
- ▶ 1. Видели ли вы кино- или мультфильмы, созданные на основе прочитанных сказок? Расскажите о своих впечатлениях.
- 2. Попробуйте сочинить сказку XXI века или написать кратко ее сюжет.

Проза русских писателей XX столетия

Литература XX века радует вас, читателей, прекрасными художественными произведениями. Читая их, вы постоянно убеждаетесь в том, как тесно связаны между собой писатели двух веков и как близки темы, которые в них звучат: любовь к России, ее природе и людям.

Иван Сергеевич Шмелев

1873—1950

Иван Сергеевич Шмелев — один из тех писателей, которые после революции покинули родину и за границей продолжали писать прекрасные произведения о России и русской жизни. Так русская классика сохранила себя и за границами родной страны. О Шмелеве писали

многие его современники. Познакомьтесь с отрывком из книги Ю. Кутыриной «Иван Шмелев»:

«Среднего роста, худощавый, большие серые глаза... Эти глаза владеют всем лицом... склонны к ласковой усмешке, но чаще глубоко серьезные и грустные. Его лицо изборождено глубокими складками-впадинами от созерцания и сострадания... лицо русское, — лицо прошлых веков, пожалуй, — лицо старовера, страдальца. Так и было: дед Ивана Сергеевича Шмелева, государственный крестьянин из Гуслиц, Богородского уезда, Московской губернии, — старовер... Предки матери тоже вышли из крестьян, исконная русская кровь течет в жилах Ивана Сергеевича Шмелева».

Любовь к родной стране, умение передать очарование родной природы, искренняя вера в идеалы христианства звучат в его произведениях «Лето Господне», «Богомолье», которые вы, конечно, позже прочтете.

Доброжелательность и душевная теплота живут в произведениях Шмелева. В рассказе с двойным названием «Как я встречался с Чеховым. За карасями» мы находим повествование о детских годах. Читая его, подумайте о том, почему, вспоминая о рыбалке, автор на первое место в названии рассказа поставил слова о встрече с Чеховым.

Как я встречался с Чеховым. За карасями

Это были встречи веселые, в духе рассказов Антоши Чехонте. Чехов был тогда еще А. Чехонте, а я — маленьким гимназистом. Было это в Москве, в Замоскворечье.

В тот год мы не ездили на дачу, и я, с Пиуновским Женькой, — упокой, Господи, его душу: пал на Карпа-

тах, сдерживая со своим батальоном напор австрийской дивизии, за что награжден посмертно Св. Георгием, — днями пропадал в Нескучном. Мы строили вигвамы¹ и вели жизнь индейцев. Досыта наострившись на индейцах, мы перешли на эскимосов и занялись рыболовством в Мещанском саду, в прудах. Так назывался сад при Мещанском училище, на Калужской. Еще не чищенные тогда пруды славились своими карасями. Ловить посторонним было воспрещено, но Веревкин Сашка, сын училищного инспектора, был наш приятель, и мы считали пруды своими. В то лето карась шел, как говорится, дуром: может быть, чуял, что пруды скоро спустят и все равно погибать, так уж лучше погибать почетно. Женька так разъярился, что оттащил к букинисту латинский словарь и купил «дикобразово перо» — особенный поплавок, на карасей. Чуть заря — мы уже на прудах, в заводинке, густо заросшей «гречкой», где тянулась проточина, — только-только закинуть удочку. Женька сделал богатую прикормку — из горелых корок, капи и конопли, «дикобразово перо» делало чудеса, и мы не могли пожаловаться. Добычу мы сушили и толкли питательный порошок или, по-индейски, — пеммикан, как делают это эскимосы.

Было начало июня. Помню, идем по зорьке, еще безлюдным садом. В верхушках берез светится жидким золотцем, кричат грачата, щебечут чижики по кустам, и слышно уже пруды: тянет теплом и тиной, и видно между березами в розоватом туманце воду. Только рыболовы знают, что творится в душе, когда подходишь на зорьке к заводинке, видишь смутные камыши, слышишь сонные всплески рыбы, и расходящийся круг воды холодком заливает сердце.

¹ *Wigwam* — куполообразная хижина индейцев Северной Америки.

— А, черррт!.. — шипит, толкая меня, Женька, — сидит какой-то... соломенная шляпа!..

Смотрим из-за берез; сидит — покуривает, удочки на рогульках, по обе стороны. Женька шипит: «Пощупаем, не браконьер ли?» Но тут незнакомец поднимается, высокий, голенастый, и — раз! тащит громадного карасищу, нашего, черноспинного, чешуя в гривенник, и приговаривает баском таким: «Иди, голубчик, не упирайся», — спокойно так, мастера сразу видно. И кому-то кричит налево: «Видали, каков лапоток?» А это, сбоку, под ветлами, Кривоносый ловит, воспитатель училищный. А незнакомец на кукан карася сажает, прутик в рот карасю просунул, бечевочку под жабры, а на кукане штуки четыре, чисто подлещики, с нашей прикормки-то. Видим — место все неудобное, ветлы, нельзя закинуть. И Кривоносый тащит — красноперого, золотого, бочка оранжевые, чуть с чернью. А карасище идет, как доска, не трепыхнется. Голенастый, в чесучовом пиджаке, в ладоши даже захлопал: «Не ожидал, какое тут у вас рыбе эльдорадо¹! буду теперь захаживать». Смотрим — и на другой удочке тюкает, повело... Женька шипит: «Надо какие-нибудь меры... самозванцы!» А незнакомец выволок золотого карасищу, обеими руками держит и удивляется: «Не карась, золотая медалы!» Сердце у нас упало. А Кривоносый орет: «А у меня серебряная, Антон Павлыч!..» А незнакомец опять золотого тащит... — и плюнул с досады в воду: плюхнулся карасище, как калоша. Ну, слава тебе, Господи!

Подошли поближе, уж невтерпеж, Женька рычит: «А, плевать, рядом сейчас закину». Смотрим... — чу-уть поплавок ветерком будто повело, даже не тукнуло. Знаем — особенное что-то. И тот сразу насторожился,

¹ *Эльдорадо* — в переносном смысле: страна, место сказочных богатств и чудес.

удочку чуть подал, — мастера сразу видно. Чуть под-сек, — так там и заходило. И такая тишь стала, словно все померли. А оно — в заросли повело. Тот кричит: «Не уйдешь, голуба... знаю твои повадки, фунтика на два линь!..» А линей отродясь тут не было. Стал выводить... — невиданный карасище, мохом совсем зарос, золотце чуть проблескивает. А тот в воду ступил, схватил под жабры и выкинул, — тукнуло, как кирпич. Кинулись мы глядеть, и Кривоносый тут же. Голенастый вывел из толстой губы крючок, — «колечко» у карасины в копейку было, гармонья словно! — что-то на нас прищурился и говорит Кривоносому, прыщавому, с усмешкой: «Меща — не караси у вас, сразу видно!» А Кривоносый спрашивает почтительно: «Это в каком же смысле... в Мещанском пруду-с?» А тот смеется, приятно так: «Благородный карась любит ловиться в мае, когда черемуха... а эти, видно, Аксакова не читали». Приятным таким баском. Совсем молодой, усики только, лицо простое, словно у нашего Макарки из Крымских бань. «А вы, братцы, Аксакова читали? — нам-то, — что же вы не зажариваете?..» Женька напыжился, подбородок втянул и басом, важно: «Зажарим, когда поймает». А тот вовсе не обиделся: «Молодец, — говорит, — за словом в карман не лезет». А Женька ему опять: «Молодец в лавке, при прилавке!» — и пошел направо, на меня шипит: «Девчонка несчастная, а еще «Соколиное перо», черт... сказал бы ему, наше место, прикормку бросили!» Стали на место, разматываем. Ветлы нависли сажени на две от берега, чуть прогалец, поплавку упасть только-только.

Размахнулся Женька — «дикобразово перо» в самом конце и зацепилось, мотается, а мотыль-наживка над самой водой болтается. А там опять карасищу тащут! Женька звонил-звонил, — никак отцепить не может, плещет ветками по воде, так волны и побежали. «Пле-

вать, всех карасей распугаю, не дам ловить!» А «диковобразовое перо» пуще еще запуталось. Незнакомец нам и кричит: «Ну, чего вы там без толку звоните! ступайте ко мне, закидывайте, места хватит!» А Женька расстроился, кричит грубо: «Заняли наше место, с нашей прикормки и пользуетесь!» И все звонит. А незнакомец вежливо так: «Что же вы не сказали? у нас, рыболовов, правила чести строго соблюдаются... прошу вас, идите на ваше место... право, я не хотел вам портить!» А Кривоносый кричит: «Чего с ними церемониться! мало их пороли, грубиянов... на чужой пруд пришли — и безобразничают еще. По какому праву вы здесь?» А Женька ему свое: «По веревкинскому, по такому!» Кривоносый и прикусил язык.

А клевать перестало, будто отрезало: распугал Женька карасей. Похлестали они впустую, незнакомец и подошел к нам. Поглядел на нашу беду и говорит: «Не снять. У меня запасная есть, идите на ваше место, — и дает Женьке леску с длинным пером, на желобок намотано, — у Перешивкина продается, на Моховой. — Всегда у нас, рыболовов, когда случится такое... — потрепал Женьку по синей его рубашке, по «индейской» — Уж не сердитесь...» Женька сразу и отошел. «Мы, говорит, не из жадности, а нам для пеммикана надо». — «А-а, — говорит тот, — для пеммикана... будете сушить?» — «Сушить, а потом истолчем в муку... так всегда делают индейцы и американские эскимосы... и будет пеммикан». — «Да, говорит, понимаю ваше положение. Вот что. Мне в Кусково надо, карасей мне куда же... возьмите для пеммикана». Вынул портсигар и угощает: «Не выкурят ли мои краснокожие братья со мною трубку мира?» Незнакомец ласково поглядел на нас и сказал горлом, как говорят индейцы: «Отныне мир!» — протянул нам руку. Мы пожали, в волнении. И продолжал: «Отныне моя лес-

ка — твоя леска, твоя прикормка — моя прикормка, мои караси — твои караси!» — и весело засмеялся. И мы засмеялись, и все закружилось, от курения.

Потом мы стали ловить на «нашем» месте, но клевала все мелочь, «пятачишки», как называл ее наш «бледнолицый брат». Он узнал про «дикобразово перо» и даже про латинский словарь, пошел и попробовал отцепить, но ничего не вышло. Все говорил: «Как жаль, такое чудесное «дикобразово перо» погибло!» — «Нет, оно не погибнет!» — воскликнул Женька, снял сапоги и бросился в брюках и в синей своей рубаше в воду. Он плыл с перочинным ножом в зубах, как всегда делают индейцы и эскимосы, ловко отхватил ветку и поплыл к берегу с «дикобразовым пером» в зубах. «Вот! — крикнул он приятному незнакомцу, отныне — брату, — задача решена, линия проведена и треугольник построен!» Это была его поговорка, когда удавалось дело. «Мы будем отныне ловить вместе, заводь будет расчищена!» Брат бледнолицый вынул тут записную книжечку и записал что-то карандашиком. Потом осмотрел «дикобразово перо» и сказал, что заведет и себе такое. Женька, постукивая от холода зубами, сказал взволнованно: «Отныне «дикобразово перо» — ваше, оно принесет вам счастье!» Незнакомец взял «дикобразово перо», прижал к жилету, сказал по-индейски — «попо-кате-петлы!», что значит «Великое Сердце», и положил в боковой карман, где сердце. Потом протянул нам руку и удалился. Мы долго смотрели ему вслед.

— Простяга! — взволнованно произнес Женька вышнюю похвалу: он не бросал слова на ветер, а запирали их «забором зубов», как поступают одни благородные индейцы.

Мимо нас прошел Кривоносый и крикнул, трясая пальцем:

— Отвратительно себя ведете, а еще гимназисты! Доведу до сведения господина инспектора, как вы грубили уважаемому человеку, больше вашей ноги здесь не будет, попомните мое слово!

Женька крикнул ему вдогонку: «Мало вас драли, грубиянов, — сплюнул и прошипел: — Бледнолицая с-собака!..»

Припекло. От Женьки шел пар, словно его сварили и сейчас будут пировать враги. Пришел Сашка Веревкин и рассказал, что незнакомец — брат надзирателя Чехова, всю ночь играл в винт у надзирателей, а потом пошли ловить карасей... что он пишет в «Будильнике» про смешное, — здорово может прохватить! — а подписывает, для смеха, — Антоша Чехонте. А Кривоногого выгонят, только пожаловаться папаше, записано в кондуите¹ про него — «был на дежурстве не в порядке, предупреждение». Женька сказал: «Черт с ним, не стоит». Он лежал на спине, мечтал: нежное что-то было в суровом его лице.

Случилось такое необычное в бедной и неуютной жизни, которую мы пытались наполнить как-то... нашим воображением. Многого мы не понимали, но сердце нам что-то говорило. Не понимали, что наш «бледнолицый брат» был поистине нашим братом в бедной и неуютной жизни и старался ее наполнить. Я теперь вспоминаю, из его рассказов, — «Монтигомо, Ястребиный Коготь...» — так, кажется?..

Вопросы и задания

1. Почему рассказ Шмелева носит двойное название: «Как я встречался с Чеховым. За карасями»? Как это можно объяснить?
2. Кого мальчики-рыболовы окрестили сначала Кривоносым и Голенастым?

¹ *Кондуит* — журнал, в который в учебных заведениях заносились проступки учащихся.

3. Каким видел рассказчик Чехова-рыболова? Подготовьте выборочный пересказ.
- 1. Можете ли вы догадаться, какие книги интересовали приятелей, если внимательно прочтете об их играх?
2. Голенастый спросил у ребят, читали ли они произведения Сергея Тимофеевича Аксакова. Наверное, вы тоже не читали его книгу «Записки об уженье», которая и сейчас полезна рыболову. У него есть и еще одна превосходная книга — «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах», где тоже идет речь о ловле рыбы. О рыбной ловле Аксаков пишет также в книге «Детские годы Багрова-внука». Читали ли вы ее?

Евгений Иванович Замятин

1884—1937

Е. И. Замятин окончил кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института.

В годы Первой мировой войны он работал в Англии на строительстве ледоколов для русского флота. Возвратившись на Родину, стал писателем. Замятин видел сильные и слабые стороны событий, происходивших вокруг, и отражал это в своих произведениях. Писателя увлекает жизнь детей и подростков — тех, кому принадлежит будущее. В них он ценит больше всего неумную жажду деятельности, любознательность, активное отношение к окружающему миру.

Огненное «А»

Которые мальчики очень умные — тем книжки дарят. Мальчик Вовочка был очень умный — и подарили ему книжку: про марсиан.

Лег Вовочка спать — куда там спать: ушки горят, щечки горят. Марсиане-то ведь, оказывается, давным-

давно знаки подают нам на Землю, а мы-то! Всякой ерундой занимаемся: историей Иловайского¹. Нет, так больше нельзя.

На сеновале — Вовочка и трое второклассников², самых верных: Иловайского в угол. Четыре головы — над бумажкой: чертят карандашом, шу-шу, шу-шу, ушки горят, щечки горят...

За ужином большие читали газету: про хлеб, забастовки — и спорят, и спорят — обо всякой ерунде.

— Ты, Вовка, чего ухмыляешься?

— Да уж больно вы чудные: марсиане нам знаки подают, а вы — про всякую ерунду.

— А ну тебя с марсианами... — и про свое опять. Глупые большие!

Заснули наконец. Вовочка — как мышь: сапоги, брюки, куртку. Зуб на зуб не попадает, в окошко прыг! — и на пустой монастырский выгон, за лесным складом купца Заголяшкина.

Четверо второклассников, самых верных, натаскали дров купца Заголяшкина. Сложили из дров букву «А» — и запылало на выгоне огненное «А» для марсиан, колоссальное огненное «А» в пять сажен длиной.

— Трубу!.. Трубу наводи скорее!

Навел мальчик Вовочка подозрную трубу, трясется труба.

— Сейчас... кажется... Нет еще... Сейчас-сейчас...

Но на Марсе — по-прежнему. Марсиане занимались своим делом и не видели огненного «А» Вовочки.

¹ Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — историк, создатель учебника «История России».

² Второклассник — в дореволюционной гимназии: учащийся, по возрасту совпадающий с сегодняшним шестиклассником.

Ну, стало быть, завтра увидят. Уж завтра — обязательно.

— Ты чего нынче, Вовочка, чисто именинник?

— Такой нынче день. Особенный.

А какой, не сказал: все одно не поймут глупые большие, что именно сегодня начнется новая, междупланетная, эпоха истории Иловайского: уж нынче марсиане обязательно...

И вот — великая ночь. Красно-огненное «А», четыре багровые тени великих второклассников. И уж наведена и дрожит труба...

Но заголяшкинский сторож Семен в эту ночь не был пьян. И только за трубу — Семен сзади:

— Ахх-х вы, каналы! Дрова переводить зря? Держи-держи-держи! Стой-стой!

Трое, самых верных — через забор. Мальчика Вовочку заголяшкинский сторож изловил и, заголивши, высек.

А с утра великих второклассников глупые большие засадили за историю Иловайского: до экзамена один день.

Вопросы и задания

- 1. Почему Вовочка и его друзья считали все современные события ерундой?
- 2. Опишите замысел ребят.
- 3. Как вы объясните уверенность «великих второклассников» в контакте с марсианами? Откуда она взялась?
- 4. Почему мальчики зажигали для марсиан букву «А»?
- » 1. Принимали ли вы научно-фантастические произведения за рассказы о подлинных событиях? Приведите примеры.
- 2. Можно ли по каким-то признакам угадать, что события этого рассказа произошли не сейчас, а в начале XX века?
- 3. Что вы читали или слышали о Марсе? Что знаете о полетах на эту планету?

В жизни Куприн стремился изведать и испытать все сам, хотел быть причастным ко всему, что совершается вокруг. За свою жизнь он был офицером, газетным репортером, чернорабочим, бродягой, грузчиком, спортсменом-атлетом, ездовым в цирке, драматическим актером, зубным техником, псаломщиком, учетчиком на заводе и продавцом в магазине, лесником, землемером, охотником, рыбаком, садоводом, управлял имением, разводил свиней, выращивал табак, спускался в шахту и на морское дно, поднимался на воздушном шаре и летал на самолете, был редактором и критиком и, наконец, прославился как писатель.

Он так жадно стремился понять все и всех вокруг, что веришь его словам: «Ей-богу, я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой...»

Меняя профессии, он много писал. Это были и стихи, и проза. Поэтом он не стал, а прозаиком сформировался блестящим. Писательская зрелость пришла к нему вместе с богатейшим жизненным опытом.

Мой полет

Очень жаль, что меня о моем полете расспрашивало несколько сот человек, и мне скучно повторять это снова. Конечно, в крушении аэроплана и в том, что мой бедный друг Заикин должен был опять возвратиться к борьбе, виноват только я¹.

¹ После этого полета Заикину пришлось вновь стать профессиональным борцом на арене цирка.

Год тому назад, во время полетов Катанео, Уточкина и других¹, Заикин зажегся мыслью, чтобы летать. В это время мы вместе с ним были на аэродроме. Со свойственной этим упрямым волжанинам внезапной решительностью он сказал:

— Я тоже буду летать!

Дернул меня черт сказать:

— Иван Михайлович, беру с вас слово, что первый, кого вы поднимете из пассажиров, буду я!

И вот почти ровно через год, в очень ненастную, переменчивую одесскую погоду, Заикин делает два великолепных круга, потом еще три с половиною, достигая высоты около пятисот метров. Затем он берет с собой пассажиром молодого Навроцкого, сына издателя «Одесского листка», и делает с ним законченный круг, опускаясь в том же месте, где он начал полет. Несмотря на то что на аэродроме почти что не было публики платной, однако из-за заборов все-таки глазело несколько десятков тысяч народа. Заикину устроили необыкновенно бурную и, несомненно, дружественную оvation.

Как раз он проходил мимо трибуны и раскланивался с публикой, улыбаясь и благодаря ее приветственными, несколько цирковыми жестами. В это время, Бог знает почему, я поднял руку кверху и помахал кистью руки. Заметив это, Заикин наивно и добродушно размял толпу, подошел ко мне и сказал:

— Ну что ж, Александр Иванович, полетим?

Было очень холодно, и дул норд-вест. Для облегчения веса мне пришлось снять пальто и заменить его газетной бумагой. Молодой Навроцкий, только что отлетавший, любезно предложил мне свою меховую шапку с наушниками. Кто-то пришилил мне английскими булавками газетную манишку к жилету, кто-то за-

¹ Время первых полетов на аэропланах.

вязал мне под подбородком наушники шапки, и мы пошли к аэроплану.

Садиться было довольно трудно. Нужно было не зацепить ногами за проволоки и не наступить на какие-то деревянные. Механик указал мне маленький железный упор, в который я должен упираться левой ногой. Правая нога моя должна была быть свободной. Таким образом, Заикин, сидевший впереди и немного ниже меня на таком же детском креслице, как и я, был обнят мною ногами.

Правую ногу мою свела судорога от неудобного положения. Я попробовал об этом сказать, но это уже было невозможным, потому что пустили в ход пропеллер. Тогда я изо всей силы прижал икру ноги к какой-то вертикальной стойке и болью заставил судорогу прекратиться. Всякие разговоры и протесты были бы бесполезны, потому что ни крик, ни выстрел из пистолета не были слышны моим авиатором, которому я так легкомысленно вверил мою жизнь...

Затем ощущение быстрого движения по земле — и страх!

Я чувствую, как аппарат, точно живой, поднимается на несколько метров над землей, и опять падает на землю, и катится по ней, опять поднимается. Эти секунды были самые неприятные в моем случайном путешествии по воздуху. Наконец Заикин заставляет машину подняться сразу вверх.

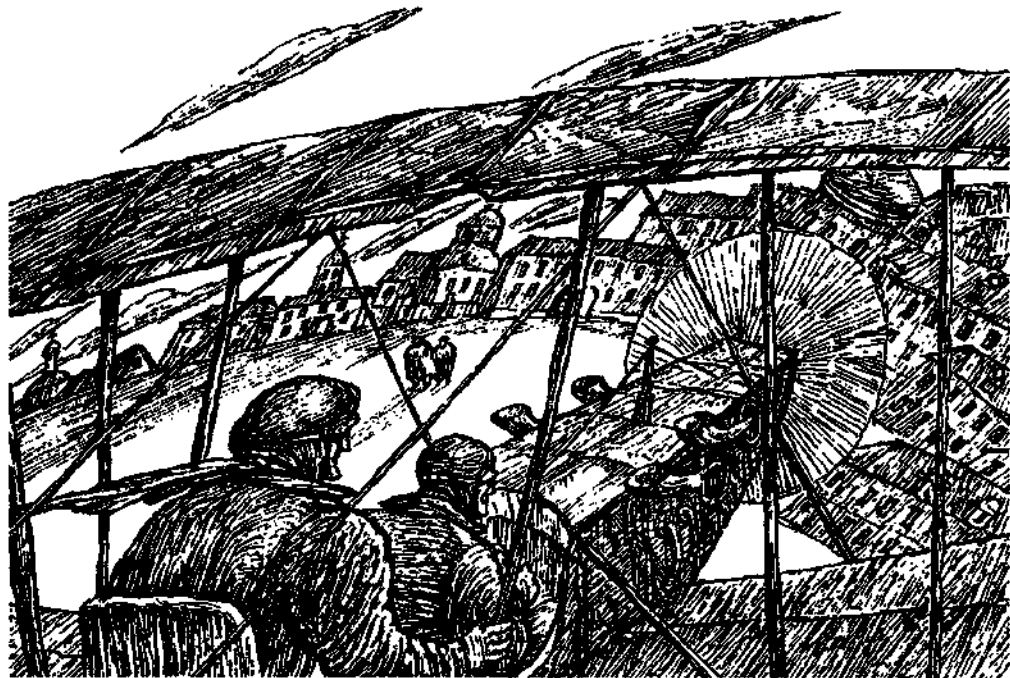
Встречный воздух подымает нас, точно систему из игрушечного змея. Мне кажется, что мы не двигаемся, а под нами бегут назад трибуны, каменные стены, зеленющие поля, деревья, фабричные трубы.

Гляжу вниз — все кажется таким смешным и маленьким, точно в сказке. Страх уже пропал. Сознательно говорю, что помню, как мы повернули налево и еще и еще налево. Но тут-то вот и случилась наша трагиче-

ская катастрофа. Встречный ветер был раньше нам другом и помощником, но когда мы повернулись к нему спиной, то сказались наши, то есть мои и пилота, тринадцать пудов веса плюс пропеллер, плюс мотор «гном» в пятьдесят сил, плюс ветер, гнавший нас в спину.

Сначала я видел Заикина немного ниже своей головы. Вдруг я увидел его голову почти у своих колен. Ни у меня, ни у него (как я потом узнал) не было ни на одну секунду ощущения страха — страх был раньше. С каким-то странным равнодушием я видел, что нас несет на кладбище, где было на тесном пространстве тысяч до трех народа.

Только впоследствии я узнал, что Заикин в эту критическую секунду сохранил полное хладнокровие. Он успел рассчитать, что лучше пожертвовать аэропланом и двумя людьми, чем произвести панику и, может быть, стать виновником гибели нескольких челове-

ских жизней. Он очень круто повернул налево... И затем я услышал только треск и увидел, как мой пилот упал на землю.

Я очень крепко держался за вертикальные деревянные столбы, но и меня быстро вышибло с сиденья, и я лег рядом с Заикиным.

Я скорее его поднялся на ноги и спросил:

— Что ты, старик? Жив?

Вероятно, он был без сознания секунды три-четыре, потому что не сразу ответил на мой вопрос, но первые его слова были:

— Мотор цел?

Как это ни странно, но я утверждаю, что во время падения не было ни у него, ни у меня ни одного момента страха. Все это происходило будто в сказке...

Вопросы и задания

- ▶ 1. Как автор очерка стал участником полета?
- 2. Опишите «критическую секунду» полета.
- 3. Какие личные качества проявили участники полета?
- ▶▶ 1. Почему автор утверждает, что «все это происходило будто в сказке»?
- 2. Как вы докажете, что перед вами очерк, а не рассказ? Прежде чем отвечать на вопрос, прочитайте в словаре литературоведческих терминов определение очерка.

Вопросы и задания к теме

«Проза русских писателей XX столетия»

- ▶ 1. Что интересного вы узнали, прочитав произведения этого раздела?
- 2. Какой рассказ поразил вас необычным содержанием?
- 3. Все произведения, представленные здесь, написаны в начале XX века. Сможете ли вы доказать это, приведя примеры из текста?

Поэтический образ Родины

Александр Александрович Блок

1880—1921

На лугу

Леса вдали виднее,	Весна идет сторонкой,
Синее небеса,	Да где ж сама она?
Заметней и чернее	Чу, слышен голос звонкий,
На пашне полоса,	Не это ли весна?
И детские звончее	Нет, это звонко, тонко
Над пашней голоса.	В ручье журчит волна...

Вопросы

- ▶ 1. Как рисует поэт приход весны?
- 2. Какими приемами передана смена времен года?
- ▶ 1. Обратите внимание на слова *виднее, синее, заметней и чернее, звончее*. Какое впечатление они создают?
- 2. Докажите, что поэт рисует не саму весну, а только ее приближение.

Ворона

Вот ворона на крыше покатоЙ
Так с зимы и осталась горбатой...
А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:
 Что белеет под нежною травкой?
 Вон желтеют под серою лавкой
Прошлогодние мокрые стружки...
Это все у вороны — игрушки,
 И уж так-то ворона довольна,
 Что весна, и дышать ей привольно!..

Вопросы и задания

- ▶ 1. Прочтите стихотворение «Ворона». Как оно рисует картину весны? Что помогает читателю ее увидеть?
- 2. Попробуйте нарисовать «портрет» вороны весной, пользуясь только строками стихотворения.
- ▶▶ Что вы видите общего в описании таких разных весенних картин природы в стихах Блока?

Иван Алексеевич Бунин

1870—1953

Сказка

...И снилось мне, что мы, как в сказке,
Шли вдоль пустынных берегов
Над диким синим лукоморьем,
В глухом бору, среди песков.
Был летний светозарный полдень,
Был жаркий день, и озарен
Весь лес был солнцем и от солнца
Веселым блеском напоен.
Узорами ложились тени
На теплый розовый песок,
И синий небосклон над бором
Был чист и радостно-высок.

Играл зеркальный отблеск моря
В вершинах сосен, и текла
Вдоль по коре, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнее стекла...

Мне снилось северное море,
Лесов пустынные края...

Мне снилась даль, мне снилась сказка —
Мне снилась молодость моя.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Что снилось герою стихотворения?
- 2. Как объяснить, почему сказка явилась во сне ярким летним днем?
- » 1. Почему в первой и последней строфе стихотворения слово *снилось* повторяется пять раз?
- 2. Почему стихотворение о сне названо «Сказка»?
- 3. Когда и где вы впервые встретили слово *лукоморье*?

Константин Дмитриевич Бальмонт

1867—1942

Снежинка

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную —
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в неизвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взмечается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

Вопросы и задания

- 1. Как удалось поэту передать полет снежинки от «лазури чудесной» к земле?
- 2. Какие эпитеты характеризуют снежинку?
- 3. Есть ли в стихотворении другие приметы зимы?
- 1. Какие чувства вы испытываете, читая стихотворение «Снежинка»?
- 2. Кажется ли вам снежинка, о которой говорится в стихотворении, живым существом? Почему?

Фейные сказки

У чудищ

Я был в избушке на курьих ножках.
Там всё как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке.
Стянул у старой две нитки бус.
Разгневал ведьму — и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.

Пойду, пожалуй, теперь к Кощею,
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны — и был таков.

Вопросы и задания

- 1. «Фейные сказки» написаны для маленькой дочки Бальмонта. Как воспримет ребенок события, рассказанные в стихотворении?
- 2. Как нарисованы Кощей и Яга, которые вам уже знакомы по сказкам?
- 3. Как вы думаете, какое время года изображено в стихотворении?
- 1. Почему автор изобразил себя путешественником? В каких местах он побывал и где еще собирается быть?
- 2. Почему рассказчик выглядит таким смельчаком?

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее.
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море,
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро осень проснется —
И заплачет спросонья.

Вопросы и задания

- 1. Какие приметы осени названы в стихотворении?
- 2. Найдите в стихотворении олицетворение, которое помогает представить картину осени.
- 3. Как осень влияет на настроение поэта?
- 4. Можете ли вы сказать, прочитав стихотворение, любит ли поэт осень? Ответ обоснуйте.
- 1. Найдите рифмы в любом из стихотворений Бальмонта. Как они расположены?
- 2. Можно ли читать стихи Бальмонта, используя при этом музыкальное сопровождение?

3. Подумайте, как образовалось название «Фейные сказки».
4. Выучите наизусть то стихотворение Бальмонта, которое вам понравилось.

Сергей Александрович Есенин

1895—1925

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Распумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Вопросы и задания

- 1. Какие картины зимнего леса рисует поэт в стихотворении?
- 2. Почему лес предстает в стихотворении «невидимкой»?
- 3. Какая из картин зимнего леса запоминается более всего?
- 1. Как сочетается в строках стихотворения движение того, кто едет зимним лесом, и изображение застывшего от мороза леса? Какой образ помогает создать эту картину?

2. Какие у вас возникают образы при чтении строк: «Валит снег и стелет шаль», «Дремлет лес под сказку сна»?
3. Найдите художественные приемы, которыми поэт рисует картину зимней природы.

Черемуха

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремячею
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

Вопросы и задания

- 1. Найдите олицетворения. Как они помогают увидеть особенности весеннего дня?
- 2. Приведите примеры эпитетов, подчеркивающих приход весны.
- 3. Выучите наизусть это стихотворение.
- 1. Объясните сочетание золотого и серебряного цветов при цветении черемухи.

2. Зачем, как вам кажется, черемуха дважды названа «душистой»?
3. Чем, на ваш взгляд, отличаются стихотворения Есенина, рисующие зиму и весну? Ответ обоснуйте.

Михаил Михайлович Пришвин

1873—1954

Времена года

Отрывки

Весна

Березовый сок

То дождик, то солнышко. Я фотографировал ручей, и когда промочил ногу и хотел сесть на муравьиную кочку, по зимней привычке, то заметил, что муравьи выползли и плотной массой, один к одному, сидели и ждали чего-то; или они приходили в себя перед началом работ?

А несколько дней тому назад, перед большим морозом, тоже было очень тепло, и мы дивились, почему нет муравьев, почему береза не дает сока. После этого хватил ночной мороз в восемнадцать градусов, и теперь нам все стало понятно: и береза, и муравьи знали, что еще будет сильный мороз, и знали они это по ледяной земле. Теперь же земля таяла, и береза дала сок.

Лето

Молодые листики

Ели цветут красными свечами и пылят желтой муцией. У старого огромного пня я сел прямо на землю; пень этот внутри совершенно труха и, наверное, рассыпался бы вовсе, если бы твердая крайняя древесина не растрескалась дощечками, как в бочках, и каждая до-

щечка не прислонилась бы к трухе и не держала бы ее. А из трухи выросла березка и теперь распустилась. И множество разных трав, ягодных, цветущих, снизу поднималось к этому старому огромному пню.

Пень удержал меня, я сидел рядом с березкой, старался услышать шелест трепещущих листиков и не мог ничего услышать. Но ветер был довольно сильный, и по елям приходила сюда лесная музыка, волнами, редкими и могучими. Вот убежит волна далеко и не придет, и шумовая завеса упадет, откроется на короткую минуту полная тишина, и зяблик этим воспользуется: раскатится бойко, настойчиво. Радостно слушать его, подумаешь: «Как жить хорошо на земле!» Но мне хочется услышать, как шепчутся бледно-желтые ароматно блестящие и еще маленькие листья моей березы. Нет! Они такие нежные, что только трепещут, блестят, пахнут, но не шумят.

Осень

Иван-да-Марья

Поздней осенью бывает иногда совсем как ранней весной: там — белый снег, там — черная земля. Только весной из проталин пахнет землей, а осенью снегом.

Так непременно бывает: мы привыкаем к снегу зимой, и весной нам пахнет земля, а летом принимаемся к земле, и поздней осенью пахнет нам снегом.

Редко, бывает, проглянет солнце на какой-нибудь час, но зато какая же это радость! Тогда большое удовольствие доставляет нам какой-нибудь десяток уже замерзших, но уцелевших от бурь листьев на иве или очень маленький голубой цветок под ногой.

Наклоняюсь к голубому цветку и с удивлением узнаю в нем Ивана: это один Иван остался от прежнего двойного цветка, всем известного Ивана-да-Марьи.

По правде говоря, Иван не настоящий цветок. Он сложен из очень мелких кудрявых листиков, и только цвет его фиолетовый, почему его и называют цветком.

Настоящий цветок, с пестиками и тычинками, только желтая Марья. Это от Марьи упали на эту осеннюю землю семена, чтобы в новом году опять покрыть землю Иванами-да-Марьями. Дело Марьи много труднее, вот, верно, потому она и опала раньше Ивана.

Но мне нравится, что Иван перенес морозы и даже заголубел. Провожая глазами голубой цветок поздней осенью, я говорил потихоньку:

— Иван, Иван, где теперь твоя Марья?

Вопросы и задания

- 1. Какая из главок вас более всего заинтересовала? Объясните свой выбор.
- 2. Перескажите близко к тексту одно из лирических описаний.
- 3. Какие отличия времен года описывает Пришвин?
- 4. Какую историю рассказал Пришвин про цветок иван-да-марья? Перескажите ее.
- 1. Почему, как вы думаете, Пришвин назвал свои записи о природе «мои собственные ежедневные мифы»?
- 2. Автор любит природу в любое время года. Докажите это.
- 3. Почему произведения Пришвина считают лирической прозой? Обратитесь к словарю литературоведческих терминов за объяснением понятия «лирическая проза».

Николай Алексеевич Заболоцкий

1903—1958

Оттепель

Оттепель после метели.
Только утихла пурга,
Разом сугробы осели
И потемнели снега.

В клочьях разорванной тучи
Блещет осколок луны.
Сосен тяжелые сучья
Мокрого снега полны.
Падают, плаваются, льются
Льдинки, втыкаясь в сугроб.
Лужи, как тонкие блюда,
Светятся около троп.
Пусть молчаливой дремотой
Белые дышат поля,
Неизмеримой работой
Занята снова земля.
Скоро проснутся деревья,
Скоро, построившись в ряд,
Птиц перелетных кочевья
В трубы весны затрубят.

Вопросы и задания

- ▶ 1. В каком месяце, как вам кажется, случилась эта оттепель?
Когда чаще всего бывают оттепели?
- 2. Определите детали, которые рисуют приметы оттепели.
- 3. Какие художественные приемы использует поэт?
- ▶ 1. Найдите олицетворения в тексте. Какую роль они играют
в стихотворении?
- 2. Как вы понимаете выражение «трубы весны»?

Дмитрий Борисович Кедрин

1907—1945

*** * ***

Скинуло кафтан зеленый лето,
Отсвистали жаворонки всласть.
Осень, в шубу желтую одета,
По лесам с метелкою прошлась,

Чтоб вошла рачительной хозяйкой
В снежные лесные терема
Щеголиха в белой разлетаке —
Русская румяная зима!

Вопросы и задания

- ▶ 1. Приход какого времени года описывает поэт в этом стихотворении?
- 2. Опишите «наряды» лета, осени и зимы.
- » Создайте портрет одной из красавиц, которые олицетворяют времена года.

Николай Михайлович Рубцов

1936—1971

В горнице

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

Вопросы и задания

- ▶ 1. Как вы думаете, где живет герой стихотворения?
- 2. Почему завяли цветы и сгнила лодка?
- 3. Какие чувства героя переданы в строках о будущем «хлопотливом дне»?
- » 1. Создайте портрет героя стихотворения.
- 2. Попробуйте словами передать настроение героя.

Вопросы и задания к теме «Поэтический образ Родины»

- ▶ 1. Какое произведение о русской природе вас привлекло более других? Выучите его наизусть.
- 2. Сможете ли вы прочесть наизусть хотя бы по одному стихотворению или прозаическому отрывку о зиме, весне, лете и осени?
- 3. Найдите в стихотворениях о русской природе олицетворения, метафоры.
- 4. Сравните произведения XIX и XX веков в разделах «Поэтический образ Родины». Что объединяет эти произведения? Приведите примеры.

Мир наших братьев меньших

Сергей Александрович Есенин

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте¹,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

¹ *Заку́т* — теплый хлев для мелкого скота.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Вопросы и задания

- 1. С каким чувством описал поэт горе собаки, потерявшей своих щенят?
- 2. Как передается в стихотворении страдание собаки?
- Почему поэт назвал свое стихотворение «Песнь о собаке»? Слово *песнь* говорит о том, что героя стихотворения воспевают. Чем вызвана такая торжественность?

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.

Пели будто:

— Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб. —

Ветром опита,

льдом обута,

улица скользила.

Лошадь на круп

грохнулась,

и сразу

за зевакой зевака,

штаны пришедшие Кузнецким клёшить,

сгрудились,

смех зазвенел и зазвякал:

— Лошадь упала! —

— Упала лошадь! —

Смеялся Кузнецкий.

Лишь один я

голос свой не вмешивал в вой ему.

Подошел

и вижу

глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,

течет по-своему...

Подошел и вижу —

за каплицей каплица

по морде катится,
 прячется в шерсти...
 И какая-то общая
 звериная тоска
 плеща вылилась на меня
 и расплылась в шелесте.
 «Лошадь, не надо.
 Лошадь, слушайте —
 чего вы думаете, что вы их плоше?
 Деточка,
 все мы немножко лошади,
 каждый из нас по-своему лошадь».
 Может быть
 — старая —
 и не нуждалась в няньке,
 может быть,
 и мысль ей моя казалась пошла́,
 только
 лошадь
 рванулась,
 встала на́ ноги,
 ржанула
 и пошла.
 Хвостом помахивала.
 Рыжий ребенок,
 Пришла веселая,
 стала в стойло.
 И все ей казалось —
 она жеребенок,
 и стоило жить,
 и работать стоило.

Вопросы и задания

- 1. Расскажите сюжет стихотворения.
- 2. Почему произошедшее событие так взволновало поэта?
- 3. Как вы объясните, почему лошадь встала и пошла?

- » 1. К кому обращен монолог «Лошадь, не надо...»? Только ли к лошади?
2. Может ли чужая поддержка помочь справиться с бедой? Как вы считаете?
3. О чем хотел сказать поэт в стихотворении?

Героическое прошлое России

Алексей Иванович Фатьянов

1919—1959

Соловьи

Пришла и к нам на фронт весна.
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жен, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

Александр Трифонович Твардовский

1910—1971

Я убит подо Ржевом...

В сокращении

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва.
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки...

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец.

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверку
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые,
Нам — отрада одна:

Что не даром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать...

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой.
Ликовать — не хвастливо,
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

Анна Андреевна Ахматова

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем.
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Расул Гамзатович Гамзатов

1923—2003

Журавли

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса.

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.

Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня.
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стайей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

Вопросы и задания к теме «Героическое прошлое России»

- ▶ 1. Стихотворение А. И. Фатьянова «Соловьи» создано в годы Великой Отечественной войны. Р. Г. Гамзатов написал «Журавли» после войны. Что объединяет эти произведения?
- 2. Как вы можете объяснить, что стихи Фатьянова и Гамзатова стали песнями?
- 3. Стихотворение А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом...» считают первым памятником неизвестному солдату. Как вы можете объяснить, почему?
- 4. Почему в стихотворении «Мужество», посвященном тяжелым сражениям нашей страны, А. А. Ахматова особенно подчеркивает значение великого русского слова?
- ▶ 1. Найдите в газетах, журналах, других изданиях новые стихотворения, посвященные Великой Отечественной войне. Подготовьте их для исполнения в классе.
- 2. Какие песни, посвященные Великой Отечественной войне, вы знаете?
- 3. Какие общие темы можно выделить, сравнивая произведения XIX и XX веков, помещенные в разделы «Героическое прошлое России»?

Современная литература

Художественные произведения, созданные в последние десятилетия, принято считать современной литературой. Писатель может рассказать нам о сегодняшнем дне или о далеком прошлом, создать сказку или фантастический роман, но если он сделал это сейчас, совсем недавно, мы отнесем его произведения к современной литературе.

Новые произведения появляются постоянно: в периодической печати и других самых разных изданиях. Вы можете познакомиться с ними в библиотеке, взять у своих друзей и учителей.

Виктор Петрович Астафьев

1924—2001

Много замечательных писателей — наших современников были и есть в России, среди них — Виктор Петрович Астафьев. Он родился в селе Овсянка Красноярского края, вырос в Сибири и всю жизнь был привязан к своей родине. О своем детстве он создал цикл произведений под названием «Последний поклон».

Астафьев был участником Великой Отечественной войны. Большая часть его произведений посвящена событиям военных лет. В произведениях о послевоенной жизни он писал об ответственности человека за все, что его окружает, за чужие судьбы, за мир природы, показал силу доброты человека. Позже вы прочитаете книги Астафьева, и многие из них, например «Царь-рыба», познакомят вас с природой Сибири и с тем, какие требования она предъявляет каждому человеку.

В произведениях Астафьева много нерадостных и тяжелых страниц. Но в них есть люди и события, которые согревают наши души надеждой.

С какой теплотой он вспоминает свою бабушку! «Выходило по ее рассказам так, что радостей в ее жизни было куда больше, чем невзгод. Она не забывала о них и умела замечать их в простой своей и нелегкой жизни. Дети родились — радость. Болели дети, но она их травками да кореньями спасала, и ни один не помер — тоже радость. Обновка себе или детям — радость. Урожай на хлеб хороший — радость. Рыбалка была добычливой — радость...»

А вот воспоминания писателя о создании произведения, с которым вам предстоит познакомиться: «Судьба рассказа «Васюткино озеро» любопытна. В городе Игарке преподавал когда-то русский язык и литературу Игнатий Дмитриевич Рождественский, известный потом сибирский поэт. Преподавал он, как я теперь понимаю, свои предметы хорошо, заставлял нас «шевелить мозгами» и не слизывать из учебников изложения, а писать сочинения на вольные темы. Вот так он однажды предложил написать нам, пятиклассникам, о том, как прошло лето. А я летом заблудился в тайге, много дней провел один, и вот обо всем об этом и написал. Сочинение мое было напечатано в рукописном школьном журнале под названием «Жив». Много лет спустя я вспомнил о нем, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось «Васюткино озеро» — мой первый рассказ для детей».

Васюткино озеро

Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное Васютке. Еще бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки — озеро, названное его именем! Пускай оно и не велико, не то, что,

скажем, Байкал, но Васютка сам нашел его и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озера уже известны и что у каждого есть свое название. Много еще, очень много в нашей стране безымянных озер и речек. Потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни броди, все будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина — Васюткиного отца — совсем было приуныли. Частые осенние дожди вспучили реку, вода в ней поднялась, и рыба стала плохо ловиться: ушла на глубину.

Холодная изморось и темные волны на реке нагоняли тоску. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на реку. Заспались рыбаки, рассолодели от безделья, даже шутить перестали. Но вот подул с юга теплый ветер и точно разгладил лица людей. Заскользили по реке лодки с упругими парусами. Ниже и ниже по Енисею спускалась бригада. Но уловы по-прежнему были малы.

— Нету нам нынче фарту, — ворчал Васюткин дедушка Афанасий. — Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили, как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придет время — ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать.

Спорить с дедушкой — дело бесполезное, потому что с ним не связывался.

Далеко ушли рыбаки в низовья Енисея и наконец остановились. Лодки вытащили на берег, багаж унесли в избушку, построенную несколько лет назад ученой экспедицией.

Григорий Афанасьевич, в высоких резиновых сапогах с отвернутыми голенищами и в сером дождевике, ходил по берегу и отдавал распоряжения.

Васютка всегда немного робел перед большим, неразговорчивым отцом, хотя тот никогда его не обижал.

— Шабаш, ребята! — сказал Григорий Афанасьевич, когда разгрузка кончилась. — Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до Карского моря дойти.

Он обошел вокруг избушки, зачем-то потрогал рукой углы и полез на чердак, подправил съехавшие в сторону пластишины корья¹ на крыше. Спустившись по дряхлой лестнице, он тщательно отряхнул штаны, высморкался и разъяснил рыбакам, что избушка подходящая, что в ней можно спокойно ждать осеннюю путину, а пока вести промысел паромами и переметами. Лодки же, невода, плавные сети и всю прочую снасть надобно как следует подготовить к большому ходу рыбы.

Потянулись однообразные дни. Рыбаки чинили неводы, конопатили лодки, изготавливали якорницы, вязали, смолили.

Раз в сутки они проверяли переметы и спаренные сети — паромы, которые ставили вдали от берега.

Рыба в эти ловушки попадалась ценная: осетр, стерлядь, таймень, частенько налим, или, как его в шутку называли в Сибири, поселенец. Но это спокойный лов. Нет в нем азарта, лихости и того хорошего, трудового веселья, которое так и рвется наружу из мужиков, когда они полукилометровым неводом за одну тоню² вытаскивают рыбы по несколько центнеров.

Совсем скучное житье началось у Васютки. Поиграть не с кем — нет товарищей, сходить некуда. Одно утешало: скоро начнется учебный год, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда, старшина рыбо-сборочного бота, уже учебники новые из города привез. Днем Васютка нет-нет да и заглянет в них от скуки.

¹ *Пластишины корья (пласты корья)* — слои или пласты содранной с деревьев коры, которыми покрыта крыша избушки.

² *Одна тоня* — здесь: один улов.

Вечерами в избушке становилосьлюдно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, щелкали орехи, рассказывали были и небылицы. К ночи на полу лежал толстый слой ореховой скорлупы. Трещала она под ногами, как осенний ледок на лужах.

Орехами рыбаков снабжал Васютка. Все ближние кедры он уже обколотил. С каждым днем приходилось забираться все дальше и дальше в глубь леса. Но эта работа была не в тягость. Мальчишке нравилось бродить. Ходит себе по лесу один, напевает, иногда из ружья пальнет.

Васютка проснулся поздно. В избушке одна мать. Дедушка Афанасий ушел куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря, с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего девять дней.

Мать недовольно сказала:

— К ученью надо готовиться, а ты в лесу пропадаешь.

— Чего ты, мамка? Орехи кто-то должен добывать? Охота ведь рыбакам пощелкать вечером.

— «Охота, охота»! Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Мать ворчит по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать.

Когда Васютка с ружьем на плече и с патронташем на поясе, похожий на коренастого, маленького мужичка, вышел из избы, мать привычно строго напомнила:

— Ты от затесей¹ далеко не отходи — сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

— Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

— Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя.

¹ *Затеси* — зарубки, отметки на стволах деревьев, которые делаются для того, чтобы не потерять дорогу в тайге.

Спокон веку так заведено, мал еще таежные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идешь в лес — бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то еще придерется к чему-нибудь.

Весело насвистывая, шел он по тайге, следил за пометами на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таежная дорога начинается с затесей. Сделает человек зарубку на одном дереве, отойдет немного, еще топором тукнет, потом еще. За этим человеком пойдут другие люди; собьют каблуками мох с валежин, притопчут траву, ягодники, отпечатают следы в грязи — и получится тропинка. Лесные тропинки узенькие, извилистые, что морщинки на лбу дедушки Афанасия. Только иные тропинки зарастают со временем, а уж морщинки-то на лице едва ли зарастут.

Склонность к пространным рассуждениям, как у всякого таежника, появилась и у Васютки. Он еще долго думал о дороге и о всяких таежных разностях, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой.

«Кра-кра-кра!» — неслось сверху, будто тупой пилой резали крепкий сук.

Васютка поднял голову. На самой вершине старой взлохмаченной ели увидел кедровку. Птица держала в когтях кедровую шишку и орала во все горло. Ей так же горласто откликались подруги. Васютка не любил этих нахальных птиц. Он снял с плеча ружье, прицелился и щелкнул языком, будто на спуск нажал. Стрелять он не стал. Ему уже не раз драли уши за попусту сожженные патроны. Трепет перед драгоценным «припасом» (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду.

— «Кра-кра!» — передразнил Васютка кедровку и запустил в нее палкой.

Досадно было парню, что не может он долбануть птицу, даром что ружье в руках. Кедровка перестала кричать, неторопливо ощипалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось ее скрипучее «кра!».

— Тьфу, ведьма проклятая! — выругался Васютка и пошел. Ноги мягко ступали по мху. На нем там и сям валялись шишки, попорченные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчелки, торчали орехи. Но пробовать их бесполезно. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вынимает из гнездышка. Васютка поднял одну шишку, осмотрел ее со всех сторон и покачал головой:

— Эх, и пакость же ты!

Бранился Васютка так: для солидности. Он ведь знал — кедровка — птица полезная: она разносит по тайге семена кедра.

Наконец Васютка облюбывал дерево и полез на него. Наметанным глазом он определил: там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек. Он принялся колотить ногами по разлапистым веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

Васютка слез с дерева, собрал их в мешок. Потом оглядел окружающий лес и облюбывал еще один кедр.

— Обобью и этот, — сказал он. — Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу.

Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимающуюся с земли большую черную птицу. «Глухарь!» — догадался Васютка, и сердце его замерло. Стрелял он и уток, и куликов, и куропаток, но глухаря подстрелить ему еще не доводилось.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостойну. Попробуй подкрадись!

Мальчик стоял неподвижно и не спускал глаз с огромной птицы. Вдруг он вспомнил, что глухаря часто берут с собакой. Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на заливающуюся лаем собаку, а порой и подраживает ее. Охотник тем временем незаметно подходит с тыла и стреляет.

Васютка же, как назло, не позвал с собой Дружка. Обругав себя шепотом за оплошность, Васютка пал на четвереньки, затаивал, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперед. От волнения голос у него прерывался. Глухарь замер, с любопытством наблюдая эту интересную картину. Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, но ничего этого не замечал. Перед ним наяву глухарь!

...Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался с маху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Наконец унялась дрожь в руках, мушка перестала плясать, кончик ее задел глухаря... тр-рах! — и черная птица, хлопая крыльями, повалилась вниз. Не коснувшись земли, она выправилась и полетела в глубь леса.

«Ранил!» — встрепенулся Васютка и бросился за подбитым глухарем.

Только теперь он догадался, в чем дело, и начал беспощадно корить себя:

— Мелкой дробью грохнул. А что ему мелкой-то? Он чут не с Дружка!..

Птица уходила небольшими перелетами. Они становились все короче и короче. Глухарь слабел. Вот он уже, не в силах поднять грузное тело, побежал.

«Теперь все — догоню!» — уверенно решил Васютка и припустил сильнее. До птицы оставалось совсем недалеко.

Быстро скинув с плеча мешок, Васютка поднял ружье и выстрелил. В несколько прыжков очутился возле глухаря и упал на него животом.

— Стоп, голубчик, стоп! — радостно бормотал Васютка. — Не уйдешь теперь! Ишь какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю — будь здоров!

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любуясь черными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил на руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда, — прикинул он и сунул птицу в мешок. — Побегу, а то мамка наподдаст по загревку».

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шел по лесу, насвистывая, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился: где же затеси? Пора уж им быть.

Он посмотрел кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны зарубки. Лес стоял неподвижно тихий в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Лишь кое-где виднелись хилые березки с редкими желтыми листьями. Да, лес был такой же. И все же от него веяло чем-то чужим...

Васютка круто повернул назад. Шел он быстро, внимательно приглядываясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было.

— Фу ты, черт! Где же затеси? — сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. — Все этот глухарина! Понесся, как леший, теперь вот думай, куда идти, — заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. — Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак... Почти голая сосна у ели — значит, в ту сторону север, а где ветвей больше — юг. Та-ак...

После этого Васютка пытался припомнить, на какой стороне деревьев сделаны зарубки старые и на ка-

кой — новые. Но этого-то он и не заметил. Затеси и затеси.

— Эх, дубина!

Страх начал давить еще сильнее. Мальчик снова заговорил вслух:

— Ладно, не робей. Найдем избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти. У избушки Енисей поворот делает, мимо никак не пройдешь. Ну вот, все в порядке, а ты, чудак, боялся! — хохотнул Васютка и бодро скомандовал себе: — Шагом арш! Эть, два!

Но бодрости хватило ненадолго. Затесей все не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит их на темном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой зарубку с капельками смолы, но вместо нее обнаруживал шершавую складку коры. Васютка уже несколько раз менял направление, высыпал из мешка шишки и шагал, шагал...

В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук — билось сердце. Потом напряженный до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание. Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далекого самолета. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник — паук растянул над мертвой птичкой паутину. Паука уже нет — убрался, должно быть, зимовать в какое-нибудь дупло, а ловушки бросил. Попалась в него сытая, крупная муха-плевок и бьется, бьется, жужжит слабеющими крыльями. Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенета. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришел в себя.

Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто все получилось. Васютка еще не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин лицом вниз в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», — отрешенно подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка чувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда.

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» — вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать все, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников. Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил все в кучу и поджег. Огонек, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул — вокруг посветлело. Васютка подбросил еще веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, на огонь налетело несколько комаров — веселее с ними.

Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пенёк. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол

себя и, ошипав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгреб костер в одну сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотнo закрыл ее мхом, присыпал горячей землей, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Через час примерно он раскопал глухаря. От птицы шел пар и аппетитный запах: глухарь упрел в собственном соку — охотничье блюдо! Но без соли какой же вкус! Васютка через силу глотал пресное мясо.

— Эх, дурило, дурило! Сколько этой соли в бочках на берегу! Что стоило горсточку в карман сыпануть! — укорял он себя.

Потом он вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. Из уголков мешка он выковырял щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся.

— Живем!

Поужинав, Васютка сложил остатки еды в мешок, повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь еще не добрался до харчей, и принялся готовить место для ночлега.

Он перенес в сторону костер, убрал все угольки, набросал веток с хвоей, мху и лег, накрывшись телогрейкой.

Снизу подогревало.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой. Заполярная тайга не страшна зверьем. Медведь здесь редкий житель. Волков нет. Змей — тоже. Бывает, встречаются рыси и блудливые песцы. Но осенью корма для них полно в лесу, и едва ли они могли позариться на Васюткины запасы. И все-таки было жутко. Он зарядил одно-

ствольную переломку, взвел курок и положил ружье рядом. Спать!

Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадется. Он открыл глаза и замер: да, крадется! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то медленно и осторожно идет по мху. Васютка боязливо поворачивает голову и неподалеку от костра видит что-то темное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится.

Мальчик напряженно вглядывается и начинает различать вздетые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит: «Что это?» В глазах от напряжения рябит, нет больше сил сдерживать дыхание. Он вскакивает, направляет ружье на это темное:

— Кто такой? А ну подходи, не то садану картечью!

В ответ ни звука. Васютка еще некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружье и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» — мучается он и еще раз кричит:

— Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом утирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону темного предмета.

— Ох, окаанный! — облегченно вздыхает он, увидев перед собой огромный корень-выворотень. — Ну и трус же я! Чуть ума не лишился из-за этакой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отростки от корневища и несет их к костру.

Коротка августовская ночь в Заполярье. Пока Васютка управился с дровами, густая, как смоль, темнота начала редеть, прятаться в глубь леса. Не успела она еще совсем рассеяться, а на смену ей уже выполз туман. Стало холоднее. Костер от сырости зашипел, защелкал, принялся чихать, будто сердился на волглую

пелену, окутавшую все вокруг. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновения, ни шороха.

Все замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук — неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или легкий шум ветра в вершинах бородастых елей и корявых лиственниц, может, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень.

Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу. Васютка зябко поежился, придвинулся ближе к костру и крепко заснул, так и не дождавшись утренней весточки.

Солнце было уже высоко. Туман росой пал на деревья, на землю, мелкая пыль искрилась всюду.

«Где это я?» — изумленно подумал Васютка. И, окончательно проснувшись, услышал оживленную тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки на манер базарных торговки. Где-то по-детски заплакала желна. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, потрошили синички старое дерево. Васютка встал, потянулся и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошенно цокая, пронеслась вверх по стволу ели, села на сучок и, не переставая цокать, уставилась на Васютку.

— Ну, чего смотришь? Не узнала? — с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка пошевелила пушистым хвостиком.

— А я вот заблудился. Понесся сдуру за глухарем и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревет... Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! — Он помолчал и махнул рукой: — Убирайся давай, рыжая, стрелять буду!

Васютка вскинул ружье и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась и пошла считать деревья.

Проводив ее взглядом, Васютка выстрелил еще раз и долго ждал ответа. Тайга не откликалась. По-прежнему надоедливо, вразнобой горланили кедровки, неподалеку трудился дятел да пощелкивали капли росы, осыпаясь с деревьев.

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решился. Он снял телогрейку, кепку и, поплевав на руки, полез на дерево...

Тайга... Тайга... Без конца и края тянулась она во все стороны, молчаливая, равнодушная. С высоты она казалась огромным темным морем. Небо не обрывалось сразу, как это бывает в горах, а тянулось далеко-далеко, все ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой были редкие, но чем дальше смотрел Васютка, тем они делались гуще, и наконец голубые проемы исчезли совсем. Облака спрессованной ватой ложились на тайгу, и она растворялась в них.

Долго Васютка отыскивал глазами желтую полоску лиственника среди неподвижного зеленого моря (лиственничный лес обычно тянется по берегам реки), но кругом темнел сплошной хвойник. Видно, Енисей и тот затерялся в глухой, угрюмой тайге. Маленьким-маленьким почувствовал себя Васютка и закричал с тоской и отчаянием:

— Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..

Голос его пролетел немного над тайгой и упал невесомо — кедровой шишкой на мох.

Медленно спустился Васютка с дерева, задумался, да так и просидел с полчаса. Потом встряхнулся, отрезал мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Подкрепившись, он собрал кучу кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали свое дело, а в голове решался вопрос, один-единственный вопрос: «Куда идти?» Вот уже и карманы полны орехов, патроны прове-

рены, к мешку вместо лямки приделан ремень, а вопрос все еще не решен. Наконец Васютка забросил мешок за плечо, постоял минутку, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошел строго на север. Рассудил он просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней вовсе затеряешься. А если идти на север, то километров через сто лес кончится, начнется тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру — это еще не спасение. Поселения там очень редки. Но ему хотя бы выбраться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью.

Погода держалась все еще хорошая. Васютка боялся и думать о том, что с ним будет, если разбухнет осень. По всем признакам ждать этого осталось недолго.

Солнце пошло на закат, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шаг. Трава стала попадаться чаще, и уже не отдельными былинками, а пучками. Васютка заволновался: трава растет обычно вблизи больших водоемов. «Неужели впереди Енисей?» — с наплывающей радостью думал Васютка. Заметив меж хвойных деревьев березки, осинки, а дальше мелкий кустарник, он не сдержался, побежал и скоро ворвался в густые заросли черемушника, ползучего тальника, смородинника. Лицо и руки жалила крапива, но Васютка не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперед. Меж кустов мелькнул просвет.

Впереди берег... Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Болота чаще всего бывают у берегов озер. Губы Васютки задрожали: «Нет, неправда! Бывают болота возле Енисея тоже». Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты — и вот он на берегу.

Нет, это не Енисей. Перед глазами Васютки небольшое унылое озеро, подернутое у берегов ряской.

Васютка лег на живот, отгреб рукой зеленую кашищу ряски и жадно припал губами к воде. Потом он сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой лицо и вдруг, вцепившись в нее зубами, навзрыд расплакался.

Заночевать решил Васютка на берегу озера. Он выбрал посуше место, натаскал дров, развел огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве тем более. Обжарив на костре шишки, Васютка одну за другой выкатал их из золы палочкой, как печеную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеб.

Опускался вечер. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Прощаясь с днем, кое-где с грустью тенькали синички, плакала сойка, стонали гагары. И все-таки у озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь еще сохранилось много комаров. Они начали донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и плавали возле самого берега с хозяйским побрякиванием. Уток было множество. Стрелять по одной не было никакого расчета. Васютка, прихватив ружье, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел на траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды, то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Васютка взглянул в воду и замер: около травы, плотно, одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, копошились рыбы. Рыбы было так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверное?» Он потрогал траву палкой. Косячки рыбы подались от

берега и снова остановились, лениво работая плавниками.

Столько рыбы Васютка еще никогда не видел. И не просто какой-нибудь озерной рыбы — щуки там, сороги или окуня, — нет, по широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сегов. Это было удивительнее всего. В озере — белая рыба!

Васютка сдвинул густые брови, сисясь что-то припомнить. Но в это время табун уток-связей отвлек его от размышлений. Он подождал, пока утки поравняются с мысом, выделил пару и выстрелил. Две нарядные связи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками. Еще одна утка, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные всполошились и с шумом полетели на другую сторону озера. Минут через десять над водой носились табуны перепуганных птиц.

Пару подбитых уток мальчик достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко.

— Ладно, завтра достану!

Небо уже потемнело, в лес опускались сумерки. Середина озера напоминала сейчас раскаленную печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они мигом испекутся, запахнет горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, еще раз поглядел на озеро, на крованистое небо и с тревогой проговорил:

— Ветер завтра будет. А вдруг еще с дождем?

Он оцципал уток, зарыл их в горячие угли костра, лег на пихтовые ветки и начал щелкать орехи.

Заря догорала. В потемневшем небе стили редкие неподвижные облака. Начали прорезаться звезды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «Вызвезди-

ло — к холоду!» — и на душе у него сделалось еще тревожнее.

Чтобы отогнать худые мысли, Васютка старался думать сначала о доме, а потом ему вспомнилась школа, товарищи.

Васютка дальше Енисея еще нигде не бывал и видел только один город — Игарку.

А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает ли? Выберется ли из тайги? Затерялся в ней, точно песчинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире: смотрят кино, едят хлеб... Может, даже конфеты. Едят сколько угодно. В школе сейчас, наверное, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка. Жалко ему самого себя стало, начало донимать раскаяние. Не слушал вот он на уроках и в перемену чуть не на голове ходил...

— Эх, сейчас бы учительницу Ольгу Федоровну увидеть... — думал Васютка вслух.

Устал Васютка за день, но сон не шел. Он подбросил в костер дров, снова лег на спину. Облака исчезли. Далекие и таинственные, перемигивались звезды, словно звали куда-то. Вот одна из них ринулась вниз, прочертила небо и растаяла. «Погасла звездочка — значит, чья-то жизнь оборвалась», — вспомнил Васютка слова дедушки Афанасия.

Совсем горько стало Васютке.

«Может быть, увидели ее наши?» — подумал он, натягивая на лицо телогрейку, и вскоре забылся беспокойным сном.

Проснулся Васютка поздно, от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий, неподвижный туман. Только слышались с озера

громкие и частые шлепки: это играла и кормилась рыба.

Васютка встал, поежился, раскопал уток, раздул угольки. Когда костер разгорелся, он прогрел спину, потом отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько белой рыбы?» Он не раз слышал от рыбаков, что в некоторых озерах будто бы водится белая рыба, но озера эти должны быть или были когда-то проточными. «А что, если?..»

Да, если озеро проточное и из него вытекает речка, она в конце концов приведет его к Енисею. Нет, лучше не думать. Вчера вон обрадовался — Енисей, Енисей, — а увидел шиш болотный. Не-ет, уж лучше не думать.

Покончив с уткой, Васютка еще полежал у огня, пережидая, когда уляжется туман. Веки склеивались. Но и сквозь тягучую, унылую дремоту пробивалось: «Откуда все же взялась в озере речная рыба?»

— Тьфу, нечистая сила! — выругался Васютка. — Привязалась, как банный лист. «Откуда, откуда?» Ну, может, птицы икру на лапах принесли, ну, может, и мальков, ну, может... А, к лепшкам все! — Васютка вскочил и, сердито треща кустами, натываясь в тумане на валежины, начал пробираться вдоль берега. Вчерашней убитой утки на воде не обнаружил, удивился и решил, что ее коршун утащил или съели водяные крысы.

Васютке казалось, что в том месте, где смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Там был лишь перешеек. Когда туман растворился, перед мальчиком открылось большое, мало заросшее озеро, а то, возле которого он ночевал, было всего-навсего заливом — отголоском озера.

— Вот это да! — ахнул Васютка. — Вот где рыбищи-то, наверно... Уж здесь не пришлось бы зря сетями воду цедить. Выбраться бы, рассказать бы. — И, подбадривая себя, он прибавил: — А что? И выйду! Вот пойду, пойду и...

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плавающий у перешейка, подошел поближе и увидел подбитую утку. Он-таки обомлел: «Неужели моя? Как же ее принесло сюда?!» Мальчик быстро выломал палку и подгрел птицу к себе. Да, это была утка-связь с окрашенной в вишневый цвет головкой.

— Моя! Моя! — в волнении забормотал Васютка, бросая утку в мешок. — Моя уточка! — Его даже лихорадить начало. — Раз ветра не было, а утку отнесло, значит, есть тягун, озеро проточное!

И радостно, и как-то боязно было верить в это. Торопливо переступая с кочки на кочку, через бурелом, густые ягодники продирался Васютка. В одном месте почти из-под ног взметнулся здоровенный глухарь и сел неподалеку. Васютка показал ему кукиш:

— А этого не хочешь? Провалиться мне, если я еще свяжусь с вашим братом!

Поднимался ветер.

Качнулись, закрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером заполошной стаей закружились поднятые с земли и сорванные с деревьев листья. Застонали гагары, вещая непогоду. Озеро подернулось морщинами, тени на воде заколыхались, облака прикрыли солнце, вокруг стало хмуро, неудобно.

Далеко впереди Васютка заметил входящую в глубь тайги желтую бороздку лиственного леса. Значит, там речка. От волнения у него пересохло в горле. «Опять какая-нибудь кишка озерная. Мерещится, и все», — засомневался Васютка, однако пошел быстрее. Теперь он даже боялся остановиться попить: что, если нахло-

нится к воде, поднимет голову и не увидит впереди яркой бороздки?

Пробежав с километр по едва приметному бережку, заросшему камышом, осокой и мелким кустарником, Васютка остановился и перевел дух. Заросли сошли на нет, а вместо них появились высокие обрывистые берега.

— Вот она, речка! Теперь уж без обмана! — обрадовался Васютка.

Правда, он понимал, что речушки могут впадать не только в Енисей, но и в какое-нибудь другое озеро, но он не хотел про это думать. Речка, которую он так долго искал, должна привести его к Енисею, иначе... он обессилеет и пропадет. Вон, с чего-то тошнит...

Чтобы заглушить тошноту, Васютка на ходу срывал гроздь красной смородины, совал их в рот вместе со стебельками. Рот сводило от кислятины и щипало язык, расцарапанный ореховой скорлупой.

Пошел дождь. Сначала капли были крупные, редкие, потом загустело кругом, полилось, полилось... Васютка приметил пихту, широко разросшуюся среди мелкого осинника, и залег под нее. Не было ни желания, ни сил шевелиться, разводить огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от черствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось еще сильнее. Васютка выхватил остатки горбушки из мешка, вцепился зубами и, плохо разжевывая, съел всю.

Дождь не унимался. От сильных порывов ветра качалась пихта, стряхивая на воротник Васютки холодные капли воды. Они ползли по спине. Васютка скорчился, втянул голову в плечи. Веки его начали смыкаться, будто повесили на них тяжелые грузила, какие привязывают к рыболовным сетям.

Когда он очнулся, на лес уже опускалась темнота, смешанная с дождем. Было все так же тоскливо; сделалось еще холоднее.

— Ну, зарядил, окаянный! — обругал Васютка дождь.

Он засунул руки в рукава, прижался плотнее к стволу пихты и снова забылся тяжелым сном. На рассвете Васютка, стуча зубами от холода, вылез из-под пихты, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донага. Будто тоненькие пластинки свеклы, на земле лежали темно-красные листья. Вода в речке заметно прибывала. Лесная жизнь примолкла. Даже кедровки и те не подавали голоса.

Расправив полы ватника, Васютка защитил от ветра кучу веток и локуток березы. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул спичку о коробок, дал огоньку разгореться в ладонях и поднес к бересте. Она стала корчиться, свернулась в трубочку и занялась. Потянулся хвостик черного дыма. Сучки, шипя и потрескивая, разгорались. Васютка снял прохудившиеся сапоги, разматал грязные портянки. Ноги издрябли и сморщились от сырости. Он погрел их, высушил сапоги и портянки, оторвал от кальсон тесемки и подвязал ими державшуюся на трех гвоздях подошву правого сапога.

Греясь возле костра, Васютка неожиданно уловил что-то похожее на комариный писк и замер. Через секунду звук повторился, вначале протяжно, потом несколько раз коротко.

«Гудок! — догадался Васютка. — Пароход гудит! Но почему же он слышится оттуда, с озера? А-а, понятно».

Мальчик знал эти фокусы тайги: гудок всегда откликается на ближнем водоеме. Но гудит-то пароход на Енисее! В этом Васютка был уверен. Скорей, скорей

бежать туда! Он так заторопился, будто у него был билет на этот самый пароход.

В полдень Васютка поднял с реки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил, поэтому зажарил одного гуся на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Осталось две спички, кончались и Васюткины силы. Хотелось лечь и не двигаться. Он мог отойти метров на двести — триста от речки. Там, по редколесью, легче пробираться, но он боялся потерять речку из виду.

Мальчик брел, почти падая от усталости. Неожиданно лес расступился, открыв перед Васюткой отлогий берег Енисея. Мальчик застыл. У него даже дух захватило — так красива, так широка была его родная река! А раньше она ему почему-то казалась обыкновенной и не очень приветливой. Он бросился вперед, упал на край берега и жадными глотками стал хватать воду, шлепать по ней руками, окунать в нее лицо...

— Енисеюшко! Славный, хороший... — шмыгал Васютка носом и размазывал грязными, пропахшими дымом руками слезы по лицу.

От радости Васютка совсем очумел. Принялся прыгать, подбрасывать горстями песок. С берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой. Так же неожиданно Васютка очнулся, перестал шуметь и даже несколько смутился, оглядываясь вокруг. Но никого и нигде не было, и он стал решать, куда идти: вверх или вниз по Енисею? Место было незнакомое. Мальчик так ничего и не придумал. Обидно, конечно: может быть, дом близко, в нем мать, бабушка, отец, еды сколько хочешь, а тут сиди и жди, пока кто-нибудь проплывет, а плавают в низовьях Енисея не часто.

Васютка смотрит то наверх, то вниз по реке. Тянутся берега навстречу друг другу, хотят сомкнуться и теряются в просторе. Вон там, в верховьях реки, появился дымок. Маленький, будто от папиросы. Дымок становится все больше и больше... Вот уж под ним обозначилась темная точка. Идет пароход. Долго еще ждать его. Чтобы как-то скоротать время, Васютка решил умыться. Из воды на него глянул парнишка с заострившимися скулами. От дыма, грязи и ветра брови стали темнее, а губы потрескались.

— Ну и дошел же ты, друг! — покачал головой Васютка.

А что, если бы дольше пришлось бродить?

Пароход все приближался и приближался. Васютка уже видел, что это не обыкновенный пароход, а двухпалубный пассажирский теплоход. Васютка силился разобрать надпись и, когда наконец ему это удалось, с наслаждением прочитал вслух:

— «Серго Орджоникидзе».

На теплоходе маячили темные фигурки пассажиров, Васютка заметался по берегу.

— Эй-эй, пристаньте! Возьмите меня! Э-эй!.. Слушайте!..

Кто-то из пассажиров заметил его и помахал рукой. Растерянным взглядом проводил Васютка теплоход.

— Эх вы-и, еще капитанами называетесь! «Серго Орджоникидзе», а человеку помочь не хотите...

Васютка понимал, конечно, что за долгий путь от Красноярска капитаны видели множество людей на берегу, около каждого не наостанавливаешься — и все-таки было обидно. Он начал собирать дрова на ночь.

Эта ночь была особенно длинной и тревожной. Васютке все казалось, что кто-то плывет по Енисею. То он слышал шлепанье весел, то стук моторов.

Под утро он и в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут... Так могла стучать только выхлопная труба рыбосборочного катера-бота.

— Неужели дождался? — Васютка вскочил, протер глаза и закричал: — Стучит! — и опять прислушался и начал, приплясывая, напевать: — Вот стучит, стучит, стучит!..

Тут же опомнился, схватил свои манатки, побежал по берегу навстречу боту. Потом кинулся назад и стал складывать в костер все припасенные дрова: догадался, что у костра его скорей заметят. Взметнулись искры, высоко поднялось пламя. Наконец из предрассветной мглы выплыл высокий неуклюжий силуэт бота.

Васютка неожиданно закричал:

— На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудился я! Э-эй! Дяденьки! Кто там живой? Э-эй, штурвальный!..

Он вспомнил про ружье, схватил его и начал палить вверх: бах! Бах! Бах!

— Кто стреляет? — раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил не разжимая губ. Это в рупор спрашивали с бота.

— Да это я, Васька! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста! Пристаньте скорее!..

На боте слышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло паклю, заработал глуше. Раздался звонок, из выхлопной трубы вылетел клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой: бот подрабатывал к берегу.

Но Васютка никак не мог этому поверить и выпалил последний патрон.

— Дяденька, не уезжайте! — закричал он. — Возьмите меня! Возьмите!..

От бота отошла шлюпка. Васютка кинулся в воду, побрел навстречу, глотая слезы и приговаривая:

— За-заблудился я-а, совсем заблудился-а...

Потом, когда втащили его в шлюпку, заторопился:

— Скорее, дяденьки, плывите скорее, а то уйдет еще бот-то! Вон вчера пароход только мелькнул...

— Ты, малый, шо, сказывся?! — слышался бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и смешному украинскому выговору старшину бота «Игарец».

— Дяденька Коляда! Это вы? А это я, Васька! — перестав плакать, заговорил мальчик.

— Який Васька?

— Да Шадринский, Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

— Тю-у! А як ты сюда попав?

И когда в темном кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с вяленой осетриной, Васютка рассказал о своих похождениях, Коляда хлопал себя по коленям и восклицал:

— Ай, скажэнный хлопец! Та на шо тоби той глухарь сдався? Во налякав¹ ридну маты и батьку...

— Еще и дедушку...

Коляда затрясся от смеха:

— Ой, шо б тоби! Он и дида вспомнил! Ха-ха-ха! Ну и бисова душа! Да знаешь ли ты, дэ тебя вынесло?

— Не-е-е.

— Шестьдесят километров ниже вашего стану.

— Ну-у?

— Оце тоби и ну! Лягай давай спать, горе ты мое гиркое...

Васютка уснул на койке старшины, закутанный в одеяло и в одежду, какая имелась в кубрике.

А Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

— Во, герой глухариный, спит соби, а батько с маткой с глузду зъихалы²...

Не переставая бормотать, он поднялся к штурвальному и приказал:

— На Песчаном острове и у Корасихи не будет остановки. Газуй прямо к Шадрину.

— Понятно, товарищ старшина, домчим хлопца мигом!

Подплывая к стоянке бригадира Шадрина, штурвальный покрутил ручку сирены. Над рекой пронесся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

На берег спустился дедушка Афанасий и принял чалку с бота.

— Что это вы сегодня один-одинешенек? — спросил вахтенный матрос, сбрасывая трап.

— Не говори, паря, — уныло отозвался дед. — Беда у нас, ой, беда!.. Васютка, внук-то мой, потерялся. Пя-

¹ Испугал (укр.).

² С ума сошли (укр.).

тый день ищем. Ох-хо-хо, парнишка-то был какой, парнишка-то, шустрый, востроглазый!..

— Почему был? Рано ты собрался его хоронить! Еще с правнуками понянчишься! — И, довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: — Нашелся ваш пацан, в кубрике спит себе и в ус не дует.

— Чего это? — встрепенулся дед и выронил кисет, из которого зачерпывал трубкой табак. — Ты... ты, паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться?

— Правду говорю, на берегу мы его подобрали! Он там такую полундру устроил — все черти в болото спрятались!

— Да не треплись ты! Где Васютка-то? Давай его скорей! Цел ли он?

— Це-ел. Старшина пошел его будить.

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменял вверх, к избушке:

— Анна! Анна! Нашелся пескаришко-то! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он...

В цветастом переднике, со сбившимся набок платком показалась Васюткина мать. Когда она увидела спускавшегося по трапу оборванного Васютку, ноги ее подкосились. Она со стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну.

...И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем. Накрыли его двумя стегаными одеялами, оленьей дохой да еще пуховой шалью повязали.

Лежит Васютка на топчане разомлевший, а мать и дедушка хлопчут возле, простуду из него выгоняют. Мать натерла его спиртом, дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

— Может, еще что-нибудь покушаешь, Васенька? — нежно, как у больного, спрашивает мать.

— Да, мам, некуда уж...

— А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь?

— Если черничного, ложки две, пожалуй, войдет.

— Ешь, ешь!

— Эх ты, Васюха, Васюха! — гладил его по голове дедушка. — Как же ты сплеховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Мúка — вперед наука. Да-а, глухаря-то, говоришь, завалил все-таки? Дело! Купим тебе новое ружье на будущий год. Ты еще медведя ухлопаешь. Помяни мое слово!

— Ни Боже мой! — возмутилась мать. — Близко к избе вас с ружьем не подпущу. Гармошку, приемник покупайте, а ружья — чтобы и духу не было!

— Пошли бабьи разговоры! — махнул рукой дедушка. — Ну, поплутал маленько парень. Так что теперь, по-твоему, и в лес не ходить?

Дед подмигнул Васютке: дескать, не обращай внимания, будет новое ружье — и весь сказ!

Мать хотела еще что-то сказать, но на улице залаял Дружок, и она выбежала из избышки.

Из лесу, устало опустив плечи, в мокром дождевике, шел Григорий Афанасьевич. Глаза его ввалились, лицо, заросшее щетиной, было мрачно.

— Напрасно все, — отрешенно махнул он рукой. — Нету, пропал парень...

— Нашелся! Дома он...

Григорий Афанасьевич минуту стоял растерянный, потом заговорил, сдерживая волнение:

— Ну а зачем реветь? Нашелся — и хорошо. К чему мокреть-то разводить? Здоров он? — и, не дожидаясь ответа, отправился к избышке. Мать остановила его:

— Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Порассказывал, так мурашки по коже...

— Ладно, не учи!

Григорий Афанасьевич зашел в избу, поставил в угол ружье, снял дождевик.

Васютка, высунув голову из-под одеяла, выжидательно и робко следил за отцом. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

— Ну, где ты тут, бродяга? — повернулся к Васютке отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

— Вот он я! — привскочил с топчана Васютка, заливаясь счастливым смехом. — Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе не простыл. Вот пощупай, пап. — Он протянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к животу и легонько похлопал по спине:

— Затараторил, варнак! У-у-у, лихорадка болотная! Наделал ты нам хлопот, испортил крови!.. Рассказывай, где тебя носило?

— Он все про озеро какое-то толкует, — заговорил дед Афанасий. — Рыбы, говорит, в нем видимо-невидимо.

— Рыбных озер мы и без него знаем много, да не вдруг на них попадешь.

— А к этому, папка, можно проплыть, потому что речка из него вытекает.

— Речка, говоришь? — оживился Григорий Афанасьевич. — Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро отыскал?..

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу речки вверх, а бригада рыбаков на лодках поднималась следом за ним.

Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, чуть не задевая вершины деревьев; шумел и качался лес; в небе раздавались тревожные крики птиц, тронувшихся на юг. Васютке теперь любая непогода нипочем. В резиновых сапогах и в брезентовой

куртке, он держался рядом с отцом, принаравливаясь к его шагу, и наговаривал:

— Они, гуси-то, как взлетят сразу все, а я как-адам! Два на месте упали, а один еще ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошел за ним, побоялся от речки отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья грязи, он устал, вспотел и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца.

— И ведь я их влет саданул, гусей-то...

Отец не отзывался. Васютка посеменил молча и опять начал:

— А что? Влет еще лучше, оказывается, стрелять: сразу вон несколько ухлопал!

— Не хвались! — заметил отец и покачал головой. — И в кого ты такой хвостун растешь? Беда!

— Да я не хвастаюсь: раз правда, так что мне хвалиться, — сконфуженно пробормотал Васютка и перевел разговор на другое: — А скоро, пап, будет пихта, под которой я ночевал. Ох и продрог я тогда!

— Зато сейчас, я вижу, весь сопреп. Ступай к дедушке в лодку, похвались насчет гусей. Он любитель байки слушать. Ступай, ступай!

Васютка отстал от отца, подождал лодку, которую тянули бечевой рыбаки. Они очень устали, намокли, и Васютка постеснялся плыть в лодке и тоже взялся за бечеву и стал помогать рыбакам.

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

— Вот и озеро Васюткино...

С тех пор и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро.

Рыбы в нем оказалось действительно очень много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре и еще одна колхозная бригада переключились на озерный лов.

Зимой у этого озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось еще одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко всего с булавоочную головку, уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка.

Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих кляксочек и есть та, которую именуют Васюткиным озером.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Какой старинный порядок при отправке в тайгу обычно соблюдал каждый человек? В рассказе он звучит как афоризм. Найдите его.
- 2. С какого события начались приключения Васютки?
- 3. Когда Васютка понял, что заблудился? Как удалось автору передать его состояние? Прочтите это описание. Как бы вы стали себя вести в этой ситуации?
- 4. Опишите первую ночь в лесу, второй день, вторую ночь... На какой день перед Васюткой оказалось озеро?
- 5. Что спасло Васютку?
- 6. Прочтите, как мальчик добился своего спасения. В чем была его заслуга?
- 7. Как встретили пропавшего мальчика дед, мать, отец? Прочтите эти эпизоды.
- 8. Найдите описание рыболовецкого похода на озеро, которое называли Васюткиным. Когда и почему это случилось?
- ▶ 1. Рассказ «Васюткино озеро» — автобиографическое произведение. Писатель вспомнил о том, как описал в сочинении самое памятное событие прошедшего лета. Тогда он дал ему название «Жив». Как объяснить выбор каждого из этих вариантов заголовка?

2. Сколько дней длились странствия Васютки? Опишите как можно подробнее один из этих дней, чтобы в вашем пересказе вновь повторились события из жизни мальчика, который не сдался в самой трудной обстановке.
3. Почему, как вам кажется, Васютка немного робел перед отцом?
4. Как вы считаете, Васютка сам добился спасения или ему помог случай?

Туве Янссон

1914—2001

Туве Янссон — одна из самых знаменитых детских писательниц нашего времени. Она жила в Финляндии, но писала на шведском языке, сама иллюстрировала свои произведения. Все ее книги проникнуты доброжелательностью и юмором.

Туве Янссон сочинила сказки, придумав для них своих собственных и очень симпатичных героев: Снусмумрика, муми-троллей, хемулей, снорков и много-много других фантастических существ.

Последний в мире дракон

В сокращении

Однажды в среду, в последний жаркий летний день, Муми-тролль поймал маленького дракона в коричневой луже, рядом с гамаком Муми-папы.

Конечно, Муми-тролль и не мечтал поймать дракона. Он хотел поймать несколько мелких существ, которые плавали в грязи на дне лужи. Муми-тролль хотел узнать, как они двигают лапками, чтобы плыть, и могут ли они плавать задом наперед. Но когда Муми-

тролль выудил из лужи стеклянную банку и поднес ее к свету, он увидел...

«Клянусь своим хвостом...» — в страхе прошептал Муми-тролль. Сжимая банку обеими руками, он смотрел, не веря своим глазам.

Дракон был размером не больше спичечного коробка и плавал кругами. А его прозрачные крылья напоминали великолепные плавники золотой рыбки.

Но ни одна золотая рыбка не могла сравниться с миниатюрным драконом, который сверкал золотом в солнечных лучах. Изумрудно-зеленая головка, лимонно-желтые глазки, шесть золотых лап и на каждой маленькие зеленые ноготки. Хвост с зеленоватым кончиком. В самом деле удивительный дракон.

Муми-тролль завинтил крышку (конечно, в ней были проделаны дырки для дыхания) и осторожно поставил банку в мох, а сам лег рядом с банкой и начал по-настоящему рассматривать дракона.

Дракон же подплыл к стеклу и разинул маленькую пасть, усеянную крошечными белыми зубами.

«Он злой, — подумал Муми-тролль. — Он злой, несмотря на то что такой маленький. Что я буду делать, раз он мне так понравился?.. А что он ест? Чем кормить драконов?»

Муми-тролль озабоченно отправился домой, двумя руками сжимая банку. Ему даже показалось, что дракон улыбнулся ему из-за стеклянной стены.

«Я оставлю тебя в банке, буду баловать и любить, — прошептал Муми-тролль. — Ты будешь спать на подушке, а когда вырастешь, я отпущу тебя в море...»

Муми-папа работал на табачной грядке.

«Может, стоит показать ему дракона и посоветоваться. А может, и не стоит. Конечно, нет. Надо сохранить тайну несколько дней, прежде чем рассказать кому-

нибудь. А до тех пор можно показать его лишь Снусмумрику».

Муми-тролль спрятал банку за спину и спокойно, словно ничего не случилось, подошел к задней двери дома. Остальные в это время собрались на веранде. В тот момент, когда Муми-тролль оказался у двери, из-за бочки с водой выскочила маленькая Му и спросила:

— Что это ты делаешь?

— Ничего, — ответил Муми-тролль.

— Баночка, — заметила Му, вытянув шею. — Что в ней? Почему ты ее прячешь?

Муми-тролль, не отвечая, бросился наверх в свою комнату. Он поставил банку на стол. Вода расплескалась. Дракон, свернувшийся калачиком, теперь начал медленно распрямляться, чуть-чуть скалясь.

«Такого больше не повторится, — пообещал сам себе Муми-тролль. — Извини меня, дорогой». Муми-тролль отвинтил крышку так, чтоб дракона стало лучше видно, а потом вернулся и закрыл дверь на задвижку. Никогда не угадаешь, что может сотворить Му.

Когда Муми-тролль вернулся к столу, дракон уже выполз из воды и сидел на краю банки.

— Ох, — только и смог выговорить Муми-тролль. Он залюбовался драконом.

— Ты не голоден? — очень тихо спросил дракона Муми-тролль. — Ты и вправду ужасно дикий и злой?

Дракон фыркнул.

Муми-тролль заполз под кровать и вытащил ночной горшок. В нем лежало полбутерброда, пара сухих блинов и яблоко. Муми-тролль отрезал маленький кусочек яблока, потом еще несколько и разложил их все вокруг дракона. Тот лишь фыркнул на них, презрительно осмотрелся и внезапно шустро метнулся к окну, атаковав большую августовскую муху.

Муха забила, перестав жужжать, когда дракон впился ей в шею своими маленькими зелеными коготками и выпустил ей в глаза струю дыма.

Ножницами чиркнули маленькие белые зубы, челюсти распахнулись, и августовская муха исчезла. Дракон дважды сглотнул, облизнулся, почесал за ухом и наградил Муми-тролля насмешливым взглядом.

— Какой ты шустрый! — воскликнул Муми-тролля.

В это время Муми-мама позвала всех завтракать.

— Подожди меня и будь пайнкой, — сказал Муми-тролля. — Я скоро вернусь.

Еще мгновение Муми-тролля постоял, наблюдая за драконом, а потом добавил:

— Какой дорогуша, — после чего помчался на веранду.

Запустив ложку в кашу, Му между делом заметила:

— Некоторые, кажется, прячут таинственные секреты в стеклянных банках.

— Замолчи, — попросил Муми-тролля.

— Точно одно, — продолжала Му. — Некоторые наверняка прячут в банках пиявок, древесных жуков или болотных сороконожек.

— Мама, — взмолился Муми-тролля. — Ты же знаешь, я терпеть не могу любимчиков, которые ко мне пристают...

— А некоторые любят древесных вшей, — заявила Му и начала пускать пузыри в стакане с молоком.

— Что? — спросил Муми-папа, выглянув из-за газеты.

— Муми-тролля кого-то поймал, — объяснила Муми-мама. — Оно не кусается?

— Оно такое маленькое, что не может сильно кусаться, — пробормотал ее сын.

— Когда ты его поймал? — спросила Муми-мама. — Ты дашь нам взглянуть? Оно разговаривает?

Муми-тролль молчал. Все было испорчено. Он так хотел сохранить секрет и преподнести его как сюрприз. Но если у тебя семья — сюрпризы невозможны. В семье всё разужают.

— После завтрака я пойду на речку, — медленно и презрительно объявил Муми-тролль. Презрительно, как дракон. — Мама, пожалуйста, скажи им, чтобы они не входили в мою комнату. За последствия я не отвечаю.

— Хорошо, — согласилась Муми-мама и посмотрела на Му. — Ни одна живая душа не откроет дверь в твою комнату.

Муми-тролль доел кашу в величественной тишине. Потом через сад он направился к мосту.

Снусмумрик сидел у палатки, раскрашивая корабль из коры. Муми-тролль взглянул на Снусмумрика и снова почувствовал себя счастливым.

— Эй! — позвал Муми-тролль. — Все вокруг иногда бывают такими занудами.

Снусмумрик усмехнулся, не вынимая трубки из рта. Они посидели молча — солидарность мужской дружбы.

— Послушай, — спросил Муми-тролль, — в своих скитаниях ты когда-нибудь встречал дракона?

— Надеюсь, ты говоришь не о саламандрах, ящерицах или крокодилах? — ответил Снусмумрик. — Ты сказал «дракона». Нет. Никогда. Они вымерли.

— Но, может, хоть один остался? — медленно проговорил Муми-тролль. — И однажды кто-то поймал бы его в стеклянную банку?

Снусмумрик строго смотрел на Муми-тролля и увидел, что тот лопається от восторга и нетерпения. Пытаясь говорить совершенно спокойно, Снусмумрик заявил:

— Я в это не верю.

— Возможно, он не больше спичечного коробка, хотя умеет выдыхать пламя, — зевнув, продолжал Муми-тролль.

— Хорошо придумано, — заметил Снусмумрик, который отлично знал, как готовят сюрпризы.

Муми-тролль встал у него за спиной и продолжал:

— Золотой дракон с крошечными зелеными челюстями, который...

А потом Муми-тролль не выдержал и закричал:

— Я нашел его! Я нашел настоящего дракона!

Пока они шли к дому, Снусмумрик испытал всю шкалу чувств: неверие, удивление, восхищение. Снусмумрик был очарован.

Они поднялись по ступеням, с большой осторожностью открыли дверь и вошли.

На столе стояла банка воды, но дракон исчез... Муми-тролль заглянул под кровать, в ящик для мелков, обшарил весь пол.

— Маленький друг... мой маленький... мой хорошенький, где ты?

— Муми, — заметил Снусмумрик. — Он сидит на оконной занавеске.

Дракон сидел высоко, под самым потолком.

— Как он спустится? — испуганно воскликнул Муми-тролль. — Он не должен упасть... Сохраняйте спокойствие... Минуточку... Помолчите...

Сдернув одеяло с кровати, Муми-тролль расстелил его на полу под окном. Потом он взял старую бабочку со шляпы хемуля и протянул ее дракону.

— Прыгай! — прошептал Муми-тролль. — Цып-цып-цып... Не бойся, мы не причиним тебе вреда.

— Ты пугаешь его еще больше, — заметил Снусмумрик.

Дракон зевнул и зашипел. Он откусил от бабочки здоровый кусок, зафырчал, словно маленькая машина, и, внезапно взвившись над потолком, начал кружить.

— Он летает, он летает! — закричал Муми-тролль. — Мой дракон летает!

— Конечно, — подтвердил Снусмумрик. — Не подпрыгивай вслед за ним. Остановись.

Дракон замер в воздухе. Он так быстро махал крыльями, что невозможно было их рассмотреть. А потом внезапно спикировал вниз, укусил Муми-тролля за ухо, так что тот чуть не закричал. Дракон подлетел к Снусмумрику и уселся у него на плече. Дракон прижался к уху Снусмумрика, закрыл глаза и замурлыкал.

— Какой забавный зверек, — с удивлением заметил Снусмумрик. — Он такой горячий. Что он делает?

— Ты ему нравишься, — подытожил Муми-тролль...

Снусмумрик едва не уронил удочку, когда дракон, жужжа, сел ему на колено.

— Хорошенькое дело, — объявил Снусмумрик, и дракон тут же исчез. — Не шпионь. Оставь меня одного. Марш домой!

Но, конечно, Снусмумрик знал: это не поможет. Дракон никогда не оставит его. Но ведь драконы живут сотни лет...

С печалью Снусмумрик смотрел на маленькое сверкающее существо.

— Да, ты хорошенький, — рассуждал Снусмумрик. — Было бы великолепно иметь тебя. Но видишь ли, Муми-тролль...

Дракон зевнул. Он перелетел на шляпу Снусмумрика, тот вздохнул и снова закинул удочку. Его новый поплавок чуть покачнулся. Снусмумрик решил, что Муми-тролль сегодня не придет порыбачить. Прошел час. Маленький дракон полетел, поймал несколько мух, а потом вернулся на шляпу Снусмумрика. Снусмумрик тем временем выловил пять плотвичек.

К вечеру по реке проплыла лодка. Ею правил молодой хемуль.

— Клюет? — спросил лодочник.

— Да так, — протянул Снусмумрик. — Далеко направляешься?

— Конечно, — усмехнулся хемуль.

— Не сможешь мне помочь? — попросил Снусмумрик. — Я ловлю рыбу, заворачиваю ее в сырые газеты, а ты сможешь поджарить ее. Не так уж плохо?

— Смотря что ты хочешь? — спросил хемуль. Рыбная кухня не сильно его прельщала.

Снусмумрик засмеялся и снял шляпу со спящим дракончиком.

— Послушай, — сказал он. — Возьми этого дракона и отвези подальше, туда, где много мух. Я думаю, поля моей шляпы — хорошее гнездо. Оставь его где-нибудь под кустом, но так, чтобы дракон не чувствовал себя заброшенным.

— Это дракон? — с удивлением спросил хемуль. — А он кусается? Чем его нужно кормить?

Снусмумрик сбегал к палатке и принес старый чайник. Он выстлал дно травой и осторожно переложил дракончика со шляпы в чайник, а потом закрыл крышку.

— Ты должен ловить ему мух, а также поить водой. Не пугайся, если чайник вдруг раскалится. А дня через два оставь его где-нибудь и подари ему мою шляпу.

— За пять рыб слишком простая работа, — кисло промямлил хемуль и поплыл дальше, прихватив шляпу и чайник с драконом. Течение подхватило лодку.

— Не забудь! — прокричал Снусмумрик ему вслед.

— Нет, нет, нет! — отвечал хемуль.

«Наверняка дракончик обожжет ему пальцы, — подумал Снусмумрик. — А может, все обойдется».

Муми-тролль пришел после заката.

— Привет, — сказал Снусмумрик.

— Эй! — мрачно начал Муми-тролль. — Сколько рыбы наловил?

— Да так, — ответил Снусмумрик. — Не присядешь?

— Я вижу, что-то случилось, — прошептал Муми-тролль. — А он светился в темноте?

— Кто?

— Дракон, конечно. Я думаю, будет здорово, если он, светясь, подберется к кому-нибудь в темноте.

— Я в самом деле не знаю, — объявил Снусмумрик. — Лучше сходи домой и посмотри.

— Я думал, он с тобой! — воскликнул Муми-тролль. — Разве он полетел не к тебе?

— Нет, — ответил Снусмумрик, зажигая трубку. — Драконы, они делают только то, что им нравится. Они прекрасно летают и, если заметят жирную муху или что-нибудь еще... А этот дракон, на самом деле он ничего не стоит.

Муми-тролль некоторое время молчал, а потом сел в траву и заявил:

— Наверное, ты прав. Может, оно и лучше, что он улетел. Да, лучше. Я так думаю...

Вопросы и задания

1. Каким вы представляете себе Муми-тролля? Нравится ли вам семья муми-троллей? Что вы можете о ней рассказать?
2. Чем привлек Муми-тролля дракон из лужи?
3. Расскажите обо всех событиях, которые были связаны с драконом и его пребыванием в семействе муми-троллей.
4. Чем питался последний дракон? Какой у него был нрав? К кому он привязался больше всех?
5. Когда Снусмумрик «испытал всю шкалу чувств: неверие, удивление, восхищение»?

6. Почему Снусмумрик стал любимцем дракона и что из этого вышло?

- » 1. Чем закончилась история с последним в мире драконом?
2. Какой герой этого рассказа вас более всего привлекает? Обоснуйте свой выбор.

Вопросы и задания к теме «Современная литература»

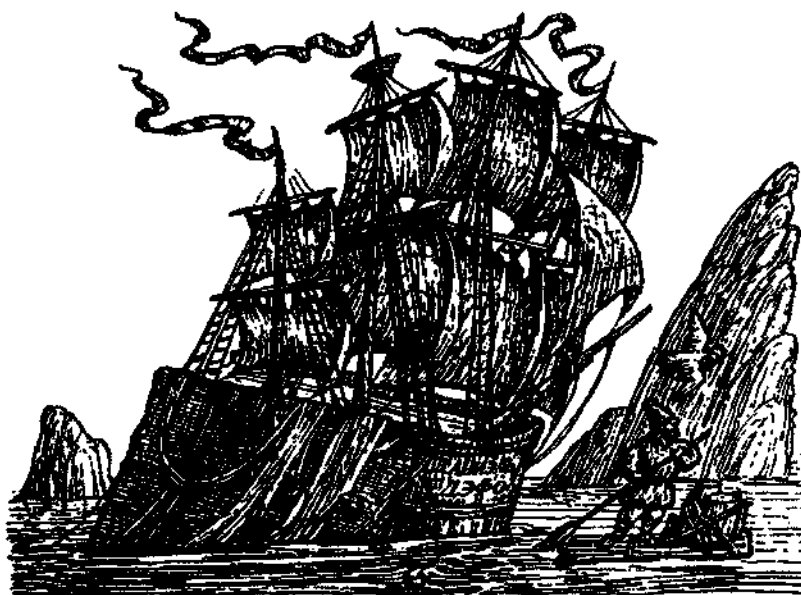
- » 1. Каких современных писателей вы знаете?
2. Какое произведение современной литературы, с которым вы недавно познакомились, вам запомнилось? Расскажите о нем своим одноклассникам.
3. Что такое «периодическая печать»? Какие газеты и журналы вы читали?
- » Попробуйте с одноклассниками начать выпуск рукописного периодического журнала, где будут собраны рассказы, стихи, очерки, интервью, юмористические заметки учащихся вашей школы.

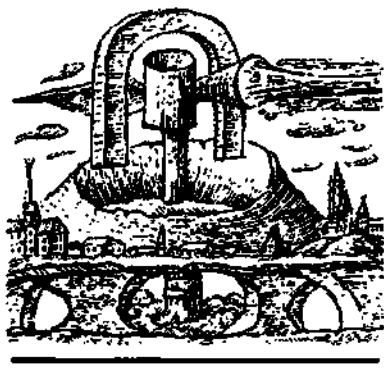
Итоговые вопросы и задания к теме «Литература XX века»

- » 1. Творчество каких писателей XX века произвело на вас впечатление? Обоснуйте свой ответ.
2. Какая из рубрик темы «Литература XX века» вас заинтересовала? Какие еще произведения можно в нее включить?
3. Прочитайте наизусть одно из стихотворений поэта XX века?
4. Какие произведения писателей и поэтов XX века вы читали? Поделитесь своими впечатлениями с одноклассниками.
- » 1. Напишите сказку, рассказ или стихотворение в одну из рубрик темы «Литература XX века».
2. Создайте с одноклассниками литературно-музыкальную композицию «Героическое прошлое России», используя художественные произведения XIX и XX веков.

Путешествия и приключения

Покорение пространства и времени

В жизни каждого человека бывает множество приключений, которые мы просто не замечаем, а путешествовать по белому свету теперь помогают кино и телевизор. Но все мы знаем, как интересны далекие путешествия и опасные приключения, и каждому хочется, хотя бы при помощи книги, стать их участником: узнать о неизведанных краях, до которых добраться не всякому по силам, и встретить невероятные опасности, которые ему и не снились.

Все мы любим смелость, ценим изобретательность и находчивость, способность справляться с трудными обстоятельствами. Об этом повествуют писатели, которые встречаются вас в этом разделе учебника.

Даниэль Дефо

1660—1731

Даниэль Дефо прожил жизнь, насыщенную самыми различными событиями и приключениями. Окончив духовную академию, он, вопреки желанию родителей,

стал купцом, а не священником. Торговал купец Дефо чем угодно: шляпами, кровельным железом, чулками, винами, тканями... Постоянно рискуя, он то богател, то разорялся, о чем поведал в старости со свойственным ему оптимизмом:

Судеб таких изменчивых никто не испытал,
Тринадцать раз я был богат и снова бедным стал.

При такой бурной жизни Дефо успевал писать художественные произведения: исследователи предполагают, что если собрать воедино всё, что он создал, составила бы библиотека в 250—300 томов.

Однако славу ему принес только один роман, полное название которого «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого погиб весь экипаж, исключая его одного, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

Роман имел огромный успех, и в том же 1719 году Дефо выпускает его продолжение: «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую, и последнюю, часть его жизни и охватывающие изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим». В этой книге рассказывается, как Робинзон посещает Мадагаскар, Индию, Китай и из Пекина через Сибирь добирается до Архангельска, проведя зиму в Тобольске.

С тех времен произведения о том, как герой встает на борьбу с природой один на один и с честью выходит из этого поединка, называют *робинзонадой*.

Робинзон Крузо

Глава шестая

Робинзон на необитаемом острове. —
Он добывает вещи с корабля и строит себе жилье

Проснулся я поздно. Погода была ясная, ветер утих, море перестало бесноваться.

Я взглянул на покинутый нами корабль и с удивлением увидел, что на прежнем месте его уже нет. Теперь его прибило ближе к берегу. Он очутился неподалеку от той самой скалы, о которую меня чуть не разбило волной. Должно быть, ночью его приподнял прилив, сдвинул с мели и пригнал сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я ночевал. Волны, очевидно, не разбили его: он держался на воде почти прямо.

Я тотчас же решил пробраться на корабль, чтобы запастись провизией и разными другими вещами.

Спустившись с дерева, я еще раз осмотрелся кругом. Первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая по правую руку, на берегу, в двух милях отсюда — там, куда ее швырнул ураган. Я пошел было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдешь: в берег глубоко врезалась бухта, шириною в полмили, и преграждала путь. Я повернул назад, потому что мне было гораздо важнее попасть на корабль: я надеялся найти там еду.

После полудня волны совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я шел по сухому дну.

Тут снова у меня заняло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы, если бы не испугались бури и не покинули свой корабль. Нужно было только

выждать, чтобы шторм прошел, и мы благополучно добрались бы до берега, и я не был бы теперь вынужден бедствовать в этой безлюдной пустыне.

При мысли о своем одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слезы никогда не прекращают несчастий, решил продолжать свой путь и во что бы то ни стало добраться до разбитого судна. Раздевшись, я вошел в воду и поплыл...

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег те вещи, которые могли мне понадобиться. Но лодку было неоткуда взять, а желать невозможного бесполезно. Нужно было придумать что-нибудь другое. На корабле были запасные мачты, стеньги¹ и реи². Из этого материала я решил построить плот и горячо принялся за работу.

Выбрав несколько бревен полегче, я выбросил их за борт, обвязав предварительно каждое бревно канатом, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их с обоих концов, скрепив еще сверху двумя или тремя дощечками, положенными накрест, и у меня вышло нечто вроде плота.

Меня этот плот отлично выдерживал, но для большого груза он был слишком легкий и мал.

Пришлось мне снова взбираться на корабль. Там разыскал я пилу нашего корабельного плотника и распилил запасную мачту на три бревна, которые и приладил к плоту. Плот стал шире и гораздо устойчивее. Эта работа стоила мне огромных усилий, но желание запастись всем необходимым для жизни поддерживало ме-

¹ Стеньга — вертикальный брус, составляющий продолжение мачты.

² Рёя — подвижной поперечный брус на мачтах.

ня, и я сделал то, на что при обыкновенных обстоятельствах у меня не хватило бы сил.

Теперь мой плот был широк и крепок, он мог выдерживать значительный груз.

Чем же нагрузить этот плот и что сделать, чтобы его не смыло приливом? Долго раздумывать было некогда, нужно было торопиться.

Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадлежавших нашим матросам, взломал замки и выбросил все содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам на корабле главной мясной пищей, и остатки ячменя, который мы везли из Европы для бывших на судне кур; кур мы давно уже съели, а немного зерна осталось. Этот ячмень был перемешан с пшеницей; он очень пригодился бы мне, но, к сожалению, как потом оказалось, был сильно попорчен крысами. Кроме того, я нашел несколько ящичков вина и до шести галлонов¹ рисовой водки, принадлежащих нашему капитану.

Эти ящички я тоже поставил на плот, рядом с сундуками.

Между тем, покуда я был занят погрузкой, начался прилив, и я с огорчением увидел, что мой кафтан, рубашку и камзол, оставленные мной на берегу, унесло в море.

Теперь у меня остались только чулки да штаны (полотняные, короткие, до колен), которые я не снял, когда плыл к кораблю. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись не только едой, но и одеждой. На ко-

¹ Галлон — английская мера жидких тел, равна 3,78 л.

рабле было достаточное количество курток и брюк, но я взял пока одну только пару, потому что меня соблазняло гораздо больше многое другое, и прежде всего рабочие инструменты.

После долгих поисков я нашел ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль, наполненный золотом. Я поставил на плот этот ящик, даже не заглянув в него, так как мне было отлично известно, какие инструменты находятся в нем.

Теперь мне оставалось запастись оружием и зарядами. В каюте я нашел два хороших охотничьих ружья и два пистолета, которые я уложил на плоту вместе с пороховницей, мешочком дробы и двумя старыми,

заржавленными шпагами. Я знал, что у нас на корабле было три бочонка пороху, но не знал, где они хранятся. Однако после тщательных поисков все три бочонка нашлись. Один оказался подмоченным, а два других были сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и шпагами. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и надо было отправляться в путь. Добраться до берега на плоту без паруса, без руля — нелегкая задача: довольно было самого слабого встречного ветра, чтобы все мое сооружение опрокинулось.

К счастью, море было спокойно. Начинался прилив, который должен был погнать меня к берегу. Кроме того, поднялся небольшой ветерок, тоже попутный. Поэтому, захватив с собой сломанные весла от корабельной шлюпки, я поспешил в обратный путь. Вскоре мне удалось высмотреть маленькую бухту, к которой я и направил свой плот. С большим трудом я провел его поперек течения и наконец вошел в эту бухту, упершись в дно веслом; едва начался отлив, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жилья — такое, где я мог бы сложить все свое имущество, не боясь, что оно погибнет. Я все еще не знал, куда я попал: на материк или на остров. Живут ли здесь люди? Водятся ли здесь хищные звери? В полумиле от меня или немного дальше виднелся холм, крутой и высокий. Я решил подняться на него, чтобы осмотреться кругом. Взяв ружье, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку.

Взбираться на вершину холма было трудно. Когда же я наконец взобрался, я увидел, какая горькая участь выпала мне на долю: я был на острове! Кругом со всех сторон расстилалось море, за которым нигде не было видно земли; если не считать торчавших в отдалении нескольких рифов да двух островков, лежавших в

милях девяти к западу. Эти островки были маленькие, гораздо меньше моего.

Я сделал и другое открытие: растительность на острове была дикая, нигде не было видно ни клочка возделанной земли. Значит, людей здесь и в самом деле не было!

Хищные звери здесь тоже как будто не водились, по крайней мере я не заметил ни одного. Зато птицы водились во множестве, все каких-то неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось подстрелить птицу, я никогда не мог определить по виду, годится в пищу ее мясо или нет.

Спускаясь с холма, я подстрелил одну птицу, очень большую: она сидела на дереве у опушки леса.

Я думаю, это был первый выстрел, раздавшийся в этих диких местах. Не успел я выстрелить, как над лесом взвилась туча птиц. Каждая кричала на свой лад, но ни один из этих криков не походил на крики знакомых мне птиц.

Убитая мною птица напоминала нашего европейского ястреба и окраской перьев, и формой клюва. Только когти у нее были гораздо короче. Мясо ее отдавало падалью, и я не мог его есть.

Таковы были открытия, которые я сделал в первый день. Потом я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня.

К вечеру я снова стал думать, как и где мне устроиться на ночь.

Лечь прямо на землю я боялся: что, если мне грозит нападение какого-нибудь хищного зверья? Поэтому, выбрав на берегу удобное местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша.

Беспокоил меня также вопрос, как я буду добывать себе пищу, когда у меня выйдут запасы: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из лесу при звуке моего выстрела, никаких живых существ я здесь не видел.

Впрочем, в настоящее время меня гораздо больше занимало другое. Я увез с корабля далеко не все, что можно было взять: там осталось много вещей, которые могли мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если мне ничто не помешает, снова побывать на корабле. Я был уверен, что при первой же буре его разобьет в щепки. Нужно было отложить все другие дела и спешно заняться разгрузкой судна. Нельзя успокаиваться, пока я не свезу на берег все вещи, до последнего гвоздика.

Придя к такому решению, я стал думать, ехать ли мне на плоту или отправиться вплавь, как в первый раз. Я решил, что удобнее отправиться вплавь. Только на этот раз я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой сорочке, в полотняных штанах и кожаных туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату, затем сколотил новый плот и перевез на нем много полезных вещей. Во-первых, я захватил все, что нашлось в чуланчике нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвертку, дюжины две топоров, а главное — такую полезную вещь, как точило.

Потом я прихватил несколько вещей, найденных мною у нашего канонира¹: три железных лома, два бочонка с ружейными пулями и немного порошу. Потом я разыскал на корабле целый ворох всевозможного платья да прихватил еще запасной парус, гамак, не-

¹ Канонір — пушкарь, артиллерист.

сколько тюфяков и подушек. Все это я сложил на плоту и, к великому моему удовольствию, доставил на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я боялся, как бы в мое отсутствие на провизию не напали бы какие-нибудь хищники. К счастью, этого не случилось.

Только какой-то зверек прибежал из лесу и уселся на одном из моих сундуков. Увидев меня, он отбежал немного в сторону, но тотчас же остановился, встал на задние лапы и с невозмутимым спокойствием, без всякого страха поглядел мне в глаза, словно хотел познакомиться со мной.

Зверек был красивый, похожий на дикую кошку. Я прицелился в него из ружья, но он, не догадываясь об угрожающей ему опасности, даже не тронулся с места. Тогда я бросил ему кусок сухаря, хотя это было с моей стороны неразумно, так как сухарей у меня было мало и мне следовало их беречь. Все же зверек так понравился мне, что я выделил ему этот кусок сухаря. Он подбежал, обнюхал сухарь, съел его и облизнулся с большим удовольствием. Видно было, что он ждет продолжения. Но больше я не дал ему ничего. Он посидел немного и ушел.

После этого я принялся строить себе палатку. Я сделал ее из паруса и жердей, которые нарезал в лесу. В палатку я перенес все, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нагромоздил пустые ящики и сундуки, на случай внезапного нападения людей или диких зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри загородился досками. Затем я разостлал на земле постель, положил у изголовья два пистолета, рядом с постелью — ружье и лег.

После кораблекрушения это была первая ночь, которую я провел в постели. Я крепко проспал до утра, так как в предыдущую ночь спал очень мало, а весь день работал без отдыха: сперва грузил вещи с корабля на плот, а потом переправлял их на берег.

Ни у кого, я думаю, не было такого огромного склада вещей, какой был теперь у меня. Но мне все казалось мало. Корабль был цел, и покуда не отнесло его в сторону, покуда на нем оставалась хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым свезти оттуда на берег все, что возможно. Поэтому каждый день я отправлялся туда во время отлива и привозил с собою все новые и новые вещи.

Особенно успешным было мое третье путешествие. Я разобрал все снасти и взял с собой все веревки. В этот раз я привез большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса; только пришлось разрезать их на куски и перевезти по частям. Впрочем, я не жалел об этом: паруса были нужны мне отнюдь не для мореплавания, и вся их ценность заключалась для меня в парусине, из которой они были сшиты.

Теперь с корабля было взято решительно все, что под силу поднять одному человеку. Остались только громоздкие вещи, за которые я и принялся в следующий рейс. Я начал с канатов. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне не было слишком трудно управляться с ними, и по кускам перевез три каната. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отодрать при помощи топора. Затем, отрубив все оставшиеся рей, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжести и пустился в обратный путь.

Но на этот раз счастье изменило мне: мой плот был так тяжело нагружен, что мне было очень трудно им управлять.

Когда, войдя в бухточку, я подходил к берегу, где было сложено остальное мое имущество, плот опрокинулся, и я упал в воду со всем моим грузом. Утонуть я не мог, так как это произошло неподалеку от берега, но почти весь мой груз очутился под водой, главное, затонуло железо, которым я так дорожил.

Правда, когда начался отлив, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, но мне приходилось нырять за каждым куском, и это очень утомило меня.

Мои поездки на корабль продолжались изо дня в день, и каждый раз я привозил что-нибудь новое.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетаскивая на берег решительно все, что в состоянии поднять пара человеческих рук. Не сомневаюсь, что, если бы тихая погода продержалась дольше, я перевез бы по частям весь корабль.

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что поднимается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Во время прежних своих посещений я так основательно обшарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уже ничего невозможно найти. Но вдруг мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя ящиками: в одном я нашел три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок и ножей; в другом ящике оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой — всего до тридцати шести фунтов стерлингов. Я усмехнулся при виде этих денег.

— Негодный мусор, — проговорил я, — на что ты мне теперь? Всю кучу золота я охотно отдал бы за лю-

бой из этих грошовых ножей. Мне некуда тебя девать. Так отправляйся же на дно морское. Если бы ты лежал на полу, право, не стоило бы труда нагибаться, чтобы поднять тебя. — Но, поразмыслив немного, я все же завернул деньги в кусок парусины и прихватил их с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутру я выглянул из своей палатки, от корабля не осталось и следа. Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жилье мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку? В конце концов я решил сделать и то и другое.

К этому времени мне стало ясно, что выбранное мною место на берегу не годится для постройки жилища: это было болотистое, низменное место, у самого моря. Жить в подобных местах очень вредно. К тому же поблизости не было пресной воды. Я решил найти другой клочок земли, более пригодный для жилья. Мне было нужно, чтобы жилье мое было защищено и от солнечного зноя и от хищников; чтобы оно стояло в таком месте, где нет сырости; чтобы вблизи была пресная вода. Кроме того, мне непременно хотелось, чтобы из моего дома было видно море.

— Может случиться, что неподалеку от острова появится корабль, — говорил я себе, — а если я не буду видеть моря, я могу пропустить этот случай.

Как видите, мне все еще не хотелось расставаться с надеждой.

После долгих поисков я нашел наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене

у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пещеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зеленой полянке, я и решил разбить палатку. Место это находилось на северо-западном склоне холма, так что почти до самого вечера оно оставалось в тени. А перед вечером его озаряло заходящее солнце.

Прежде чем ставить палатку, я взял заостренную палку и описал перед самым углублением полукруг ярдов¹ десяти в диаметре. Затем по всему полукругу я вбил в землю два ряда крепких высоких кольев, заостренных на верхних концах. Между двумя рядами кольев я оставил небольшой промежуток и заполнил его до самого верха обрезками канатов, взятых с корабля. Я сложил их рядами, один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками. Ограда вышла у меня на славу: ни пролезть сквозь нее, ни перелезть через нее не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала много времени и труда. Особенно трудно было нарубить в лесу жердей, перенести их на место постройки, обтесать и вбить в землю. Забор был сплошной, двери не было. Для входа в мое жилище мне служила лестница. Я приставлял ее к частоколу всякий раз, когда мне нужно было войти или выйти.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Как Робинзон попадает на необитаемый остров?
- 2. Каковы первые действия Робинзона на острове? Согласны ли вы с ним?
- 3. Припомните, в какой последовательности Робинзон забирает вещи с затонувшего корабля. Объясните его действия.
- 4. Когда и как Робинзон определил, что попал на небольшой остров?
- 5. Какое место выбрал себе Робинзон под постоянное жилье?

¹ *Ярд* — английская мера длины, равная 0,9144 метра.

- » 1. Что пережил Робинзон, оставшись один на берегу?
2. Как охарактеризуете вы Робинзона, наблюдая за его поведением после спасения с тонувшего корабля?
3. Нарисуйте жилище Робинзона.
4. Без каких качеств не мог бы выжить человек, попавший на необитаемый остров?
5. Какое из решений Робинзона и какой его поступок вам всего интереснее пересказать? Пытались ли вы когда-нибудь представить себя в сходной ситуации? Приходилось ли вам слышать о событиях такого рода с людьми, которых вы знаете?

Рудольф Эрих Распэ

1737—1794

Приключения барона Мюнхгаузена

Мюнхгаузен — не выдумка. Такой человек действительно жил. Звали его барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен. Родился он в 1720 году возле Ганновера и умер в 1797 году. Принадлежал к богатому и знатному дворянскому немецкому роду, давшему стране многих известных государственных деятелей. Мюнхгаузен в молодости был храбрым офицером, состоял 12 лет на русской службе. В феврале 1750 года императрица Елизавета Петровна подписала указ о присвоении барону звания ротмистра «для ево оказанной к службе нашей ревности и прилежности».

По слухам, служил он в Гродненском полку, участвовал в двух походах против турок, в освобождении Очакова.

Вернувшись домой после странствий, Мюнхгаузен поселился в своем поместье, увлекался охотой, принимал у себя друзей, в которых не было недостатка, лю-

бил рассказывать им о своих приключениях в России и в иных местах. Как человек жизнерадостный, да к тому же охотник, он в окружении таких же охотников чрезвычайно увлекался, безудержно фантазировал.

Сборник этих рассказов, без имени автора, но с именем тогда еще живого Мюнхгаузена, был издан в Англии немцем Э. Распэ, затем переведен на немецкий. Полное название одного из изданий — «Удивительные приключения барона Карла на суше и воде, на войне и на охоте, верхом и в карете и столь же невероятные похождения его внука». Появилась и еще одна переработка этих рассказов, которую написал Г. А. Бюргер. И наконец, почти столетие спустя, появился рассказ о внуке барона Мюнхгаузена и его приключениях.

Для русских читателей рассказы барона переложил Корней Иванович Чуковский, сопроводив их предисловием «Самый правдивый человек на земле».

Самый правдивый человек на земле

Маленький старичок с длинным носом сидит у камина и рассказывает о своих приключениях.

Его слушатели смеются ему прямо в глаза:

— Ай да Мюнхгаузен! Вот так барон!

Но он даже не смотрит на них.

Он спокойно продолжает рассказывать, как он летал на Луну, как он жил среди трехногих людей, как его проглотила огромная рыба, как у него оторвалась голова.

Однажды какой-то проезжий слушал-слушал его и вдруг закричал:

— Все это выдумки! Ничего этого не было, о чем ты рассказываешь.

Старичок насупился и важно ответил:

— Те графы, бароны, князья и султаны, которых я имел честь называть лучшими своими друзьями, всегда говорили, что я самый правдивый человек на земле.

Кругом захохотали еще громче.

— Мюнхгаузен — правдивый человек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

А Мюнхгаузен, как ни в чем не бывало, продолжал рассказывать о том, какое на голове у оленя выросло чудесное дерево.

— Дерево?.. На голове у оленя?!

— Да. Вишневое. И на дереве вишни. Такие сочные, сладкие...

Все эти рассказы напечатаны здесь, в этой книге. Прочтите их и судите сами, был ли на земле человек правдивее барона Мюнхгаузена.

Вопросы и задания к книге

«Приключения барона Мюнхгаузена»

- 1. Что необычного происходит с героем книги в каждом из рассказов? Какой из них более всего вас удивил? Какой показался совсем неправдоподобным? Какой развеселил? Какой больше всех понравился?

2. Почему «Введение» к книге названо «Самый правдивый человек на земле»? Это ирония Чуковского или серьезное утверждение?
 3. Есть ли какие-то реальные основания для рассказов, которыми нас потчует барон Мюнхгаузен?
 4. С какими героями сталкивается барон в своих приключениях?
 5. Какие знакомые вам сказки напоминают некоторые истории барона?
 6. Расскажите о том, каким вы представляете себе барона Мюнхгаузена.
- » 1. Почему рассказы барона не называют сказками?
2. Какой из художественных приемов — гипербола или литота — чаще всего встречается в историях барона? Как вы это объясните?
 3. Подготовьте пересказ одной из историй барона. При этом решите, каким он должен быть: кратким или близким к тексту.

Марк Твен

1835—1910

Марк Твен — псевдоним Сэмюэля Клеменса. Будущий писатель родился в США в штате Миссури в многодетной семье юриста, с трудом сводившего концы с концами. Детство его прошло на берегах Миссисипи, которую он так красочно описал в своих книгах. После смерти отца двенадцатилетний мальчик начал трудовую жизнь. Он был и типографским рабочим, и лоцманом на речных пароходах. Биографы Твена утверждают, что его псевдоним связан с лоцманской службой: Марк Твен — значит «мерка два», то есть матрос, который стоит на вахте, дает знать лоцману, что судно в этом месте не сядет на мель, так как глубина в этом месте достаточна.

Приключения Тома Сойера

Глава первая

Том играет, воюет, скрывается

— Том!

Никакого ответа.

— Том!

Никакого ответа.

— Куда же он запропастился, этот мальчишка?..
Том!

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков; потом вздернула очки на лоб и глянула из-под них. Она никогда или почти никогда не смотрела сквозь очки, если ей приходилось отыскивать мелкий предмет вроде мальчика, потому что это были ее парадные очки, гордость ее сердца: они надевались «для шику», а не для действительной надобности; она могла бы с таким же успехом глядеть сквозь печные заслонки. В первую минуту она как будто растерялась и сказала не очень сердито, но все же настолько громко, чтобы мебель могла ее слышать:

— Ну, попадись ты мне только, я тебя...

Она не кончила, потому что как раз в это время нагнулась и стала шарить щеткой под кроватью. Из-под кровати она не добыла ничего, кроме кошки.

— Вот негодный мальчишка! В жизнь свою не видала такого!

Она подошла к открытой двери и, став на пороге, зорко вглядывалась в заросли дурмана и кустики помидоров, из которых состоял ее сад. Тома там не было. Тогда она возвысила голос, чтобы он был слышен на большом расстоянии, и крикнула:

— То-о-о-м!

Позади раздался легкий шум. Она оглянулась и в ту же секунду схватила за край куртки мальчишку, который собирался улизнуть.

— Ну, конечно! Мне следовало бы заглянуть в кладовую! Что ты там делал?

— Ничего.

— Ничего? Погляди на свои руки, погляди на свой рот. Чем это ты вымазал губы?

— Не знаю, тетя!

— А я знаю! Это варенье, вот что это такое! Сорок раз я тебе говорила, что, если ты не оставишь в покое варенья, я тебя высеку. Дай-ка сюда этот прут.

Розга засвистела в воздухе.

Опасность была неминуемая.

— Ай! Гляньте-ка, тетя, назад!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и приподняла свои юбки, чтобы спастись от грозящей беды, а мальчишка пустился бежать, вскарабкался на высокий дощатый забор — и был таков!

Тетя Полли с минуту не могла опомниться от удивления, потом засмеялась негромко.

— Ну и мальчишка! Да неужто я все-таки никогда не поумнею? Или мало еще он дурачил меня? Но, видно, старый дурак всех дураков глупее. Недаром говорится, что старую собаку новым штукам не выучишь. Впрочем, у него и все штуки разные: что ни день, то другая, — разве тут догадаешься, что у него на уме? Он будто знает, до каких пор он может мучить меня безнаказанно, а когда я наконец рассержусь, сейчас же умчится прочь или рассмешит меня каким-нибудь вздором, и гнев у меня сразу остынет, и рука не поднимается хорошенько проучить его розгой. И я не исполняю своего долга, да простит меня Бог. Кто обходится без розги, тот губит ребенка, говорит Священное Писание.

Я же, грешная, балую его, и за это наказание постигнет нас обоих. Знаю, что голова у него полна всякой дури. Но что же мне делать? Ведь он сын моей покойной сестры, бедный малый, и у меня духу не хватает отстегать его розгой! Всякий раз, как я дам ему увильнуть от наказания, меня так мучает совесть, что и сказать не умею, а накажу — мое старое сердце прямо разрывается от жалости. Верно, верно сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей! Ну, да ладно! Сегодня он сбежал с уроков и в класс не пошел, будет лодырничать от обеда до вечера, а завтра мне придется наказать его — засадить за трудную работу. Жестоко заставлять его работать в воскресные дни, когда у всех мальчиков праздник, но ничего не поделаешь: работу он ненавидит больше всего на свете, а мне надо же когда-нибудь исполнить свой долг, не то я сгублю малыша.

Том действительно весь день бил баклуши и очень весело провел время. Он вернулся домой как раз кстати, чтобы помочь негритенку Джимми напилить дров на завтра и наколоть растопку или (говоря более точно) рассказать ему свои приключения. Младший брат Тома, Сид (не родной брат, а сводный), к этому времени уже справился со своей работой (ему было приказано собрать стружки и щепки), потому что это был послушный тихоня, который никогда не проказничал и не доставлял неприятностей старшим.

Пока Том уплетал свой ужин, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы стянуть кусок сахара, тетя Полли задавала ему разные вопросы, полные глубокого коварства, надеясь, что он попадет в расставленные ею ловушки и проболтается. Подобно многим простодушным людям, она не без гордости считала себя тонкой

дипломаткой и видела в своих наивнейших замыслах чудеса лукавства.

— Том, — сказала она, — сегодня в школе было, должно быть, порядочно жарко?

— Да, м¹.

— Страшно жарко, не правда ли?

— Да, м.

— А не захотелось ли тебе, Том, искупаться в реке?

Тому почудилось что-то неладное — легкое облако подозрения и страха коснулось его души. Он пытливо посмотрел в лицо тети Полли, но оно ничего не сказало ему. И он ответил:

— Нет, м, не особенно.

Старуха протянула руку и пощупала у Тома рубашку.

— Но все же, — сказала она, — ты, оказывается, не очень вспотел.

И она с гордостью подумала, как ловко ей удалось обнаружить, что рубашка у Тома сухая: никому и в голову не пришло, какая хитрость была у нее на уме. Том, однако же, успел уже сообразить, куда дует ветер, и предупредил дальнейшие вопросы:

— Наши мальчики подставляли голову под насос — освежиться. У меня волосы до сих пор мокрые. Видите?

Тетя Полли была раздосадована: как могла она упустить такую важную улику? Но тотчас же ее осенила новая мысль.

— Том, ведь, чтобы поставить голову под насос, тебе не пришлось распороть воротник рубашки в том месте, где я зашила его? Ну-ка расстегнись!

¹ М — первая и последняя буква слова «мадам».

Тревога сбежала с лица Тома. Он распахнул куртку. Воротник рубашки оказался крепко зашитым.

— Ну, хорошо, хорошо. Ступай. А я была уверена, что ты и в школу не ходил, и купался. Ладно, я не сержусь на тебя: ты хоть и порядочный плут, но все же иногда бываешь лучше, чем можно подумать.

Ей было досадно, что ее мудрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что отныне Том вступает на путь послушания.

Но тут вмешался Сидди.

— Что-то мне помнится, — сказал он, — будто вы зашивали ему воротник белой ниткой, а тут, погляди-те, черная.

— Да, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения этой беседы и, убегая из комнаты, крикнул:

— Ну и вздую же я тебя, Сидди!

Укрывшись в надежном месте, он осмотрел две большие иголки, заткнутые за ворот куртки и обмотанные нитками. Одна была обмотана черной ниткой, а другая — белой.

— Она бы и не заметила, если б не Сид. Впрочем, и она хороша: то у нее черная нитка, то белая. Уж шила бы какой-нибудь одной, а то поневоле собьешься... А Сиды я все-таки вздую, — черт меня возьми, если не вздую.

Том не был примерным мальчиком, таким, каким мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его.

Впрочем, через две минуты — и даже скорее — он позабыл все невзгоды. Не потому, что они были для него менее тяжки и горьки, чем невзгоды, обычно мучающие взрослых людей, но потому, что в эту минуту его захватила новая великая забота и вытеснила их из

его головы. Точно так же и взрослые люди забывают все свое горе, едва только их увлекут какие-нибудь новые замыслы.

Тома в настоящее время увлекла одна прелестная новинка: он научился у знакомого негра свистеть каким-то особенным способом, и ему давно уже хотелось поупражняться на свободе в этом деле. Негр свистел по-птичье. У него получалась великолепная трель, для чего нужно было часто-часто дотрагиваться языком до нёба. Читатель, вероятно, помнит, как это делается, — если только он когда-нибудь был мальчиком. Настойчивость и усердие помогли Тому быстро овладеть новым искусством.

Он весело запагал по улице, и рот его был полон сладкой музыки, а душа была полна благодарности. Он чувствовал себя, как астроном, открывший в небе новую планету, но радость его была непосредственнее, полнее и глубже.

Летом вечера долгие. Было еще светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомец, чуть побольше его самого. Всякое новое лицо любого пола и любого возраста всегда вызывало общий интерес в маленьком, убогом городке Санкт-Петербурге¹. К тому же мальчик был прекрасно одет — прекрасно одет в будничные день! Это было прямо поразительно! Очень изящная шапочка, аккуратно застегнутая синяя суконная куртка, новая и чистая, и такие же брюки! На ногах башмаки, даром, что сегодня еще только пятница. У него был даже галстук — очень яркая лента. Вообще он имел вид городского франта, нестерпимо раздражавший Тома. Чем больше Том глядел на это див-

¹ Американцы любят давать своим мелким городкам громкие названия столиц. У них есть несколько Парижей, Константинополь и т. д.

ное диво, тем бледнее казался ему его собственный жалкий костюм и тем выше задирали он нос, показывая, как ему противны такие щегольские наряды. Оба мальчика не сказали ни слова. Стоило одному сделать шаг, делал шаг и другой, — но только в сторону, вбок, по кругу. Лицо к лицу и глаза в глаза — так они стояли очень долго. Наконец Том сказал:

— Я могу тебя поколотить.

— А ну-ка, попробуй!

— Могу и поколочу!

— Нет, ты не можешь.

— Нет, я могу.

— Нет, не можешь.

— Нет, могу.

— Нет, не можешь.

— Могу!

— Не можешь!

Зловещее молчание.

— А как тебя зовут? — наконец спросил Том.

— А тебе какое дело?

— Вот я покажу тебе, какое мне дело.

— Ну, покажи. Отчего же не покажешь?

— Скажи еще два слова, и покажу.

— Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе. Ну?

— Ишь какой ловкий! Да если бы я захотел, я мог бы вздуть тебя одною рукою, а другую пусть привяжут мне за спину.

— Почему же не вздуешь? Ведь ты говоришь, что можешь.

— И вздую, если будешь ко мне приставать.

— Ай-ай-ай! Видали мы таких!

— Думаешь, как расфуфырился, так уж и важная птица! Ой, какая шляпа!

— А ну-ка, попробуй сбить ее у меня с головы! Вот тогда и получишь от меня на орехи...

— Врешь!

— Сам ты врешь!

— Только страшает, а сам трус!

— Ладно, проваливай!

— Эй, ты, слушай: если ты не уймешься, я оторву тебе голову!

— Как же! Оторвешь! Ой! ой! ой!

— И оторву!

— Чего же ты ждешь? Почему ты все стращаешь, а на деле и нет ничего? Трусишь, значит?

— И не думаю!

— Нет, трусишь!

— Нет, не трушу!

— Нет, трусишь!

Снова молчание. Пожирают друг друга глазами, топчутся на месте и делают новый круг.

Наконец они стоят плечом к плечу.

— Убирайся отсюда! — говорит Том.

— Сам убирайся!

— Не желаю.

— И я не желаю!

Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперед под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не дается ни тому, ни другому. Толкаются они долго, так что лица у них становятся разгоряченными, красными. Понемногу они ослабляют свой натиск, хотя каждый по-прежнему остается настороже, и тогда Том говорит:

— Ты трус и щенок. Я скажу моему старшему брату. Он может отколотить тебя одним мизинцем. Я ему скажу, он отколотит.

— Очень я боюсь твоего старшего брата! У меня у самого есть брат, еще побольше твоего, и он может швырнуть твоего — вон через тот забор.

Оба брата были выдуманы.

— Врешь!

— Мало ли что ты скажешь!

Том большим пальцем ноги провел черту по пыли и сказал:

— Посмей только переступить через эту черту. Я так тебя вздую, что ты с места не встанешь. Горе тому, кто перейдет за черту.

Чужой мальчик тотчас же поспешил перейти за черту и сказал:

— Ну, посмотрим, как ты вздуешь меня.

— Отстань! Говорю тебе: лучше отстань!

— Да ведь ты же говорил, что побьешь меня. Отчего же не бьешь?

— Черт меня возьми, если не побью за два цента!

Чужой мальчик вынул из кармана два больших медяка и с насмешкой протянул их Тому.

Том ударил его по руке, и монеты упали на землю.

Через минуту оба мальчика катались в грязи, сцепившись, как две кошки. Они дергали друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щипали и царапали друг другу носы, покрывая себя пылью и славой. Наконец неопределенная масса приняла отчетливые очертания, и в дыму сражения стал виден Том, сидевший верхом на противнике и молотивший его кулаками.

— Проси пощады! — выговорил он.

Но мальчик старался высвободиться и громко ревел — больше всего от злобы.

— Проси пощады! — И молотьба продолжалась.

Наконец чужой мальчик невнятно пробормотал: «Перестань», и Том отпустил его на волю с таким наставлением:

— Это тебе наука. В другой раз будь умнее и гляди, кого задеваешь на улице.

Чужой мальчик побрел прочь, стряхивая пыль с костюма, всхлипывая, сопя носом, время от времени обирачиваясь, качая головой и грозя жестоко разделаться с Томом в следующий раз, когда поймают его. Том отвечал насмешками и направился к дому, гордый своей победой.

Но только он повернулся к незнакомцу спиной, тот запустил в него камнем и угодил ему между лопаток, а сам кинулся бежать, как антилопа. Том гнался за изменником до самого дома и таким образом узнал, где живет враг. Постоял немного у калитки, вызывая врага на бой, но враг только строил ему рожи в окне, а выйти не пожелал. Наконец явилась мать врага, обзвала Тома гадким, испорченным, грубым мальчишкой и велела убираться прочь. Он ушел, но, уходя, сказал, что будет бродить поблизости и подстерегать того мальчика.

Домой он вернулся поздно и, когда влез осторожно в окно, очутился в засаде: перед ним стояла его тетка. И когда тетка увидела, что случилось с его курткой и штанами, ее решимость превратить его праздник в неволю и каторжный труд стала тверда, как алмаз.

Вопросы и задания

- 1. В какой момент происходит знакомство читателя с Томом?
- 2. Когда мы узнаем, что события происходили в маленьком американском городке? Как он назывался?
- 3. С каким свойством характера Тома мы встречаемся уже в первой главе?
- 4. Прочтите вслух маленькую сценку из первой главы. Как складываются отношения ее участников? Могли бы вы по этой сценке дать краткую характеристику ее героев?
«Ей было досадно, что ее мудрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что отныне Том вступает на путь послушания.

Но тут вмешался Сидди.

— Что-то мне помнится, — сказал он, — будто вы зашивали ему воротник белой ниткой, а тут, поглядите, черная.

— Да, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения этой беседы и, убегая из комнаты, крикнул:

— Ну и вздую же я тебя, Сидди!»

- » 1. В приведенной главе из «Приключений Тома Сойера» очень много диалогов. Какой из них вам особенно запомнился? Исполните его на уроке. Перед чтением расскажите о том герое, чьи реплики вы будете читать.
- 2. Какие особенности характера Тома мы отмечаем в его диалогах с тетей Полли?

Вопросы и задания к книге «Приключения Тома Сойера»

- » 1. Назовите друзей и врагов Тома. Кратко охарактеризуйте одного из них.
- 2. Какие приключения Тома Сойера вы считаете главными в сюжете повести?
- 3. Подготовьте для класса пересказ всей книги. При этом постарайтесь сделать его до предела лаконичным.
- » 1. Была ли в жизни Тома настоящая дружба? Докажите, что это так.
- 2. Одни читатели считают, что главной чертой Тома была изобретательность, другие называют фантазию. Как считаете вы?
- 3. Можно ли считать, что жизнь Тома состояла только из приключений или он сам умел любое событие своей жизни сделать интересным?

Астрид Линдгрен

1907—2002

Астрид Линдгрен — самая знаменитая писательница и женщина Швеции, лауреат Международной Золотой медали Ханса Кристиана Андерсена, Международ-

ной Золотой медали Льва Толстого, премий «Золотого корабля», «Улыбки» и других. Наверняка каждый из вас знает Линдгрэн — ведь это она создала повести-сказки о Малыше и Карлсоне, который живет на крыше, о девочке Пеппи Длинный Чулок, множество других книжек и сказок.

Наверняка привлекут ваше внимание книга «Расмус-бродяга» и детектив «Знаменитый сыщик Калле Блюмквист», да и другие увлекательные книги шведской писательницы, которая любит своих героев и не меньше — своих читателей. Именно поэтому нам полезно общение с таким добрым и немного насмешливым старшим другом, как Астрид Линдгрэн. Еще при жизни ей поставили памятник в родном городе Виммербю и открыли «Двор Астрид Линдгрэн», в котором и дом, и все постройки воспроизводят обстановку детства писательницы — 20-е годы XX века. В музее демонстрируются все книги писательницы, изданные на разных языках, в том числе и на русском.

Приключения Калле Блюмквиста

Фрагменты из глав

Глава первая

— Кровь! Никакого сомнения! — воскликнул он, внимательно разглядывая в лупу красное пятнышко, потом перебросил трубку из одного угла рта в другой и вздохнул.

Разумеется, это кровь. Что же еще может появиться, когда порежешь палец? Красное пятнышко могло бы быть неопровержимым доказательством того, что сэр Генри, решив избавиться от своей жены, совершил одно из самых страшных преступлений, с которым ког-

да-либо приходилось сталкиваться сыщику. Но, к сожалению, это совсем не так. Просто сыщик сам нечаянно порезался, когда чинил карандаш, — такова горькая правда.

Так что сэр Генри тут совершенно ни при чем. Тем более что этого противного сэра Генри вообще не существует в природе. Эх, до чего же обидно! Есть же счастливчики — рождаются в лондонских трущобах или в гангстерских кварталах Чикаго, где стрельба и убийства в порядке вещей. А он... Калле неохотно оторвал взгляд от пятнышка и посмотрел в окно.

Большая улица спокойно и безмятежно дремала на летнем солнце. Цвели каштаны. Не было видно ни одного живого существа, кроме булочникова кота, который сидел на краю тротуара и облизывал лапки. Даже наметанный глаз самого искусного сыщика не мог бы обнаружить ничего, что указывало бы на какое-нибудь преступление. Гиблое дело быть сыщиком в этом городишке! Когда он вырастет, то при первой же возможности отправится в лондонские трущобы. А может быть, все-таки предпочесть Чикаго? Отец хочет, чтобы Калле начал помогать в лавке. В лавке! Он? Ну нет! Ведь им тогда будет не житье, а малина, всем этим бандитам и убийцам в Лондоне и Чикаго. Они же совсем распоясаются без присмотра! А Калле в это время будет стоять в лавке, сворачивать кульки и отвешивать мыло и дрожжи... Нет уж, он не собирается стать каким-то торгашом. Сыщик или никто! Пусть отец выбирает. Шерлок Холмс, Асбьорн Краг, лорд Питер Вимсей, Эркюль Пуаро, Калле Блумквист! Он щелкнул языком. И он, Калле Блумквист, намерен превзойти их всех!

— Кровь, никакого сомнения, — пробормотал он с довольным видом.

На лестнице раздался грохот. Через секунду дверь распахнулась, и появился запыхавшийся, разгоряченный Андерс. Калле критически оглядел его и сделал кое-какие наблюдения.

— Ты бежал, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Ясно бежал. А ты думал, меня на носилках принесут, что ли? — раздраженно ответил Андерс.

Калле незаметно спрятал трубку. Не то чтобы он боялся, что Андерс застанет его курящим украдкой. Просто в трубке не было табаку. Но вообще трубка сыщику необходима, когда он размышляет. Даже если в данный момент табак кончился.

— Может, пойдем погуляем? — спросил Андерс и плюхнулся на кровать Калле.

Калле кивнул. Разумеется, он пойдет! Что бы там ни было, а он обязан хоть один раз обойти улицы — вдруг там появилось что-нибудь подозрительное? Конечно, существуют полицейские. Но он прочел уже достаточно книг, чтобы знать, чего эти полицейские стоят. Они не распознают убийцу, даже столкнувшись с ним нос к носу. Калле положил увеличительное стекло в ящик письменного стола, и они с Андерсом понеслись вниз по лестнице, сотрясая дом до самого основания.

— Калле, не забудь вечером полить клубнику!

Это мама выглянула из кухонной двери. Калле успокаивающе помахал рукой. Да польет он клубнику! Только попозже. Когда убедится, что по городу не шныряют темные личности с преступными намерениями. К сожалению, мало вероятно, чтобы такие типы появились, но лучше быть начеку! А то получится, как в фильме «Дело Бакстона». Уж, казалось бы, куда тише и безмятежнее городок, и вдруг — бац! — выстрел среди ночи, а потом — раз! — одно за другим четыре убийства. Негодяи на то и рассчитывают, что никому

не придет в голову подозревать что-либо в таком маленьком городке в такой чудесный летний день. Да только они не знают Калле Блумквиста!

Глава вторая

Уже в восемь часов утра в понедельник он услышал у себя под окном разбойничий посвист Андерса — условный сигнал троих друзей.

Калле мгновенно оделся. Впереди был новый чудесный день. Каникулы! Ни уроков, ни домашних заданий, только и дела, что поливать клубнику да следить, не появились ли по соседству преступники. Ни то, ни другое не было особенно затруднительным.

Погода стояла чудесная. Калле выпил стакан молока, съел бутерброд и ринулся к двери. Мама не успела изложить и половины всех тех увещеваний и предупреждений, которые собиралась преподнести ему вместе с завтраком.

Теперь оставалось только вызвать Еву-Лотту. Калле и Андерс почему-то считали не совсем удобным просто зайти и позвать ее. Строго говоря, дружить с девочками вообще не полагалось. Но что делать? С ней все куда интересней. Ева-Лотта не из тех, кто отстают, когда затевается что-нибудь увлекательное. В храбрости и ловкости она не уступит любому мальчишке. Когда перестраивали водонапорную башню, Ева-Лотта забралась по лесам так же высоко, как Андерс и Калле. А когда полицейский Бьорк увидел их и посоветовал сию же минуту убираться оттуда, Ева-Лотта совершенно спокойно уселась на самый конец доски, где у любого закружилась бы голова, и, смеясь, крикнула:

— Поднимитесь сюда и заберите нас!

Она никак не ожидала, что полицейский Бьорк поймает ее на слове! Но он был лучшим гимнастом в добровольном спортивном обществе города, и залезть на леса к Еве-Лотте было для него делом нескольких секунд.

— Попроси папу, чтобы он достал тебе трапецию, — сказал он. — Если ты свалишься с трапеции, будет хоть какая-то надежда, что ты не свернешь себе шею!

Потом он крепко обхватил Еву-Лотту за талию и спустился с нею вниз. Андерс и Калле уже сами слезли, причем с удивительной скоростью.

С того раза ребята стали уважать полицейского Бьорка. И Еву-Лотту они тоже уважали, не говоря уж о том, что оба хотели жениться на ней.

— Шутка ли — так ответить полицейскому! Это не всякая девчонка смогла бы, да и не всякий мальчишка! — заметил тогда Андерс.

— Стойте! Там кто-то идет, — быстро зашептал Андерс.

Кто-то действительно шел. Он только что вышел из-за угла и быстрыми шагами направлялся к калитке булочника. Это был высокий человек без шляпы, в сером костюме и с большим чемоданом в руке.

Глава шестнадцатая

Полицейская машина мчалась на север с такой быстротой, что благонравные горожане только осуждающе качали головами. Калле, Андерс и Ева-Лотта сидели на заднем сиденье вместе с комиссаром Стенбергом. На поворотах их швыряло то в одну сторону, то в другую. Ева-Лотта удивлялась про себя: сколько можно перенести в один и тот же день и не упасть в обморок! Калле и Андерс трещали наперебой, пока комиссар не сказал,

что предпочитает слушать их по очереди. Калле неистово жестикулировал и орал не своим голосом:

— Один — Бледный, другой — Противный, а третий — дядя Эйнар, но Бледный даже еще противнее, чем Противный, и дядя Эйнар тоже противный.

Судя по выражению лица дяди комиссара, нельзя было сказать, что теперь он все знает, но он считал, что выяснением подробностей можно будет заняться потом. Полицейский взглянул на спидометр. Сто километров в час. Еще увеличить скорость он не решался, хотя Калле считал, что они едут слишком медленно.

— Здесь развилка, куда свернем — налево или направо?

Полицейский так резко затормозил, что машину занесло в сторону.

Андерс, Калле и Ева-Лотта кусали пальцы от нетерпения.

— Досадно! — заметил комиссар. — Бьорк, вы здесь дороги знаете: по какой они могли поехать?

— Трудно сказать. Но, по какой бы ни поехали, они все равно выберутся на большое шоссе, которое ведет к границе.

— Минуточку, — сказал Калле, вылезая из машины.

Он вынул из кармана записную книжку и прошел на левую дорогу, внимательно рассматривая землю.

— Они поехали по этой! — закричал Калле возбужденно.

Бьорк и комиссар тоже вышли.

— Откуда ты знаешь? — спросил комиссар.

— Знаю. У них новая крышка на правом заднем, я срисовал узор. Посмотрите! — Он показал ясный отпечаток на дороге: — Точно такой же!

— А ты парень смысленый! — сказал комиссар, когда они бежали к машине.

— Азбука сыскного дела, — важно отозвался сыщик Блюмквист. Но тут же вспомнил, что еще совсем недавно хотел быть обыкновенным Калле, и скромно добавил: — Просто мне как-то в голову пришло.

Они мчались дальше с головокружительной скоростью. Все молчали, глядя вперед. Поворот... Машина заскользила.

— Смотрите! — крикнул Бьорк.

В ста метрах впереди виднелся автомобиль.

— Это они, — заверил Калле. — Черный «вольво»!

Полицейский Сантессон делал все, что мог, стараясь выжать еще большую скорость. Но расстояние между ними и черным «вольво» не сокращалось. Кто-то смотрел в заднее стекло. Грабители, очевидно, поняли, что их преследуют.

«Еще немножко, и я упаду в обморок, — подумала Ева-Лотта. — До сих пор еще ни разу не падала».

Сто десять километров в час. Теперь полицейская машина медленно, но верно нагоняла беглецов.

— Ложитесь, ребята! — вдруг скомандовал комиссар. — Они стреляют!

Он толкнул всех троих на пол. И как раз вовремя: пуля пробила ветровое стекло.

— Бьорк, вам там удобнее, возьмите мой пистолет и ответьте им!

Комиссар передал пистолет Бьорку, сидевшему впереди.

— Стреляют! Фу черт, как стреляют! — шептал Калле, сидя на полу.

Бьорк высунул руку в боковое окно. Он был не только гимнаст, но и отличный стрелок. Вот он тщательно прицелился в правую заднюю шину «вольво». До нее

было всего двадцать пять метров. Раздался выстрел, и черный «вольво», забуксовав, съехал в канаву. Полицейская машина поравнялась с ним.

— Быстро выходите, пока они не вылезли! — крикнул Стенберг. — Ребята остаются здесь!

В одно мгновение полицейские окружили разбитый «вольво». Ничто на свете не могло заставить Калле лежать на полу. Он должен был встать и посмотреть.

— Тот, который вел машину, и дядя Бьорк держат пистолеты наготове, — докладывал он Андерсу и Еве-Лотте. — Толстый комиссар дергает дверь. У-юй, как они схватились! Это Редиг, у него тоже пистолет. Трах! Дядя Бьорк ка-ак даст, он даже пистолет уронил. А вон дядя Эйнар, у него пистолета нет, он просто дерется, а теперь... а теперь они надевают наручники на этого типа и на Редига тоже. А где Противный? Вон они его вытаскивают. Он, кажется, без сознания. Ну до чего же здорово! А сейчас, представляете...

— Да замолчи ты, мы и сами не слепые! — раздался голос Андерса.

Битва была окончена. Дядя Эйнар и Бледный стояли перед комиссаром. Противный лежал рядом, на земле.

— А вы? — комиссар повернулся к дяде Эйнару. — Вы впервые подвизаетесь на этом поприще?

Дядя Эйнар опустил глаза.

— Да, — сказал он. Потом со злобой взглянул на Калле. — По крайней мере, раньше я не попадался. Я бы и сейчас вывернулся, если бы не этот знаменитый сыщик Блюмквист!

И он изобразил что-то, что должно было означать улыбку.

— А теперь посмотрим, где драгоценности. Сантесон, загляни в машину! Они там, наверное.

Да, железная коробка была там.

— У кого ключ? — спросил комиссар.

Дядя Эйнар неохотно отдал его. Все затаили дыхание.

— Ну-с, посмотрим, — сказал комиссар и повернул ключ. Коробка открылась.

Сверху лежал листок бумаги. Крупная надпись гласила: «Тайные бумаги Белой Розы». Комиссар разинул рот от удивления. То же самое сделали и остальные, включая дядю Эйнара и двоих его приятелей. Артур Берг с ненавистью взглянул на дядю Эйнара. Комиссар порылся в коробке, но, кроме бумаг, камешков и разной другой дребедени, ничего не обнаружил.

Первой прыснула Ева-Лотта. Ее громкий и озорной смех послужил сигналом для Калле и Андерса. Они тоже расхохотались. Друзья стонали от смеха и держались за животы.

— Ради всего святого, что это с ребятами? — воскликнул растерянный комиссар. Потом повернулся к Артуру Бергу: — Так, вы уже успели припрятать краденое. Ничего, мы из вас все вытрясем.

— Н-не н-надо ничего вытряхивать, — выдавил из себя Андерс, икая от смеха. — Я знаю, где оно, оно в нижнем ящике комода на чердаке.

— Но где же они это взяли? — комиссар показал на железную коробку.

— В верхнем ящике!

Ева-Лотта вдруг перестала смеяться и повалилась на край канавы.

— Смотрите, девчушка-то как будто в обмороке, — сказал Бьорк и поднял Еву-Лотту. — Ничего удивительного.

Ева-Лотта с трудом открыла голубые глаза:

— Конечно, ничего удивительного — я же за весь день съела только одну булку.

Вопросы и задания

1. Калле хотел быть детективом. Каких знаменитых детективов он вспоминал? Кого из них вы уже знаете по книгам, прочитанным самостоятельно?
2. С каким чувством написала Линдгрэн следующие строки: «Каникулы! Ни уроков, ни домашних заданий, только и дела, что поливать клубнику да следить, не появились ли по соседству преступники. Ни то, ни другое не было особенно затруднительным»? Почувствовали вы ее доброжелательную усмешку?

Вопросы и задания к книге

«Приключения Калле Блюмквиста»

- ▶ 1. Опишите героев книги «Приключения Калле Блюмквиста». Кто из них был организатором всех расследований и игр?
- 2. Какое письмо написал Калле в стокгольмскую полицию? Как он подписал свое письмо? Почему колебался, прежде чем поставить такую подпись?
- 3. Определите завязку этого произведения.
- 4. Назовите самые важные события в жизни друзей.
- 5. Что принесло победу юным следопытам?
- ▶ 1. Расскажите, какой была Ева-Лотта. Нравится ли вам эта веселая и смелая девочка?
- 2. Расскажите о Калле, называя не только его достоинства, но и недостатки.
- 3. Опишите эпизоды, которые показывают неопытность юных сыщиков.
- 4. Как, по вашему мнению, автор относится к своим героям?
- 5. Астрид Линдгрэн создала целую трилогию о Калле Блюмквисте. «Калле Блюмквист играет», «Калле Блюмквист рискует», «Калле Блюмквист и Расмус». Тот, кто эти книги прочел, может рассказать о любой из них одноклассникам.
- 6. Попробуйте сочинить еще одно «дело», которое раскрывает «замечательный детектив» Калле.

Сюжет и композиция художественного произведения

Вы помните, что композиция — это построение произведения. Ход событий, их связь между собой, развитие действия — это сюжет. Каждый сюжет начинается с какого-то события, с исходного эпизода, и его мы называем завязкой. Затем происходят все новые и новые события, и одно из них — самое важное, от него зависят судьбы героев. Этот самый важный момент называется кульминацией. Затем читатель узнает, чем завершились события. Эту часть произведения называют развязкой.

Многие любят детективы, которые нравятся потому, что читатель невольно становится соучастником захватывающих историй: вместе с сыщиком читатель раскрывает тайну. Проследите за тем, как развивается сюжет в книге А. Линдгрена «Приключения Калле Блумквиста».

«— Кровь! Никакого сомнения! — воскликнул он, внимательно разглядывая в лупу красное пятнышко...

Разумеется, это кровь. Что же еще может появиться, когда порежешь палец?»

Эти строки в начале повести могли показаться вам завязкой, но это не завязка, а экспозиция — описание места, обстановки, героев в начале произведения. Ведь это сам Калле обрезал палец.

Но вот происходит встреча, важная для сюжета:

«— Стойте! Там кто-то идет, — быстро зашептал Андерс.

Кто-то действительно шел. Он только что вышел из-за угла и быстрыми шагами направлялся к калитке

булочника. Это был высокий человек без шляпы, в сером костюме и с большим чемоданом в руке».

Может быть, именно здесь завязка?

Затем происходит много самых разных событий, в которых участвуют Калле, его друзья и этот герой. Одно из них можно считать кульминацией: связанный дядя Эйнар найден юными детективами в развалинах.

«В два прыжка Андерс взбежал по лестнице. Осталось только выскочить в дверь. Но в дверях кто-то стоял. Двое людей преградили ему дорогу. Один из них, с бледным лицом, держал в руках пистолет».

А вот и развязка:

«— Быстро выходите, пока они не вылезли! — крикнул Стенберг. — Ребята остаются здесь!»

В одно мгновение полицейские окружили разбитый «вольво»...»

Вопросы и задания

1. Что такое композиция?
2. Что такое сюжет, завязка, кульминация, развязка?
3. Найдите элементы сюжета в любом знакомом вам произведении.

Новая жизнь знакомых героев

Николай Степанович Гумилев

1886—1921

Многие писатели и поэты XX века любили открывать неизведанные страны, узнавать новое, получать яркие впечатления. Среди них К. Бальмонт, совершив-

ший кругосветное путешествие; И. Бунин, посетивший страны Востока — центры мировой цивилизации; Н. Гумилев, участвующий в археологической экспедиции в Африке. До сих пор в знаменитой кунсткамере (кабинете редкостей), основанной Петром I в Санкт-Петербурге, хранятся предметы, которые поэт привез из своих экспедиций. Кроме путешествий в далекие страны Н. Гумилев любил и путешествия в страну литературных героев.

Орел Синдбада

Следом за Синдбадом-мореходом
В чуждых странах я собирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же...
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,
Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью, —
В сердце гибель загоралась снами.
Я — как мальчик, схваченный любовью
К девушке, окутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенный взором,
Отлетая, распускает крылья.

Вопросы и задания

- ▶ 1. В каком произведении вы встречались с Синдбадом-мореходом?
- 2. В какой из сказок о Синдбаде появляется орел, о котором пишет поэт? Расскажите сюжет этой сказки.
- ▶ Каким вы представляете себе героя стихотворения? Опишите его.

Болеслав Лесьмян

1877—1937

Польский писатель Болеслав Лесьмян создал книгу «Новые приключения Синдбада-морехода», используя не только события сказок из книги «Тысяча и одна ночь», но и другие легенды разных веков и народов. Он ввел в книгу и необычного героя — Морского Дьявола, который активно мешает герою.

Новые приключения Синдбада-морехода

Приключение первое

...Капитан сказал, внимательно приглядываясь ко мне:

— Мне не раз говорили моряки, что Морские Дьяволы умеют читать и писать. До сих пор я не верил их рассказам. Теперь, однако, я воочию убедился, что утверждения моих моряков были правдивы.

Позволь мне прочитать это письмо, если оно, разумеется, не содержит каких-нибудь особенных тайн. Я был бы тебе безмерно признателен за это.

— Охотно удовлетворю твое любопытство, капитан, — ответил я, подавая ему письмо. — Это письмо принесла мне во рту Летучая Рыба, когда я сидел у открытого окна моего дворца.

Капитан прочитал письмо и позвал одного из старейших моряков.

— У меня в руке письмо Морского Дьявола, — обратился он к моряку. — Поскольку ты весьма опытен, скажи, что приносит появление такого письма на корабле — счастье или несчастье?

— Несчастье, — ответил моряк серьезно и мрачно.

— Что же тогда нам делать с этим письмом? — спросил капитан.

— Бросить его поскорее в море! — ответил моряк.

— Синдбад! — заговорил капитан. — Ты должен согласиться на то, чтобы расстаться с этим письмом.

— Я согласен, капитан! — ответил я тотчас. — Меня всю жизнь мучили бы угрызения совести, если бы я оказался невольным виновником чьего-либо несчастья.

Капитан бросил письмо в море. Оно, вместо того чтобы спокойно плыть по воде, начало укорачиваться, удлиняться, перескакивать с волны на волну, наконец сложилось вдвое, потом вчетверо и вдруг зашумело, зашелестело, превратилось в морскую пену и расплылось бесследно на поверхности волны. Моряк взглянул на меня исподлобья и угрюмо сказал:

— Если бы ты спрятал это письмо у себя, то погиб бы вместе со всей командой через несколько часов пути. Теперь же, после того как письмо брошено в море, тебя ждут приключения, несчастья, неожиданные случайности и непредвиденные опасности. Мне очень не нравится, что ты получаешь письма от Морского Дьявола, но допускаю, что ты неопытен и плохо разбираешься в Морских Дьяволах и их письмах.

Я ничего не ответил моряку, лишь взглянул на капитана, ожидая, что скажет он. Я чувствовал, что моряк глядит на меня недоверчиво и подозревает в каких-то тайных закулисных переговорах с Морским Дьяволом. Капитан тоже это заметил и сказал моряку:

— Не смотри так недоверчиво на этого юношу, я ручаюсь тебе за его невинность. Если бы он имел какие-нибудь злые намерения, он бы скрыл от нас это письмо. Он же признался мне сам со всей искренностью и прямоотой, что читает письмо Морского Дьявола, и повторил свое признание два раза кряду.

Успокоенный словами капитана, моряк удалился, но меж тем рассказал всей команде о том, что произошло. После этого все, кроме капитана, начали сторониться меня и избегать моего общества.

Я ни с кем не мог не только подружиться, но и завязать мимолетной беседы. Даже обед я получал отдельно, потому что команда потребовала полного устранения моей особы из совместной корабельной жизни. Я только слышал разговоры и смех за общим столом, но не имел права сесть вместе со всеми.

Капитан объяснил мне, что должен уступить требованиям команды, дабы не раздражать моряков...

Вдруг я услышал громкий и радостный крик моряков:

— Остров! Остров!

Я посмотрел вперед и действительно увидел вблизи зеленеющий на поверхности моря маленький островок. Корабль, движимый последними усилиями парусов, приблизился к острову и замер без движения. Не было никакой надежды, что он поплывет дальше. Морское Затишье овладело им полностью. Таким образом, нам пришлось стоять на месте и ждать хоть какого-нибудь ветра.

Часть команды, истомленная праздным ожиданием ветра на палубе, решила отправиться на остров, чтобы там скоротать время ожидания. Несколько моряков тотчас высадились и замелькали на берегу. Высадился и я, следуя их примеру, чтобы осмотреть остров. Ведь я впервые в жизни видел остров среди моря.

Когда я коснулся стопами земли, я был удивлен ее мягкостью и упругостью. У меня было такое ощущение, что земля эта живая и в ней неустанно пульсирует жизнь. Я приложил к ней ухо и услышал отзвук равномерного постукивания, похожего на биение сердца.

Поскольку моряки держались в отдалении от моря, я одиноко бродил по острову. Я ушел в самый его конец и остановился на берегу.

Остров был покрыт странными водорослями и кустами. Некоторые кусты сплелись в труднопроходимую чащу и были так высоки, что я с легкостью мог бы в них укрыться. Моряки запаслись хворостом, жердями и даже брусьями, которых в достатке было на корабле. Они разложили костер, чтобы печь картофель. Вскоре костер взметнул в небо веселое голубовато-золотистое пламя, над которым закудрявились живые клубы бурого дыма. Поскольку у меня не было дров и я не мог разложить костра, я достал из кармана дорожный нож и слегка погрузил его в землю, чтобы исследовать удивительную почву острова.

Едва лезвие моего ножа вонзилось в почву, как в лицо мне брызнула холодная, но пурпурная кровь.

Это явление меня озадачило. Я пришел к выводу, что некоторые острова, по всей вероятности, обладают кровянистой почвой. Между тем дым от костра валил все сильнее. Столб дыма, ничем не колеблемый, вздымался прямо в небо посреди Морского Затишья.

Я посмотрел в сторону костра и заметил, что почва острова, тронутая жаром пламени, начинает страдаль-

чески трещать и шипеть, как будто ее жарят или пекут живьем.

И действительно, запах жареной или печеной рыбы вдруг наполнил воздух.

Вскоре я обнаружил, что под влиянием жара весь остров начинает корчиться, шевелиться и колебаться в своих основах.

Вновь приложив ухо к земле, я услышал участившееся и более беспорядочное биение загадочного сердца, теперь похожее на беспокойные удары молота о наковальню.

Почва колыхалась подо мной, и вдруг я услышал голос капитана, стоявшего на носу корабля:

— Немедленно покинуть остров! Это не остров, а спина кита! Тело его погружается в море! Скорее, не то вы все утонете!

Услышав такое приказание, моряки в мгновение ока перебрались с предполагаемого острова на корабль. Тут с севера внезапно подул свежий ветер. Паруса наполнились, и корабль начал быстро отплывать.

Поскольку я был на противоположном конце огромного тела, покрытого водорослями, я не успел вместе с другими добежать до корабля. Несколько раз я крикнул, взывая о помощи, но никто меня не услышал. Может быть, порыв ветра заглушил звуки моего голоса, а может быть, моряки хотели от меня избавиться и делали вид, будто не слышат моих призывов. Капитана же на палубе не было. Возможно, он спустился в каюту...

Было, однако, уже поздно. Кит начал погружаться в море. Погружался он медленно. Но вот первая волна взбежала на его спину и наконец погасила костер.

Исстрадавшееся и обожженное тело кита с наслаждением отдыхало под моими стопами, чувствуя прохладу в том месте, где мгновение назад горел свирепый,

невыносимый костер. Кит все погружался. Сначала вода доходила мне до щиколоток, затем достигла пояса и плеч. Вот уже только голова моя торчала над поверхностью моря. Мне было ясно, что через миг меня ждет смерть в морской пучине. Я потерял было присутствие духа, но тотчас же снова его обрел.

Молнией блеснула в моей голове, еще торчавшей над водой, мысль ухватиться за один из брусьев, оставленных моряками на спине кита...

Так плыл я целый день, не видя перед собой никаких берегов, никаких земель. Ничего — только море и море, без конца, без края, без границ. Настала ночь. Небо потемнело, потемнела вокруг вода, в которой я находился, несомый слепой и неразумной силой. Вместо моря я видел теперь мрак, без конца, без края, без границ. Мне казалось, что уже не вода, а мрак вздымается подо мной, пенится, шипит, обнимает меня и уносит неведомо куда.

Я боялся, что буря швырнет меня на скалу или на подводный камень и разможжит мне голову, прежде чем я успею уразуметь, что со мной случилось. С ужасом и отчаянием ждал я рассвета. Моя душа и мои глаза жаждали хотя бы одного солнечного луча, который своим робким светом сулил бы наступление дня.

Уносясь по темным вспененным волнам, я мечтал об этом луче, об этом рассвете, об этом утре, которое засияет в небесах и рассеет окружающий мрак.

Наконец ночь миновала и засветился день.

Засветился робко зелено-золотым лучом на сером холодном облаке.

Море слегка посветлело. Глаза мои наполнились радостью — они наконец могли видеть то, на что смотрели. Надежда вошла мне в сердце. Я обнял крепче брус — единственного друга, единственного спутника

моей тоски и моего странствия. Ветер не стихал и все гнал меня в южную сторону.

Солнце показало из-за облака свой золотой краешек, потом половину диска, и наконец весь солнечный диск зазолотился на небе.

В это время глаза мои узрели вдали берега неведомого острова, заросшего огромными деревьями. Вид этих берегов развеселил мои глаза и мою душу.

Я почувствовал, как глубоко, как сердечно я люблю эти зеленые деревья и эти берега, которые есть частица матери земли, моей родительницы.

Ветер гнал меня прямо к этим берегам, к этим деревьям, к этой зелени. Я приближался к острову с молниеносной быстротой. Не более получаса минуло с того времени, как я увидел остров, и вот я уже достиг его берегов. Через мгновение брус одним концом ударился в берег. Я схватился за куст, который свисал над водой, и выбрался из моря на остров.

Радость моя не знала границ. Я упал на колени и склонил голову к благоуханной земле, твердой земле, поверхность которой чувствовал наконец под собой.

Поцеловав эту землю, я встал, чтобы оглядеться вокруг.

На берегу дикого и пустынного острова я увидел множество прекрасных коней. Одни бегали с развевающимися гривами, другие паслись на буйной траве, третьи стояли вместе, гордо вознося головы и глядя на меня глазами, полными удивления. Я, в свою очередь, с удивлением смотрел на них. Ибо не понимал причины их присутствия на этом диком и пустынном с виду острове.

Меня мучил голод, и я двинулся в глубь острова в надежде, что мне удастся найти кокосов или бананов. Пройдя некоторое расстояние, я обнаружил грот. Внутри этого грота сидело несколько богато одетых людей.

Они заметили меня и выбежали из грота.

— Стой! — закричал один из них. — Откуда ты и куда идешь?

— Иду я с моря, — ответил я, — а куда иду... не знаю.

— Ты, вероятно, чужеземец?

— Да, я чужеземец. Зовут меня Синдбад. Я только что избежал смерти, которая грозила мне целый день и целую ночь. Если хотите, я расскажу вам, что со мной произошло.

— Расскажи! — закричали все хором. — Мы страстно любим всякие рассказы, но можем слушать тебя только до пяти минут четвертого. Так что в твоём распоряжении два часа пять минут.

— Вполне достаточно! — отвечал я и начал рассказывать им по порядку все, что пережил со времени отплытия из Балсоры.

Они слушали внимательно, дивясь моим приключениям.

Когда я закончил повествование, они пригласили меня в грот и великолепно накормили.

Один из них обратился ко мне с такими словами:

— Мы конюшие короля Миража, властителя этого острова, а также многих соседних островов. Каждый год мы проводим здесь один день вместе с тысячью королевских коней. Если бы ты опоздал на один день, ты уже не застал бы нас, так как завтра чуть свет мы возвращаемся в столицу. Дороги на этом острове так запутаны и таинственны, что без нашей помощи ты бы непременно заблудился и погиб от голода.

— Ровно три! — неожиданно крикнул другой конюший, прерывая первого.

— У нас только пять минут времени, — сказал первый и, обращаясь ко мне, продолжал: — В три часа пять минут из моря выныривает Морской Конь. Выйдя

на берег, он начинает красоваться плясом, скоком, рысью, галопом, иноходью. Королевские кони приглядываются к этому плясу, скоку и прочему и, невольно подражая, перенимают изящные движения. Таким способом мы обучаем королевских коней. Однако Морской Конь по окончании своих плясов и скоков бросается на наших коней, чтобы пожрать их. Тогда мы пугаем его криком, от которого он уходит назад в море. Если хочешь понаблюдать за этим явлением, идем с нами на берег, куда мы все сейчас отправляемся.

Я охотно согласился и пошел вместе с ними...

Мы переночевали в гроте вместе с конями, а утром чуть свет отправились в путь к городу.

Это была путаная дорога, терявшаяся в оврагах и чащах, трудная для неопытного человека. Когда мы приближались к стенам города, конюшие вдруг приостановились, и один из них сказал мне так:

— Мы проявили по отношению к тебе гостеприимство и радушие. Не отказали тебе ни в хлебе, ни в ночлеге, ни в помощи. Ты даже не догадываешься, какая опасность грозила тебе с нашей стороны. Ведь по приказу короля Миража мы обязаны убивать каждого, кто осмелится проникнуть на берег острова, в то место, где королевские кони учатся пляскам у Морского Коня. Доступ туда запрещен под страхом смерти. Никому, кроме нас, нельзя касаться стопами этого места. Да и мы имеем право лишь раз в году побывать на том берегу. Король Мираж хранит в строгой тайне существование Морского Коня и его чудесное влияние на королевских скакунов. Все подданные дивятся их танцевальным навыкам, но никто не знает, что это всего лишь подражание пляскам Морского Коня. Никто и не подозревает, что в глубине волн у побережья этого острова скрывается удивительное зеленогривое и зелено-

глазое существо, которое зовут Морским Конем. Удача и случай привели тебя на берег этого острова. В первую минуту у нас было намерение заколоть тебя как непрошеного гостя и свидетеля королевской тайны. Но нас взволновало твое повествование, и мы поступили наперекор приказу короля Миража. Мы даровали тебе жизнь, которой должны были тебя лишить. Нам грозит смерть за нарушение королевского приказа. Так что мы, в свою очередь, просим тебя о сохранении в тайне нашего поступка. Никому не говори о том, что произошло. Сами мы сейчас войдем в город, а ты задержись под его стенами. Стой терпеливо и жди, пока мы не удалимся. Только после этого войди в город как одинокий путник. Если ты когда-нибудь встретишь нас на улице, делай вид, что ты нас не знаешь, и не приветствуй нас поклоном.

— Можете быть спокойны, я исполню вашу просьбу и сохраню все в тайне, — отвечал я взволнованно и по очереди пожал их сильные широкие ладони.

Тогда они спокойно пошли дальше, гоня перед собой коней, которые все еще приплясывали, одержимые воспоминаниями и чарами Морского Коня. Я терпеливо стоял на месте, покуда они не скрылись из глаз.

Убедившись, что они достаточно далеко, я вошел в город как одинокий путник.

Вид этого города наполнил меня изумлением. Мостовые, кирпичи домов, кровли, окна — все было зеленое, цвета морской волны. Мне казалось, будто я смотрю на мир через зеленое стекло.

Минуя улицу за улицей, я вышел на обширную площадь. На ней стояли толпы народа. Я смешался с толпой и через плечи собравшихся глядел на середину площади.

Там стоял золотой трон. На троне сидел сам король Мираж в зеленом одеянии и с зеленой булавой в руке.

Я повернулся к одному из моих соседей и спросил, что означает все это сборище вокруг королевского трона.

— Ты, верно, чужеземец, — отвечал сосед, — потому и не знаешь о том, что сегодня именины короля Миража. Король постановил отдать в этот день свою дочь замуж за того, кто разгадает его таинственную загадку. Каждый год в день королевских именин устраивают этот праздник, но до сих пор никто не смог разгадать загадку. Смотри внимательно! Сейчас явится прекрасная Пируза, чтобы сесть подле короля и ждать отгадки. Она давно горит желанием выйти замуж и таит обиду на всех этих рыцарей, которые не могут разгадать загадку. Пируза уже потеряла надежду, что кто-нибудь когда-нибудь отгадает королевскую загадку. То-то она с презрением поглядывает на толпу, роящуюся вокруг трона.

Мой сосед умолк, а я снова поглядел на площадь.

Как раз в этот момент возле золотого трона установили другой, серебряный, и прекрасная Пируза приблизилась к серебряному трону. Она с презрением взглянула на толпу и села на трон. Презрение ее было так велико, что пристыженные рыцари опустили глаза. Ни один из них не был уверен в собственной сообразительности, хотя у каждого были чистые намерения — отгадать загадку и завладеть рукой прекрасной королевны.

Король Мираж поднялся с трона и, взглянув на собравшихся, сказал громким голосом:

— Итак, на три вопроса требуются три правильных ответа.

Вопрос первый:

Какая погода, опричь непогоды,
Приносит несчастья, урон и невзгоды?

Вопрос второй:

Кто учит других превосходно плясать

Затем, чтоб их было удобно пожрать?

Вопрос третий:

Кто письма успешно средь волн сочиняет

И, будучи дьяволом, пекла не знает?..

Сердце забилось сильнее у меня в груди. Я почувствовал, что в одно мгновение могу получить прекрасную Пирузу и полкоролевства! Ответы на три королевских вопроса были мне даже слишком известны благодаря моим приключениям. Мне достаточно было громко произнести их перед королем, чтобы получить руку прекрасной Пирузы и завладеть половиной королевства. Я пробрался сквозь толпу и смело приблизился к трону.

Взоры всех присутствующих обратились ко мне. На меня посмотрел король и посмотрела прекрасная Пируза. Воцарилась полная тишина. Все замерли в ожидании.

Я поклонился и нарушил тишину.

— Король, — сказал я, — мне удалось отгадать твою загадку. Могу ответить тебе на три твоих вопроса!

— Отвечай, — молвил король.

Прекрасная Пируза усмехнулась, я же продолжал:

— Вопрос первый: «Какая погода, oprичь непогоды, приносит несчастье, урон и невзгоды?» — Морское Затишье.

— Угадал, — молвил король.

Прекрасная Пируза взглянула на меня внимательно, я же продолжал:

— Вопрос второй: «Кто учит других превосходно плясать затем, чтоб их было удобно пожрать?» — Морской Конь.

— Угадал, — повторил король.

Прекрасная Пируза посмотрела на меня с восхищением и благодарностью, я же продолжал:

— Вопрос третий: «Кто письма успешно среди волн сочиняет и, будучи дьяволом, пекла не знает?» — Морской Дьявол.

— Угадал, — снова повторил король.

Прекрасная Пируза протянула ко мне обе руки и прошептала:

— Наконец-то!

— Как твое имя? — спросил король.

— Синдбад! — отвечал я.

— Хиндбад! — воскликнул король. — Ты мудрейший из всех людей на свете. Я благословляю судьбу за то, что она предназначила тебя в супруги моей дочери! Ты отгадал загадку, чего до сих пор никто не сумел сделать. Я сочинил ее сам, так как сочинение загадок — любимейшее мое занятие. Однако много легче сочинить загадку, нежели ее отгадать. А теперь пойдем вместе с нами во дворец, ибо прекрасная Пируза должна присмотреться к своему будущему мужу. Вы будете проводить время в беседах. Нынешний день я отвожу на то, чтобы вы могли поближе узнать друг друга. Завтрашний — на то, чтобы могли привыкнуть друг к другу. Послезавтра же весело справим вашу свадьбу!

Сказав это, король Мираж пошел вперед, в сторону дворца. Я и Пируза пустились вслед за ним, сопровождаемые толпой дворян и рыцарей, которые поглядывали на меня с восхищением и завистью.

Вопросы и задания

- ▶ 1. Опишите пребывание героя на мнимом острове. Чем оно напоминает и чем отличается от рассказа Шахерезады?
- 2. Говорят, что среди моряков существует предание о злодеяниях Морского Дьявола. Чем было вызвано появление таких преданий?

3. Какую роль в развитии сюжета играет письмо Морского Дьявола?
4. Как Синдбаду удалось спастись от гибели?
5. Почему Синдбад победил в состязании женихов?

- 1. Расскажите, каким вам представляется Синдбад в «Новых приключениях». Чем он отличается от героя арабских сказок?
2. Попробуйте вспомнить, не встречались ли вам и другие знакомые герои в новых книгах. Расскажите об их приключениях своим друзьям.

Итоговые вопросы и задания к теме «Путешествия и приключения»

- 1. Какую книгу о путешествиях или приключениях, прочитанную ранее, вы хорошо помните до сих пор? Назовите ее героев и кратко перескажите сюжет, но так, чтобы тем, кто вас будет слушать, захотелось ее прочесть.
2. Есть ли у вас любимый герой приключенческой литературы? Кто он и почему вы испытываете к нему симпатию?
3. Как вы понимаете смысл слова «робинзоада»? Какие произведения о человеке, встретившемся один на один с природой, вы прочли в учебнике-хрестоматии?
- 1. Попробуйте придумать приключение, которое могло произойти с одним из героев хорошо вам знакомого произведения. Начните с названия своего рассказа, которое бы раскрывало ваш замысел. Например: «Новые приключения Руслана».
2. Напишите короткий рассказ о самом интересном приключении в вашей жизни.
3. Дефо написал несколько книг о других путешествиях Робинзона. Все они были не так популярны, как первая книга. Они сейчас переиздаются. Вы можете прочесть даже о его путешествии по... России. Если вам удастся познакомиться с этой книгой, подготовьте краткий пересказ для одноклассников.

Итоговые вопросы и задания к курсу литературы в 5 классе

- 1. С какими новыми авторами и произведениями вы встретились в 5 классе?
- 2. Какое из прочитанных в этом году произведений вы считаете наиболее интересным?
- 3. Сюжет какого произведения показался вам самым привлекательным? Вспомните его завязку, кульминацию и развязку.
- 4. В каком из прочитанных в этом году произведений самая необычная развязка?
- 1. В художественном произведении может быть несколько кульминаций. Как это объяснить?
- 2. Назовите кульминацию сказки «Снежная королева».
- 3. Почему в лирических произведениях редко встречается сюжет?
- 4. Может ли быть прозаический текст бессюжетным?

Читайте летом

Летом обязательно прочтите те книги, которые вам посоветует учитель, и те, что найдете сами. Пусть они останутся у вас в памяти так, как у поэтессы М. Цветаевой остались книги Марка Твена.

Марина Ивановна Цветаева

1892—1941

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.

Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
— Уж поздно! — Мама, десять строк!..
Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!

Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.

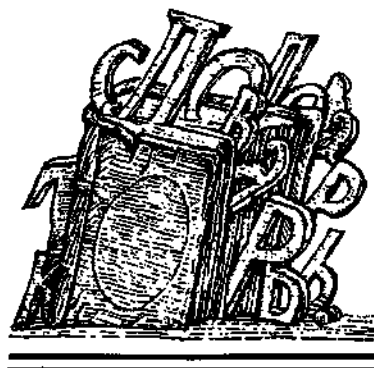
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...

Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит через кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.

Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»

Ушел во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы...
— О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?

О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

Краткий словарь литературоведческих терминов

Автобиография (от греческих — *я, жизнь, пишу*) — описание своей жизни.

Аллегория (от греческих — *иной, говорю*) — иносказание. Троп, где конкретное изображение человека, предмета или явления скрывает абстрактное понятие или мысль.

Анекдот (от греческого — *неизданный*) — жанр фольклора, короткий устный рассказ с остроумной концовкой.

Афиша — список действующих лиц и исполнителей в пьесе.

Афоризм (от греческого — *определение*) — краткое изречение, выражающее глубокую мысль. Афоризм отличается от пословиц и поговорок тем, что имеет автора.

Басня — эпический жанр, небольшое повествовательное произведение в стихах, реже в прозе. События и герои в басне изображаются иносказательно. В басне есть *мораль* — вывод, к которому автор старательно направляет внимание читателя. Иногда мораль не высказана, она только предполагается — и тогда читатель сам догадывается, что хотел сказать автор.

Былина (от русского — *быль, бывшее в действительности*) — жанр фольклора, эпическая песня-сказание о богатырях и народных героях.

Вымысел художественный — одна из важнейших особенностей художественного творчества, связанная со способностью писателя представить, вообразить то, что могло бы быть в действительности.

Гипéрбола (от греческого — *преувеличение*) — троп, художественное преувеличение, суть которого заключается в усилении художественного впечатления.

Дéйствие, акт или сцéна — законченные части драматического произведения (пьесы) или спектакля.

Диалóг (от греческого — *беседа*) — разговор двух лиц. В художественном произведении в диалоге раскрываются характеры и происходящие события.

Дра́ма (от греческого — *действие*) — род литературы. Обычно драмой, драматическим произведением называют литературное произведение, предназначенное для сценического воплощения. Драматические произведения бывают различных жанров: *драма, комедия, трагедия, водевиль* и др.

Жанр (от французского — *род, вид*). Жанры бывают эпические, лирические и драматические.

К *эпическим* жанрам относятся эпopeя, былина, сказка, поэма, баллада, повесть, рассказ, роман, басня, очерк.

К *лирическим* жанрам относятся песня, стихотворение, эпиграмма и др.

К *драматическим* жанрам относятся комедия, драма, водевиль, драматические сцены и др.

Завя́зка — элемент сюжета, начальный момент в развитии событий, изображенных в художественном произведении.

Зага́дка — жанр фольклора. Представляет собой вопрос или задание, которое требует решения, разгадки. Часто используется в сказках для проверки смекалки героев.

За́мысел — начало творческого процесса, самый первый этап в создании будущего произведения.

Зачи́н (запев) — начало в произведениях устного народного творчества, часто постоянная формула.

Звукоподража́ние — художественный прием, при котором создается ощущение реального мира (шум деревьев, плеск волны и т. д.). Такой эффект достигается определенным подбором звуков в словах.

Иде́я (от греческого — *понятие, представление*) — главная мысль произведения.

Инсцениро́вка (от латинского — *на сцене*) — переработка литературного произведения для сцены.

Интерье́р (от французского — *внутренний*) — художественное описание внутреннего убранства помещения.

- Интонáция** (от латинского — *громко произносить*) — основное выразительное свойство звучащей речи, манера говорить. Интонация бывает вопросительная, восклицательная, повествовательная, ироническая, торжественная, гневная и т. д.
- Ирб́ния** (от греческого — *скрытая насмешка*) — скрытая насмешка, замаскированное осмеяние. Часто употребление слова в противоположном значении.
- Иску́ство** — отражение окружающей нас жизни в художественных образах.
- Классика** (от латинского — *образцовый*) — литературные произведения писателей и поэтов, признанные лучшими в мировой литературе.
- Коме́дия** (от греческих — *веселая толпа, песнь*) — драматический жанр, изображающий такие события и характеры, которые вызывают смех.
- Коми́ческое** (от греческого — *смешное*) — то, что вызывает смех в жизни и в искусстве.
- Комментáрий** (от латинского — *объяснение*) — толкование, разъяснение смысла какого-либо произведения, отдельных фраз, цитат и т. п.
- Компози́ция** (от латинского — *сопоставление*) — построение художественного произведения.
- Конфли́кт** (от латинского — *столкновение*) — столкновение, противоборство людей, которое содержится в сюжете литературного произведения.
- Концо́вка** — заключительная часть художественного произведения; в фольклоре — нередко устойчивая формула.
- Кульмина́ция** (от латинского — *вершина*) — элемент сюжета, высшее напряжение действия, решающее событие в художественном произведении.
- Ли́рика** (от греческого — *лира, музыкальный инструмент, под звуки которого исполнялись стихи, песни*) — род литературы, отражающий переживания, чувства и мысли автора в связи с жизненными впечатлениями, чаще всего в стихотворной форме.
- Лири́ческая про́за** — прозаическое произведение, передающее, главным образом, чувства и настроения автора.
- Литерату́ра худо́жественная** (от латинского — *буква, письменность*) — вид искусства, отличительной чертой которого является отражение действительности при помощи слова.

- Литота** (от греческого — *простота*) — художественное уменьшение тех или иных качеств героя произведения.
- Метафора** (от греческого — *перенос*) — троп, неназванное сходство одного предмета или явления с другим.
- Миф** (от греческого — *слово, речь*) — предание, передающее представление древних народов о происхождении мира.
- Мифология** — совокупность мифов, созданных народами мира; наука, изучающая мифы.
- Монолог** (от греческих — *один, слово*) — развернутое высказывание одного лица.
- Олицетворение** — троп, перенос свойств человека на неодушевленные предметы.
- Описание** — представление о том, какие предметы, люди, животные изображены в произведении.
- Очерк** — эпический жанр, повествование в котором основано на подлинных фактах. Очерком может быть портрет, описание поездки, сценка, которую увидел автор.
- Парадокс** (от греческого — *неожиданный, странный*) — необычное событие или явление, которое противоречит общепринятым представлениям.
- Пейзаж** (от французского — *местность, страна*) — в художественном произведении описание природы, которое помогает представить места, где происходят события, и лучше понять героев и их поступки.
- Персонаж** (от латинского — *персона*) — действующее лицо художественного произведения.
- Песня** (песнь) — 1) небольшое лирическое произведение, предназначенное для пения, бывает фольклорная (народная) и авторская; 2) часть большого стихотворного произведения.
- Повествование** — рассказ о событиях, действиях, поступках.
- Повесть** — эпический жанр, художественное произведение в котором изображаются события, отражающие целый период в жизни героя.
- Поговорка** — жанр фольклора, вошедшее в нашу речь меткое образное выражение.
- Полилог** (от греческих — *много, слово*) — разговор нескольких лиц.
- Портрет** (от французского — *изображение*) — описание внешности персонажа в литературном произведении.

- Послѳвица** — жанр фольклора, краткое изречение, в котором содержится законченная мысль, в художественной форме передающая оценку определенного явления, события.
- Постоянный эпитет** — троп, используемый в фольклоре, устойчивое определение какого-либо предмета.
- Притча** — эпический жанр, на основе иносказания раскрывающий смысл какой-либо философской или нравственной проблемы.
- Пролѳг** (от греческих — *перед*, *слово*) — вводная часть художественного произведения, содержащая рассказ о событиях, предшествовавших основному повествованию.
- Прототип** — реальное лицо, послужившее основой для создания образа героя произведения.
- Псевдоним** (от греческих — *вымысел*, *ложь*, *имя*) — вымышленные имя и фамилия, которые заменяют подлинные.
- Пьеса** (от французского — *часть*) — общее название для драматических произведений: комедии, драмы, водевиля и др.
- Развязка** — элемент сюжета, заключительный момент в развитии действия художественного произведения.
- Размер стихотворный** — число и порядок чередования ударных и безударных слогов в стихе.
- Рассказ** — эпический жанр; художественное произведение небольшого размера, посвященное обычно отдельному событию в жизни героя.
- Рассуждение** — последовательный ряд умозаключений о причинах явлений и событий, их взаимосвязи.
- Ремарка** (от французского — *отмечать*) — авторские комментарии, замечания и рекомендации.
- Реплика** (от французского — *возражение*) — краткое высказывание в диалоге, беседе.
- Рецензия** (от латинского — *рассмотрение*) — отзыв о произведении, его письменная оценка.
- Ритм стихотворный** (от греческого — *такт*) — повторяемость чередующихся ударных и безударных слогов. Такое чередование придает стихотворной речи особую организованность, особое звучание. Ритм — основа стиха.
- Риторический вопрос** — утверждение в виде вопроса.
- Рифма** (от греческого — *соразмерность*) — совпадение звуков в конце строк.

- Роман** — эпический жанр; художественное произведение, в котором принимают участие множество действующих лиц, жизненные явления и судьбы людей показаны в развитии.
- Сати́ра** (от латинского — насмешливый полубог древних греков) — вид комического, наиболее беспощадно высмеивающий человеческие пороки.
- Скази́тель** — исполнитель былин.
- Ска́зка** — эпический жанр, художественное повествование фантастического характера. Сказки бывают *фольклорные* (народные) и *литературные* (авторские).
- Сравни́ение** — троп, определение одного предмета при помощи его сопоставления с другим.
- Стих** (от греческого — *ряд*) — 1) название стихотворной речи; 2) стихотворная строка.
- Стихотворе́ние** — лирический жанр, небольшое произведение, написанное в стихотворной форме.
- Стопа́** — сочетание ударного слога с безударными в стихотворной строке.
- Строфа́** (от греческого — *оборот*) — часть стихотворения, объединенная в единое целое ритмом, рифмой, содержанием.
- Сюже́т** (от французского — *предмет*) — основные события художественного повествования. Элементы сюжета — *завязка*, *развитие действия*, *кульминация* и *развязка*.
- Те́ма** (от греческого — *то, что положено в основу*) — круг жизненных явлений, которые отобрал писатель для своего произведения, то, что положено в основу художественного произведения.
- Троп** (от греческого — *оборот*) — употребление слова в переносном значении. К тропам относятся *метафора*, *эпитет*, *сравнение*, *ирония*, *аллегория*, *гипербола* и др.
- Фанта́стика** (от греческого — *воображение*) — мир причудливых образов, рожденных воображением на основе фактов реальной жизни.
- Фольклóр** (от английского — *народная мудрость*) — устное народное творчество.
- Фольклори́стика** — наука, изучающая фольклор.
- Фэ́нтези** — один из видов эпических произведений, близких к сказке и к научной фантастике, который появился и стал популярным в XX веке.

- Хорей** — двусложный стихотворный размер с ударением на первом слоге.
- Художественные средства** — приемы, которые делают художественную речь ярче и выразительней (см. Троп).
- Частушка** — жанр фольклора, короткая, обычно из четырех строчек песенка — быстрый поэтический отклик на злободневные события.
- Эзопов язык** — язык, нарочито маскирующий подлинные мысли автора. По имени фригийского раба Эзопа, который считается создателем жанра басни.
- Экранизация** — кино- или телефильм, созданный на основе художественного произведения.
- Экспозиция** (от латинского — *изложение*) — описание места, обстановки, героев в начале произведения.
- Эпизод** (от греческого — *приходящий, посторонний*) — завершенная часть художественного произведения, в которой изображается законченное событие или важный в судьбе персонажа момент.
- Эпилóg** (от греческих — *после, слово*) — заключительная часть художественного произведения, в котором рассказывается, что произошло с героями после изображенных в произведении событий.
- Эпитет** (от греческого — *приложение*) — троп, слово, определяющее предмет или явление и подчеркивающее его качества, свойства, особенности.
- Эпос** (от греческого — *слово*) — род литературы, в котором повествуется о событиях и героях. Среди трех родов литературы (эпос, лирика, драма) именно эпос отличается наибольшей полнотой и подробностью изображения.
- Юмор** (от латинского — *влага*) — вид комического, добрая форма насмешки, где смешное высказывается с верой в добро и справедливость.
- Ямб** — двусложный стихотворный размер с ударением на втором слоге.

Содержание

ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

Связь веков	4
И. А. Бунин. 26-е мая	4
А. А. Ахматова. В Царском Селе.	5
В. А. Рождественский. Памятник юноше Пушкину. .	6
Литературные сказки XIX—XX веков	8
Х. К. Андерсен. Снежная королева.	
<i>В сокращении. Перевод А. Ганзен.</i>	8
К. Г. Паустовский. Рождение сказки	41
А. П. Платонов. Волшебное кольцо.	43
Дж. Родари. Сказки по телефону	58
В. В. Набоков. Аня в Стране чудес.	
<i>Главы первая и третья</i>	66
Дж. Р. Р. Толкиен. Хоббит, или Туда и обратно.	
<i>Глава шестая. Перевод Н. Рахмановой</i>	83
Проза русских писателей XX столетия.	105
И. С. Шмелев. Как я встречался с Чеховым.	
За карасями	105
Е. И. Замятин. Огненное «А»	113
А. И. Куприн. Мой полет.	116

Поэтический образ Родины	121
А. А. Блок. На лугу. Ворона	121
И. А. Бунин. Сказка	122
К. Д. Бальмонт. Снежинка. Фейные сказки	123
С. А. Есенин. Пороша. Черемуха	126
М. М. Пришвин. Времена года. <i>Отрывки</i>	128
Н. А. Заболоцкий. Оттепель	130
Д. Б. Кедрин. «Скинуло кафтан зеленый лето...»	131
Н. М. Рубцов. В горнице	132
Мир наших братьев меньших	133
С. А. Есенин. Песнь о собаке	133
В. В. Маяковский. Хорошее отношение к лошадям	135
Героическое прошлое России	137
А. И. Фатьянов. Соловьи	137
А. Т. Твардовский. Я убит подо Ржевом... <i>В сокращении</i>	138
А. А. Ахматова. Мужество	140
Р. Г. Гамзатов. Журавли. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	140
Современная литература	142
В. П. Астафьев. Васюткино озеро	142
Т. Янссон. Последний в мире дракон. <i>В сокращении. Перевод А. Фредерикс</i>	175

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Покорение пространства и времени	186
Д. Дефо. Робинзон Крузо. <i>Глава шестая.</i> <i>Пересказ К. Чуковского</i>	186
Р. Э. Распэ. Приключения барона Мюнхгаузена. <i>Пересказ К. Чуковского</i>	200
М. Твен. Приключения Тома Сойера. <i>Глава первая.</i> <i>Перевод К. Чуковского</i>	203

А. Линдгрэн. Приключения Калле Блумквиста. Фрагменты из глав. Перевод Н. Городинской и Л. Брауде	214
Сюжет и композиция художественного произведения	225
Новая жизнь знакомых героев	226
Н. С. Гумилев. Орел Синдбада.	226
В. Лесьмян. Новые приключения Синдбада-морехода. Приключение первое. Перевод Ю. Вронского ..	228
Читайте летом	243
М. И. Цветаева. Книги в красном переплете	243
Краткий словарь литературоведческих терминов.	245

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

5 класс

В двух частях

Часть 2

Автор-составитель

Курдюмова Тамара Федоровна

Зав. редакцией А. В. Чубуков

Ответственный редактор И. И. Дудина

Редактор Н. В. Сечина

Внешнее оформление Т. Е. Добровинская-Владимирова

Макет Б. С. Казаков

Технический редактор Н. И. Герасимова

Компьютерная верстка С. Л. Мамедова, Е. Ю. Пучкова

Корректор Е. Е. Никулина

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.010360.06.10 от 29.06.2010.
Подписано в печать 17.02.11. Формат 70 × 90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,0 – 1,0 печ. л. цв. вкл. Тираж 15 000 экз. Заказ № 28208 ш. го.
ООО «Дрофа». 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

**Предложения и замечания по содержанию и оформлению книги
просим направлять в редакцию общего образования
издательства «Дрофа»: 127018, Москва, а/я 79.
Тел.: (495) 795-05-41. E-mail: chief@drofa.ru**

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:
127018, Москва, Сушеvский вал, 49.
Тел.: (495) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (495) 795-05-52.**

**Торговый дом «Школьник».
109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.
Тел.: (495) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.**

**Сеть магазинов «Переизлетные птицы».
Тел.: (495) 912-45-76.**

Интернет-магазин: <http://www.drofa.ru>

**Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
211020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.**

В садах Лицея.
Художник Н. Кузьмин

Царское Село.
Вид Садовой улицы и Лицея.
Художник А. Мартынов

Х. К. Андерсен

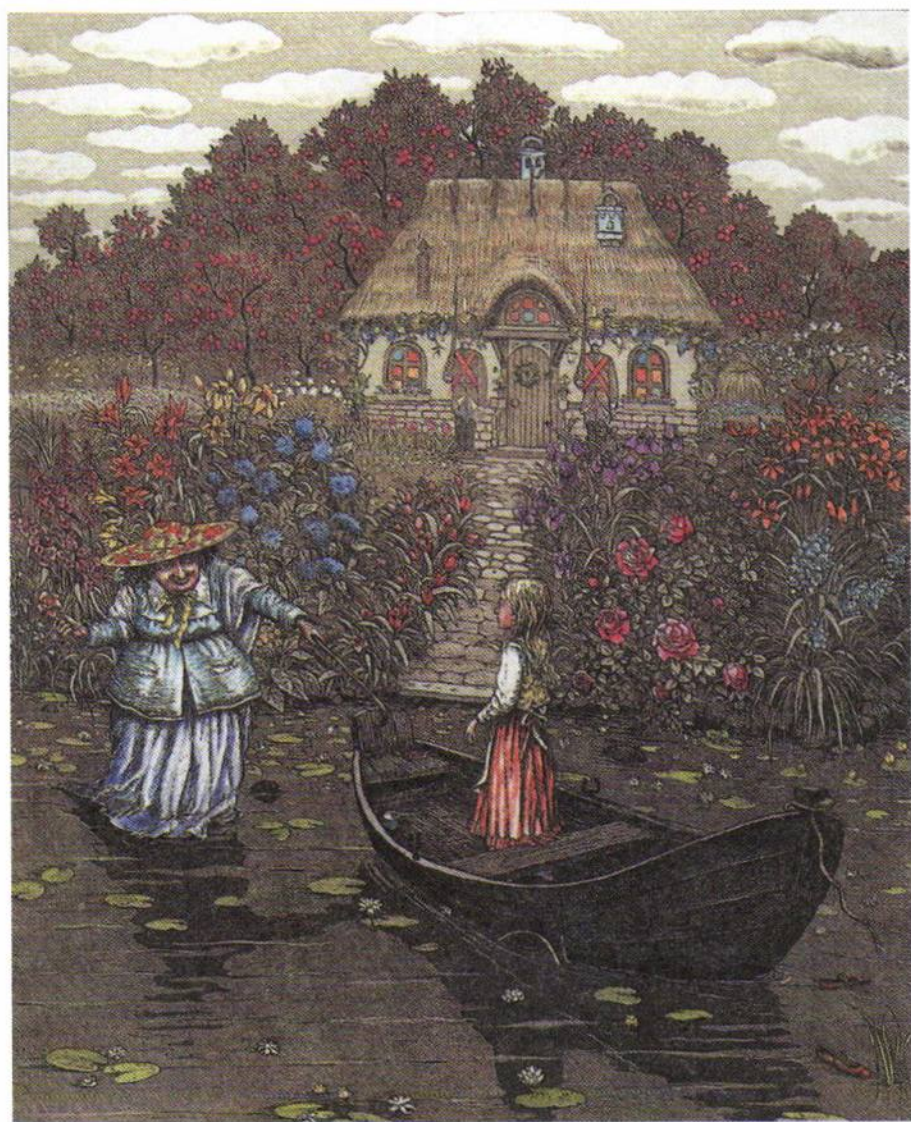
Дом, в котором родился Х. К. Андерсен. Художник А. Кокорин

Х. К. Андерсен. «Снежная королева». Художник В. Пивоваров

Х. К. Андерсен. «Снежная королева». Художник Н. Гольц

Х. К. Андерсен. «Снежная королева». Художник Б. Диодоров

Льюис Кэрролл

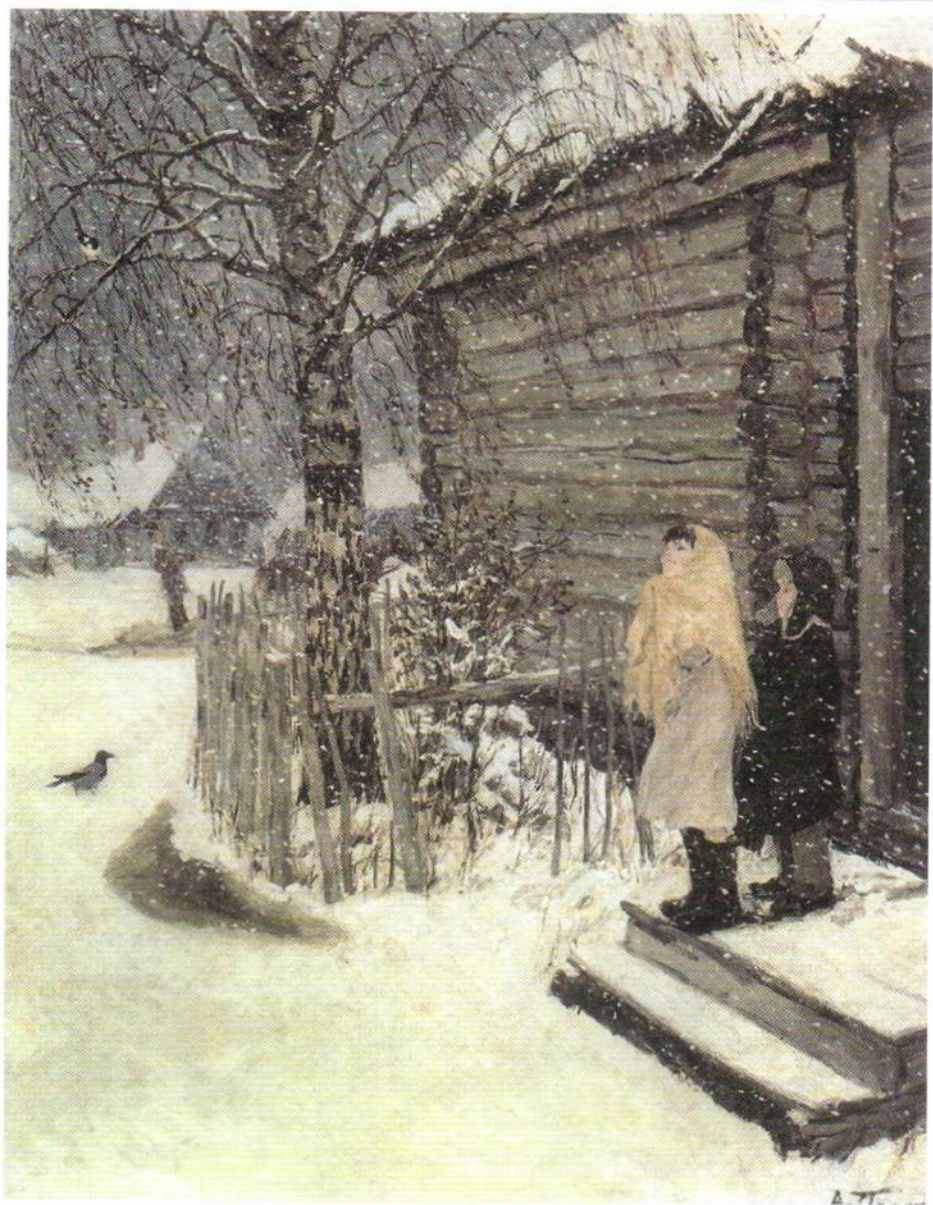

Ж

Льюис Кэрролл. «Алиса в Стране чудес».
Художник Дж. Тенниел

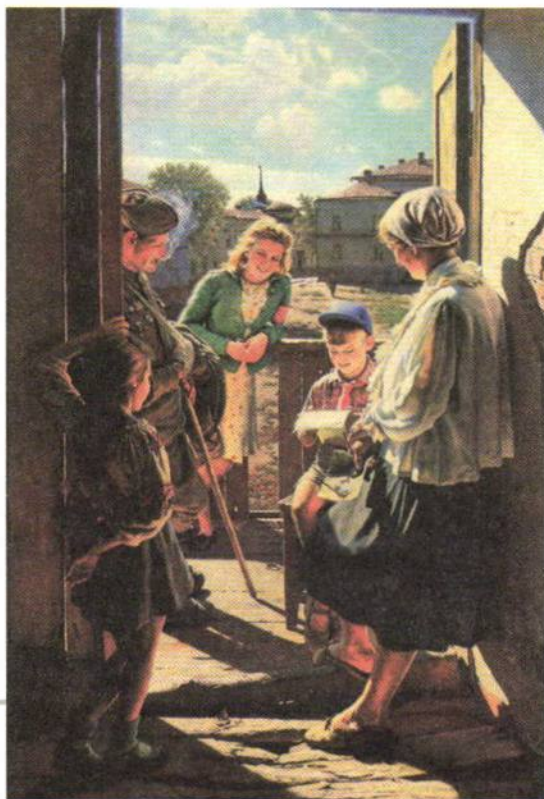
Первый снег. Художник А. Пластов

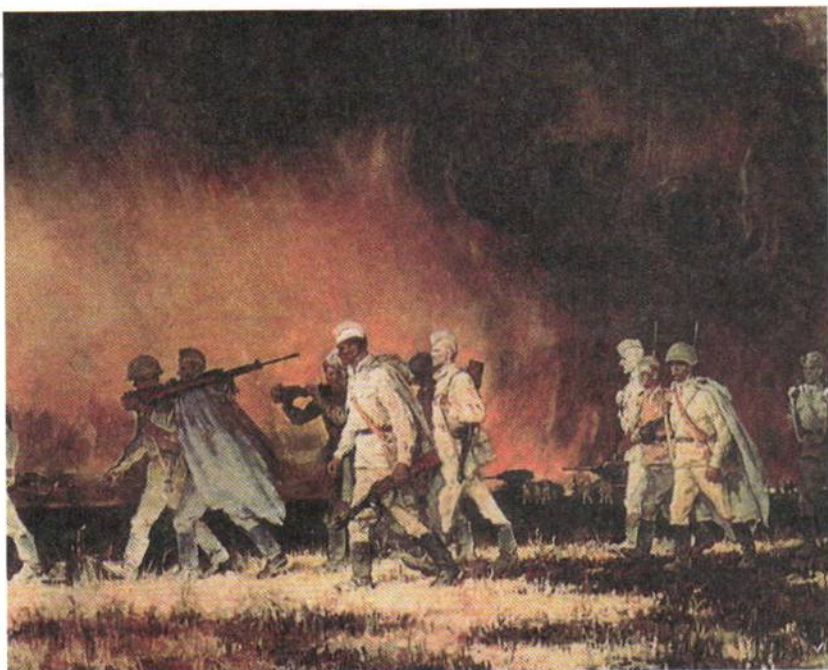
Летом. Художник А. Пластов

Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года.
Художник А. Дейнека

Письмо с фронта.
Художник
А. Лактионов

«Вот солдаты идут...» Художник Ю. Непринцев

Победа. Художник П. Кривоногов

Даниэль Дефо

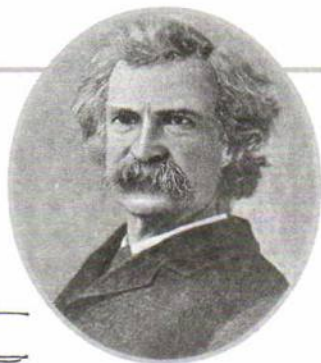

«Робинзон Крузо». Художник Ж. Гранвиль

«Робинзон Крузо». Художник Ж. Гранвиль

Марк Твен

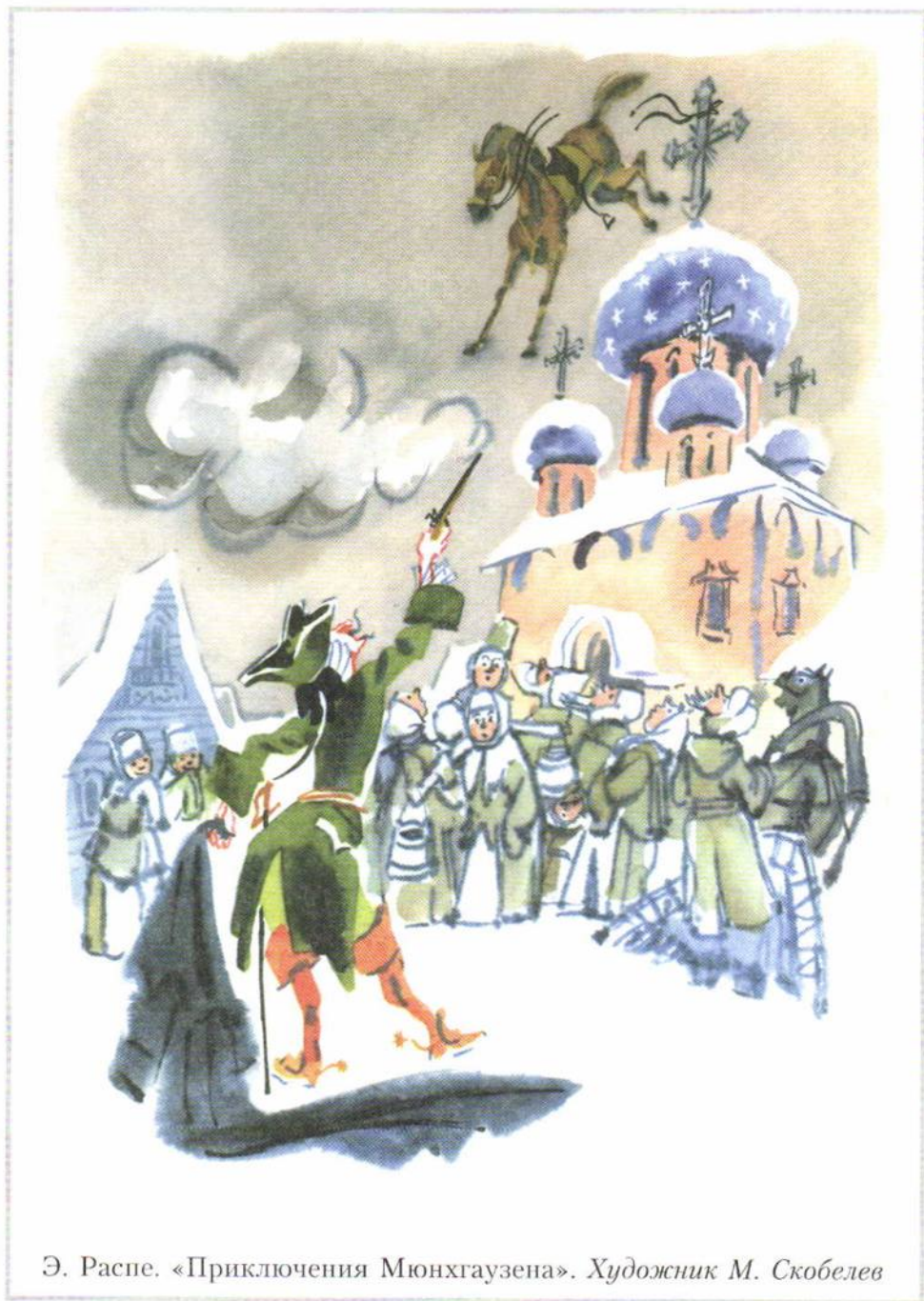

«Приключения
Тома Сойера».
Художник В. Горяев

«Приключения Тома Сойера». Художник В. Горяев

Э. Распе. «Приключения Мюнхгаузена». Художник М. Скобелев